

90216
Д-73

ТРУДЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАНИЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

И. Д. МАНСВЕТОВА

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

выпускъ II и III.

Съ 8-ю полнотипажамъ въ текстѣ и 4-мя таблицами снимковъ.

МОСКВА.

1883.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

I. ИЗСЛѢДОВАНИЯ.

- О древнихъ русскихъ деньгахъ по русской правдѣ. Д. Ч. **С. А. Усова**. . . . . 89—104
Tariz notable de la cathedral de Gerona. Д. Ч. **С. А. Усова**. . . . . 105—114
Описаніе Тверскаго Музея. Д. Ч. **А. К. Жизневскаго**, съ примѣчаніями Гр. **А. С. Уварова**. . . . . 115—153.
Палеолитическіе кухонные остатки въ с. Костенкахъ Воронежскаго уѣзда. Д. Ч. **А. И. Кельсиева**. . . . . 154—180.
Описаніе Сибирскихъ кургановъ и древностей Ч. К. **Н. М. Ядринцева**. . . . . 181—205.
(Таблицы къ этой статьѣ будутъ приложены къ одному изъ слѣдующихъ выпусковъ).

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.

- Статьи: **Н. Я. Аристова** и **А. С. Павлова**.
Колоды. — Еропина. — Наволокъ. — Перъ. — Плищъ. — Потуга. — Прирость. — Прокладицы. — Рогатки. — Рядница. — Торока. — Унейнъ. — Уируга. — Успа. — Утлизна. — Харцизи. — Хлудъ. — Ховъ. — Хортъ. — Цаберь. — Церенъ. — Църъ. — Чага. — Чбанъ. — Чеснокъ. — Чпагъ. — Шара. — Шалыга. — Шестинка. — Шея. — Шпильманъ. — Шпиталь. — Шпынь. — Щуръ. — Яруга. — Ясакъ. — Ясырь. . . . . 206—216.

III. ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. № 174—202.

Статьи: **А. А. Титова**—свѣдѣнія о рѣзномъ крестѣ изъ церкви Никольскаго погоста, Ростовскаго уѣзда (стр. 59); **В. Е. Румянцова**—почему съ половины XVII в. церковныя власти запрещали строить церкви съ шатровыми покрытіями (63); **Д. В. Разумовскаго**—о нотной рукописи 1651 г. (66); **В. Е. Румянцова**—о ходѣ работъ Коммисіи по возобновленію внутренности Московскаго Успенскаго собора (93); **Гр. А. С. Уварова**—о Бутанскомъ соборѣ (101);—отзывъ о брошюрахъ: Спицына—каталогъ древностей Вятскаго края и Мартыанова—Минусинскій публичный мѣстный музей (стр. 2—3); **И. Д. Мансветова**—о сочиненіяхъ **Б. Готтенрота** по древне-христіанскому и византійскому **Миллера**—черты старины въ сказаніяхъ и бытѣ **Иловайскаго**—о книгѣ Рафаэля Контрераса по (12); свѣдѣнія о двухъ каменныхъ бабахъ, находившихся въ уѣздѣ, Ставропольской губерніи (15); **В. Барсова**—переводъ реферата г-жи Месторъ о стилѣ фили находкахъ ломанаго серебра, съ замѣчаніями Гр. **А. В. Барсова**—о кладѣ найденномъ въ Киевѣ пр

71942

302.6
Д 73

ТРУДЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

И. Д. МАНСВЕТОВА

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ВЫПУСКЪ II и III.

Съ 8-ю полиטיפажами въ текстѣ и съ 4-мя таблицами снимковъ.

МОСКВА.
1883.

БИБЛИОТЕКА
Н. М. С.
Инв. № 2142

БИБЛИОТЕКА
Н. М. С.
Инв. № 714

Научно-методический совет
по охране памятников культуры
Министерства культуры СССР

Печатано по опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его устава.
Москва, 4 Октября 1883 года.

Секретарь Общества **И. Мавсветовъ.**

ЗАМѢТКА

О ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ДЕНЬГАХЪ

ПО РУССКОЙ ПРАВДѢ.

Статья Д. Ч. С. А. Усова.

Въ началѣ 1881 года вышло въ свѣтъ сочиненіе П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго: «Опытъ изслѣдованія по вопросу о деньгахъ Русской Правды» ¹⁾. Авторъ, сколько мнѣ кажется, перебравъ всѣ источники и критически разобравъ ихъ, пришелъ во многихъ отношеніяхъ къ положительно вѣрнымъ заключеніямъ: такова относительная цѣнность древнихъ денегъ, т. е. гривны, ногаты, куны, рѣзаны, бѣли и пр. Онъ, такъ сказать, выудилъ все, какъ изъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ источниковъ; но, тѣмъ не менѣе, многое относительно древнихъ русскихъ денегъ,—главнымъ образомъ ихъ происхожденіе, генезисъ,—остается загадочнымъ по прежнему, ибо здѣсь мы должны витать въ области предположеній. Моя замѣтка и есть одно изъ таковыхъ.

I.

П. Н. Дроздовскій въ своей книгѣ приходитъ къ слѣдующимъ тремъ заключеніямъ, которыхъ я только и касаюсь:

а) Первоначально цѣнности назывались скотомъ, потомъ мѣхами и уже наконецъ перешли къ монетѣ, деньгамъ, называвшимся кунами.

¹⁾ Записки Московскаго Университета по отдѣлу Юридическихъ наукъ.
древности IX.

б) Деньги Русской Правды находятся въ такомъ отношеніи: гривна = 20 ногатамъ = 25 кунамъ = 50 рѣзанамъ; ногата = 30 виверицамъ или бѣлямъ; векша самая мелкая единица.

в) Куница и бѣлка (животныя)—не то, что куна и бѣль (цѣнности); ибо эти названія никогда въ рукописяхъ не замѣняютъ другъ друга.

Несомнѣнно, что въ древности, какъ у всѣхъ народовъ, обладавшихъ и обладающихъ многочисленными стадами, и у русскихъ скотъ игралъ роль мѣновой единицы, до введенія денежныхъ знаковъ; но чтобы мѣха замѣнили скотъ,—я не говорю о понятіяхъ, а о словахъ,—этого не могло быть. Слово мѣхъ не употреблялось въ значеніи рухляди, пушнаго товара. Мѣхъ есть цѣльная шкура съ какого либо, преимущественно жвачнаго, животнаго (напр. козла, барана, быка), плотно сшитая, могущая служить для перевозки или хранения жидкостей: это бурдюкъ—въ такомъ только смыслѣ слово мѣхъ употребляется въ церковно-славянскомъ языкѣ; здѣсь волосъ (именно, что цѣнится въ рухляди) не имѣетъ никакого значенія. Потому, отъ шкуры, мѣшкой стали называть всякое вмѣстипище для сыпучихъ тѣлъ: кожаный, холщевый мѣшокъ и т. п., и только въ современномъ языкѣ мѣхъ получилъ значеніе рухляди. Отсюда—если единица мѣны скотъ замѣнился мѣхомъ (въ теперешнемъ значеніи), то мѣхъ назывался въ древней Россіи не мѣхомъ, а инымъ словомъ, притомъ такимъ или такими, которыми обозначались не мѣха безразлично, а только мѣха цѣнные, на которые былъ спросъ и дома и за границей. Еще классическая литература оставила намъ указанія, что пушной товаръ шелъ съ сѣвера въ Римъ; такъ Сенека хвалитъ густоту и нѣжность лисьихъ и соболиныхъ (*murium*) мѣховъ, идущихъ изъ Скиѳіи. Шубы изъ этихъ шкуръ назывались *кавартанес*,—что сблизается съ словомъ кафтанъ,—и торговля ими шла черезъ Черное море ¹⁾. Ни Кіевъ, ни Новгородъ не были богаты пушными звѣрями, ихъ родина сѣверо-востокъ Россіи; слѣд. въ X—XIII вѣкахъ Кіевъ и Новгородъ были лишь конторами, факторіями, откуда остальная Европа могла получать произведенія Русскаго сѣвера. Товаръ по Волгѣ и Дону доходилъ до Кіева, а отсюда въ Византію, по Днѣпру и Черному морю; Новгородъ, владѣвшій всѣмъ побережьемъ Сѣвернаго и Бѣлаго морей, черезъ Регенсбургъ, въ свою очередь, снабжалъ произведеніями Русскаго сѣвера западную Европу. Вотъ два торговыхъ пути и два центра, гдѣ скотъ, какъ цѣнность, замѣнился пушнымъ товаромъ, а потомъ деньгами. И такъ; въ Нов-

¹⁾ G. Semper, Der Stil, 2. Auf l. T. 1, p. 101.

городъ и Кіевъ (по преимуществу) происходилъ обмѣнъ пушнаго товара на цѣнности иного рода: на издѣлія европейскаго юга и запада, на золото и серебро, которыхъ оба центра не имѣли сами и получали со стороны.

Трудно, почти невозможно доискаться по нашимъ памятникамъ, какіе именно пушные товары шли изъ Россіи за границу; этого надобно искать въ источникахъ иноземныхъ. Въ нашей рухляди нуждались иноземцы, ими цѣнилась она дороже.

Мѣха служили на европейскомъ западѣ отличіемъ для различныхъ сановниковъ, и ношеніе тѣхъ или другихъ мѣховъ было опредѣлено тамъ законоположеніями. Геральдика сохранила намъ многое по этому предмету, — вотъ почему считаю нужнымъ обратиться къ даннымъ этой quasi-науки.

II.

Во Франціи первый турниръ былъ устроенъ въ 1066 г. Жоффуа де Прѣлли (Geoffroi de Preuilli), котораго многіе считаютъ первымъ законодателемъ турнирныхъ законовъ. Но въ Германіи рыцарскія потѣхи начались столѣтіемъ ранѣе, и первое законоположеніе для нихъ (legislation des montres d'armes) было сдѣлано Генрихомъ I Птицеловомъ. Какъ бы то ни было, гербовыя, геральдическія правила вполне установились и приняли какъ бы научную окраску во Франціи, гдѣ наука о гербѣ—la science du Blason—хранилась въ теченіи вѣковъ свято и нерушимо ¹⁾, и только подновлена была Наполеономъ I-мъ.

Техническія выраженія гербоваго словаря очень странны, и были предметомъ изслѣдованій многихъ ученыхъ. Намъ не интересны ни формы щитовъ (гербовыхъ), ни ихъ украшенія; важны для насъ такъ называемыя эмали (émaux), т. е. цвѣта, которыми обязательно раскрашивались гербы и названія этихъ цвѣтовъ. Эмалей считается 8, а именно: 2 металла (metaux), 3 цвѣта (couleurs), 3 мѣха (fourrures). Гравюрные знаки (штрихами и точками) изобрѣтены отцемъ Petra Santa, впервые употребившимъ эти знаки въ книгѣ «Tessera gentilitiae».

Металлы: желтый, or—золото и бѣлый, argent—серебро не требуютъ объясненій,—это цвѣтъ самыхъ металловъ.

Цвѣта: красный — gueules — изображается въ гравюрѣ вертикальными штрихами.

голубой — азур — въ гравюрѣ горизонтальными штрихами.

¹⁾ Всѣ данныя взяты мною изъ *Traité complet de la science du Blason*, par Joffroi d'Eschavannes, 1880 г.

зеленый — *sinople* — — — диагональными справа на лѣво (отъ зрителя).

Всѣ эти названія восточнаго происхожденія и означаютъ цвѣта сафьяновъ, крашеныхъ кожъ, которые получались съ азіатскаго востока. Прежде производили *gueule*, названіе краснаго цвѣта, отъ слова *gueule*—пасть у звѣрей. Теперь доказано, что это слово происходитъ отъ тюркскаго слова *ghiul*—роза. Такъ Гулистанъ—страна розъ, и въ русскомъ языкѣ употребляется гуляфная вода вмѣсто розовая вода (при различныхъ богослужебныхъ обрядахъ). Св. Бернардъ пишетъ, что для украшеній одеждъ употребляютъ «*rubicatas pelliculas, quas gulas vocant*».

Azur происходитъ отъ арабскаго *azul*, небесно-голубой цвѣтъ,—изъ чего новогреческое *λαζυριον* и русское лазорь или лазурь. Лазоревый цвѣтъ нашихъ былинъ.

Sinople—названіе зеленаго цвѣта—происходитъ отъ названія города Синопа. Отецъ Menestrier говоритъ, что онъ имѣетъ копію съ рукописи 1400 года, гдѣ находится слѣдующая фраза: «*Synoplum utrumque venit de urbe Synopli, et est bonum; aliud viride, aliud rubicundum. Viride Sinoplum seu Synopum dicitur Paphlagonicus tonos, et rubicundum vocatur Hamatites Paphlagonica*».

Слѣд. на европейскомъ западѣ цвѣтныя кожи получались изъ малой Азіи, и только впоследствии сафьяны Мавританскаго происхожденія измѣнили ихъ французское названіе въ *taoquin*.

Переходимъ къ названіямъ мѣховъ. Эти названія въ данномъ случаѣ представляютъ для насъ наибольшій интересъ.

Черный—*sable*—изображается въ гравюрѣ вертикальными и горизонтальными штрихами.

Бѣлый съ черной разцвѣткой—*hermine*.

Четыре полосы, состоящія изъ небольшихъ колокольчиковъ серебряныхъ и голубыхъ, расположенныхъ въ противоположномъ направленіи,—*vaig*.

Такъ какъ *sable* выражаетъ черный цвѣтъ, то нѣкоторые и производятъ это слово отъ *sable*—песокъ, земля (*terre*); но это толкованіе не выдерживаетъ критики. Вѣрнѣе, *sable* происходитъ отъ немѣцкаго *zobel*, *martre noire*,—русскій соболь. По англійски соболь называется *sable*. Къ соболю и въ нашихъ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ придается эпитетъ «черный.» Соболиныя брови также означаютъ—черныя брови.

Hermine—это горностай, отъ древняго *pelles Hermineae* или *Armeniacae*, откуда итальянское *harmelino*.

Vaig, по извѣстному лексикону Бешереля, есть названіе сѣрой бѣлки *Petit-gris*. Еще Бюффонъ эту разновидность бѣлки считалъ за

особый видъ. Голубой цвѣтъ съ серебромъ, дѣйствительно, соответствуетъ сѣро-голубому цвѣту. Слово *vaig* происходитъ отъ *vivega*; этимъ именемъ римляне называли ласку, а теперь оно присвоивается настоящему еноту (не ракуну), *Viverra genetta*.

И такъ, геральдика намъ указала, что въ западной Европѣ мѣха соболя, горноста и сѣрой бѣлки цѣнились не только какъ рухлядь, но имѣли значеніе генеалогическихъ отличій.

Эти мѣха могли добываться только съ сѣвера Россіи, что сейчасъ увидимъ изъ краткаго очерка географическаго распространенія поименованныхъ звѣрей.

III.

Зоологическій родъ *Martes* (куницы) для европейской пушной торговли имѣетъ трехъ важныхъ представителей: 1) *Martes abietum*, Алб. маг. куница, 2) *Martes Zibellina*, Л. соболь и 3) *Martes Foina*, Bris. бѣлодушка.

Бѣлодушка распространена по всей умѣренной Европѣ (кроме Сардиніи); ея мѣхъ далеко не представляетъ цѣнной рухляди.

Куница имѣетъ почти то же распространеніе, только идетъ гораздо далѣе на сѣверъ и востокъ. Среднеевропейскіе куньи мѣха имѣютъ низкую цѣнность,—только сѣверъ Европы и востокъ, т. е. западная Сибирь и Кавказъ, даютъ, напротивъ, очень цѣнные куньи мѣха, по цѣнѣ и доброкачественности не уступающіе ни въ чемъ мѣхамъ собольимъ.

Соболь, въ настоящее время, животное исключительно сибирское, притомъ чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ дающее мѣха болѣе дорогіе. К. М. Бэръ ¹⁾ говоритъ по поводу географическаго распространенія соболя: «что соболь, по крайней мѣрѣ теперь, исключительно принадлежитъ Сибири,—объ этомъ едва ли нужно упоминать. Напротивъ, вообще тамъ нѣтъ куницы. Эти животныя исключаютъ другъ друга. Только на Уралѣ, западномъ Алтаѣ и вообще на границахъ Сибири встрѣчаются соболь и куница вмѣстѣ. Болѣе древніе источники утверждаютъ, что онъ нѣкогда водился въ сѣверной части европейской Россіи и даже въ Лапландіи. Но замѣчаемое теперь взаимное исключеніе соболя и куницы не позволяетъ довѣрчиво относиться къ такимъ извѣстіямъ».

¹⁾ Статья К. М. Бэра: *Uebersicht des Jagd-Erwerbes in Sibirien etc.*, помѣщенная въ 7-й книгѣ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches*, содержитъ превосходно обработанный матеріалъ для нашихъ свѣдѣній о пушной торговлѣ Россіи. Всѣ цитаты на К. М. Бэра и беру изъ этой статьи.

Оба вида—соболь и куница—на столько близки другъ къ другу, что хотя зоологически они хорошо различаемы, но въ шкуркахъ и зоологъ хорошій куній мѣхъ съ трудомъ отличить отъ собольяго. Болѣе нежели вѣроятно, что соболи шкурки плохо отличались отъ куньихъ до покоренія Сибири. И теперь, по свидѣтельству Палласа, въ мѣстностяхъ, гдѣ эти звѣри сходятся, туземцы не различаютъ ихъ и даютъ имъ одно названіе; напр. въ Верхотурскомъ округѣ соболь и куница называются одинаково—Kidos.

Въ древней Россіи едва ли западно-сибирскіе соболя (едва ли знали восточныхъ) отличались отъ сѣверо-восточныхъ куніцъ торговцами пушнымъ товаромъ. Вѣроятно, шкурки этихъ звѣрковъ, шедшія по восточному Волго-Днѣпровскому торговому пути (факторія Кіевъ), слыли за куньи мѣха (murgium у Сенеки), а шедшія по западному Новгородско-Ганзейскому пути назывались собольими мѣхами. Въ геральдикѣ западно-европейской не видимъ и слѣда куньихъ мѣховъ; однакоже шкурки сѣверныхъ куніцъ шли черезъ Новгородъ въ западную Европу въ большомъ количествѣ.

У армянъ, крымскихъ татаръ и турокъ оба называются Samur ¹⁾.

Дороже цѣнятся черныя соболя (чаще встрѣчаются за Алтаемъ). Не должно думать, что мѣхъ этихъ соболей дѣйствительно черенъ: собственно черныхъ соболей нѣтъ, подпушь у нихъ всегда рыжеватая, брюшко изжелта-бѣлесоватое; но у такъ называемыхъ черныхъ соболей конецъ ости черный, и потому весь хребетъ имѣетъ темный оттѣнокъ, черноватый.

Въ недавно изданныхъ документахъ, касающихся кратковременнаго царствованія Ивана Антоновича, есть извѣстіе, что въ звѣринцѣ отца императора находились куніцы, соболь и самуръ; а мы видѣли, что именовъ самуръ называется и куница, и соболь.

Горностаѣй.

Foetorius Erminea, L.—маленькій звѣрокъ, ближайшій къ ласкѣ (Foetorius vulgaris, Briss.), лѣтомъ на спинкѣ буро-красноватый съ ржаво-красноватой подпушью, зимою бѣлый, съ бѣлою же подпушью. Во всѣ времена года брюшко бѣлое съ желтоватою подпушью, а конечная половина хвоста совершенно черная. Этотъ звѣрокъ очень сильно распространенъ по всей сѣверной части Стараго свѣта: отъ подножія Пиринеевъ, онъ водится по всей средней и сѣверной Европѣ, по

¹⁾ Отъ слова Samur, вѣроятно, произошло нѣмецкое слово Zimmer, обозначающее 40 собольихъ или куньихъ шкурокъ.

всей сѣверной и средней Азіи, до Гималая и Восточнаго океана. Но средне-европейскіе экземпляры даютъ весьма дешевый мѣхъ. Цѣнятся только мѣха сибирскихъ, уральскихъ и сѣверно-европейскихъ горностаевъ ¹⁾,—только у этихъ мѣхъ густъ и совершенно бѣлъ (безъ желтизны) зимою. Лѣтнія шкурки вовсе не идутъ въ дѣло. Не смотря на дешевизну горностаевыхъ шкурокъ, вслѣдствіе малой величины, мѣхъ становится дорогимъ. Мѣхъ горностаей служилъ и служитъ отличіемъ царственныхъ владѣтельныхъ особъ. Еще не такъ давно въ мелкомъ купечествѣ и мѣщанствѣ русскомъ женщины носили такъ назыв. куцавейки, отороченныя поддѣльнымъ горностаемъ, съ такимъ же широкимъ воротникомъ. Такой поддѣльный горностаей назывался бѣличимъ мѣхомъ, хотя никогда не изготовлялся изъ бѣлки, а изъ зайца, кролика и очень рѣдко изъ зимней шкурки ласки.

СѢРАЯ БѢЛКА.

Еще Бюффонъ отдѣлялъ сѣрую бѣлку отъ обыкновенной въ особый видъ, подъ названіемъ *Petit-gris*. Теперь мы знаемъ, что сѣрая бѣлка есть не болѣе какъ цвѣтной, отъ климата зависящій, *varietetъ*. Бѣлка, или, какъ ее называютъ въ лѣтней рубашкѣ (*Pallas, aestiva, praesertim in Sibiria*), векша—*Sciurus vulgaris*—водится во всей Европѣ и сѣверной Азіи, отъ Атлантическаго океана и Средиземнаго моря до Лапландіи, Кавказа, Алтая, по сѣверной Сибири до Восточной Азіи.

О цвѣтѣ зимней шерсти бѣлки Галеховскій ²⁾ говоритъ: «цвѣтъ волоса зависитъ преимущественно отъ климата. Въ южныхъ странахъ спина у бѣлки исѣра-бурая, даже бурая, брюшко бѣлое съ желтоватымъ отливомъ. Въ средней Европѣ, Азіи и Америкѣ ³⁾ спинка красновато-сѣрая, исподъ бѣлый. Въ сѣверномъ климатѣ спинка голубовато-сѣраго цвѣта; чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ цвѣтъ темнѣе и постепенно переходитъ почти къ черному».

«Въ западной Россіи, какъ вообще въ Европѣ, бѣлка болѣе рыжа, чѣмъ сѣра, съ короткимъ, тонкимъ волосомъ, при этомъ съ тонкою мездрой. Но въ сѣверо-восточной части европейской Россіи красноватый цвѣтъ теряется, и бѣлка становится все болѣе свѣтло-сѣрой. Далѣе, по ту сторону Урала, въ сибирскихъ лѣсахъ бѣлка принимаетъ темно-сѣрый цвѣтъ, а далѣе къ востоку становится бурой, наконецъ голубовато-темной. При этомъ шерсть длиннѣе, гуще, нѣжнѣе и пушинѣе, съ болѣе обильною подпушью, а мездра въ то же время толще, слѣд. прочнѣе».

¹⁾ Blasius, Säugethiere Deutschlands.

²⁾ Библиотечка хозяйственно-коммерческихъ знаній, отдѣлъ товаровѣднія. Выписки у Бера I. с.

³⁾ Тамъ другой видъ.

Только бѣлки съ сѣрой спинкой безъ краснаго налета (въ зимней шерсти) имѣють торговое значеніе и составляютъ въ Россіи важный предметъ вывоза. Эти-то шкурки назывались vair, потомъ petit-gris, въ Германіи Grauwerk. Рыжія же (или лѣтнія) бѣлки, собственно векши,—товаръ ничтожной вѣнности.

Лучшія сѣрыя бѣлки добываются изъ Сибири, съ сѣвера Россіи. Въ торговлѣ сорта этой бѣлки имѣють особыя названія; изъ этихъ сортовъ, до покоренія Сибири, шли въ торговлю слѣдующія три:

а) Зырянка, во всей Вологодской губ., части Олонецкой; ее бьютъ въ Архангельскѣ, Вяткѣ, Перми и Казани. Зырянка чѣмъ далѣе къ сѣверу и востоку, тѣмъ лучше и дороже. Самыя дешевыя добываются въ уѣздахъ Вологодскомъ, Грязовецкомъ, Тотмѣ, Вельскѣ; она лучше въ Устюгѣ, еще лучше въ Сольвычегодскѣ, Яренскѣ и Усть-сысольскѣ, гдѣ бѣлка больше и мѣхъ лучше, оттого что въ этомъ уѣздѣ растеть много сибирскаго кедра. Лучшія зырянки добываются по Печорѣ. Въ Лейпцигѣ зырянка называется «Kasansche Grauwerk», хотя изъ Казани идетъ очень мало бѣлки.

б) Заводская, — такъ называется бѣлка, добываемая въ Заводскомъ округѣ Пермской губ., по склонамъ Урала. Этотъ сортъ цѣнится выше зырянки.

в) Пелымская, добываемая по Пелыму, Иртышу до Оби; этотъ сортъ на $7\frac{1}{2}\%$ цѣнится дороже Заводской бѣлки. ¹⁾

Изъ всего этого слѣдуетъ, что мѣха соболя, горностая и сѣрой бѣлки, — мѣха, игравшіе столь важную роль въ средневѣковомъ костюмѣ, — могли доставляться только съ сѣвера Россіи и, понятно, черезъ ея два главныхъ рынка — Кіевъ и Новгородъ, откуда, какъ уже прежде было сказано, черезъ Византію и черезъ Ганзу, эти товары доходили до потребителей. Очевидно также, что мѣха вышеупомянутыхъ пушныхъ звѣрей составляли для древнихъ русскихъ одинъ изъ главныхъ предметовъ вывозной торговли, и что на эти мѣха вымѣнивались товары Византіи и западной Европы, т. е. металлы, паволоки, оксамиты и пр. и пр. Очевидно также, что предметы (пушная рухлядь) такой торговой важности должны были какъ-нибудь называться, и что эти названія должны остаться въ письменныхъ памятникахъ.

IV.

Прежде разрѣшенія вопроса о названіяхъ пушнаго товара, идущаго за границу въ древней Руси, замѣтимъ, что встрѣчающіяся названія денегъ въ Русской Правдѣ: гривна, куна, виверица, бѣль, векша —

¹⁾ Вагг, I. с.

имѣють видъ (*habitus*) именъ существительныхъ; напротивъ, ногата и рѣзана имѣють форму именъ прилагательныхъ съ усѣченнымъ окончаніемъ, притомъ женскаго рода.

Нѣтъ сомнѣнія, что виверица,—то же что *vaig* (происх. отъ *viverga*),—обозначаетъ зимній мѣхъ сѣрой бѣлки.

Бѣль, по мнѣнію Круга и Бѣра, этихъ геніальныхъ изслѣдователей, есть горностаѣ; къ этому я позволю себѣ добавить, что бѣль не означаетъ звѣря горностаѣ, а лишь его зимнюю шкуру. Съ этимъ, думаю, всякій согласится, припомнивъ, что горностаѣ бѣль только зимою. Рай и назвалъ этого звѣря *Mustella candida*.

Куна представляетъ болѣе затрудненій для объясненія. Что к у н а не есть к у н и ц а—показываетъ то, что въ рукописяхъ никогда одно слово не замѣняется другимъ; слѣд. этими именами выражаются различныя понятія. Мы знаемъ, что всѣ пушные звѣри весною теряютъ болшинство подпушки, и мѣхъ лѣтній по цѣнности несравненно ниже зимняго. Осенью пушные звѣри линяютъ во второй разъ—и тутъ-то пріобрѣтаютъ они ту подпушь и ту длину ости, которыя придаютъ мѣху его цѣнные качества. На языкѣ промышленниковъ и охотниковъ, пушные звѣри (отъ зайца, бѣлки, волка, до соболя и куницы) не линяютъ осенью, линяютъ они лишь весною, а осенью к у н я т с я,—и звѣрь, по окончаніи линьки, называется в ы к у н и в ш и м с я. К у н и т с я, в ы к у н и в а т с я—все слова одного корня съ словомъ к у н а и даже, вѣроятно, происходятъ отъ послѣдняго. Думаю, что болѣе нежели вѣроятно, подъ словомъ к у н а должно разумѣть цѣнную шкуру уже в ы к у н и в ш а г о с я пушнаго звѣря ¹⁾. Звѣрь пушной по преимуществу есть соболь (или, какъ мы видѣли, куница), и какъ скотъ, по преимуществу, есть рогатый скотъ, т. е. быкъ и корова, а не овца (хотя тоже съ рогами), такъ и к у н а—зимній мѣхъ главнаго пушнаго звѣря, т. е. соболя и куницы. Послѣднее названіе и происходитъ отъ слова к у н а.

Въ противоположность лучшему мѣху, самый дешевый, плохой мѣхъ—вешній. Думаю, что такимъ же путемъ вешній мѣхъ, в е ш к а, а съ перестановкою буквъ—в е к ш а, стало названіемъ лѣтней, ничего почти не стоящей шкурки рыжей бѣлки. Потомъ уже рыжая бѣлка и сама стала называться вешней.

Не думаю, чтобы въ такомъ толкованіи можно было видѣть натяжку; мнѣ кажется оно совершенно естественнымъ, тѣмъ болѣе,

¹⁾ Знатоки Монголо-алтайскихъ нарѣчій, мнѣ кажется, могутъ дать рѣшающій отвѣтъ, объяснивъ значеніе именъ городовъ и урочищъ: Кунгуръ, Кунавино и т. п., даже Куэн-люнь или Люнь-Кунъ, какъ пишутъ это названіе теперь. Припоминаю, кстати, народное слово к у н к а—мѣсто, покрытое волосами.

что такимъ образомъ въ древнемъ Русскомъ языкѣ мы находимъ названія, соотвѣтствующія геральдическимъ *sable*, *hermine* и *vaig*.

Если же это такъ, то объясненіе ногаты и рѣзаны чрезвычайно просто и естественно,—что, по моему мнѣнію, также подтверждаетъ вѣрность моего толкованія слова *куна*.

Обычаи дольше держатся, чѣмъ каменные зданія, и въ обычаяхъ нынѣшней Россіи мы встрѣчаемъ отголоски Руси языческой.

Соболья шкурка или продается цѣликомъ, или же раздѣливается на части, которыя и сшиваются вмѣстѣ для продажи мѣшками, т. е. мѣхомъ, достаточнымъ для шубы.

Я не буду говорить о лапчатыхъ (изъ однихъ лапокъ), шейчатыхъ (изъ шеекъ), лобковыхъ (изъ затылковъ) и душчатыхъ (изъ горлышекъ) мѣхахъ: понятно, въ древней Руси такая мелочная сортировка, при торговлѣ только мѣновой, не могла имѣть мѣста.

Самая дорогая часть соболей шкурки—спинка съ передними лапами; изъ этихъ спинокъ и получается драгоцѣнный хребтовый мѣхъ—это, по моему мнѣнію, и есть *куна* по преимуществу. Никто не станетъ изъ такого мѣха шить себѣ шубы: онъ идетъ на воротники.

Отрѣзанная часть шкурки, т. е. болѣе дешевое брюшко съ задними лапами, даетъ черевій мѣхъ,—это рѣзана.

Наконецъ, цѣлый соболь съ четырьмя лапами—дающій просто соболей мѣхъ—будетъ ногата. Ибо окончаніе тый въ прилагательныхъ соотвѣтствуетъ предлогу съ: такъ крылатый—съ крыльями, хвостатый—съ хвостомъ, пузатый—съ пузомъ; слѣд. ногатый—съ ногами.

V.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ П. Н. Дроздовскаго, что словомъ *гривна* означалось ожерелье, или монисто. Доводы, имъ приводимые, весьма вѣски. Но полагаю, что не всякое монисто и не всякое ожерелье (разумѣется, металлическое) называлось гривною; иначе бармы Мономаховы также назывались бы гривною. Пр. Казанскій ¹⁾ напрасно говоритъ, что въ *Vulgata* слово, передаваемое на церковно-славянскомъ языкѣ гривною, переводится словомъ *fibula* (пряжка). Пр. Иеронимъ, напротивъ, во всѣхъ мѣстахъ, напр. кн. Бытія, Прор. Данила и пр., ставитъ соотвѣтственно славянской гривнѣ слово *torques*. *Torques* же есть просто металлическій пруть, проволока, которую огибали вокругъ шеи. Такія *torques*-гривны очень часто

¹⁾ Цитованъ у Дроздовскаго.

встрѣчаются при раскопкахъ могилъ. Не должно смѣшивать гривны и съ гривною чепью, ибо такая по латынѣ называется не *torques*, а *monile*; точно также не знаю, есть ли указаніе, чтобы грузило такой шейной цѣпи, въ видѣ медали, называлось бы въ древнемъ языкѣ гривною: для такого понятія есть и особое слово *цата*. Какъ бы то ни было, думаю, что значеніе гривны—ожерелье есть значеніе, сравнительно, позднѣйшее, которому предшествовало иное значеніе, въ то время, когда золото и серебро еще не выражали цѣнностей (деньги). Золото и серебро не были нашимъ русскимъ товаромъ,—это не скотъ и не мѣха-куны.

Странно видѣть, что въ одно и то же время мѣновою цѣнностью были и мѣха, и металлы—и свое, и чужое.

Гривна, этимологически, есть принятое какъ существительное имя прилагательное, въ усѣченной формѣ, полная форма котораго есть гривнаа. Очевидно, что прилагательное происходитъ отъ слова грива.

Гривою называютъ у животныхъ болѣе длинный волосъ, расположенный вдоль или поперекъ шеи, и только шеи. У лошади грива вдоль, у льва—вокругъ ея. Поэтому загривкомъ называется часть шеи ниже косы (болѣе длинныхъ волосъ, спускающихся на шею). Замѣтимъ, что до сихъ поръ въ портняжномъ дѣлѣ шовъ, соединяющій на плечахъ спинку съ грудью, или полоски, лежація (какъ погоны) на плечахъ между спинкой и грудью, называется гривенками. И такъ, если бы гривною называлось что либо сдѣланное изъ мѣха, то это было бы мѣховое оплечье, окружающее шею,—это было бы то, что мы неправильно называемъ мѣховымъ воротникомъ, капюшономъ. Неправильно такъ называется—потому, что воротъ, воротникъ, можетъ быть лишь то, что отворачивается, а капюшонъ долженъ покрывать голову (*caput*). Такія широкія мѣховыя оплечья дѣйствительно носились и носятъ и у насъ, и на западѣ. У зырянъ, на сѣверѣ европейской Россіи, это обыкновенное украшеніе женщинъ, а на западѣ такія мѣховыя оплечья имѣли еще большее значеніе въ среднія вѣка. Владѣтельные особы, и только одни они, могли носить горностаевыя оплечья; во Франціи ихъ называли *collet*; собольи оплечья, также какъ изъ сѣрой бѣлки, присвоивались, какъ и оторочки мѣховыя, различнымъ степенямъ рыцарства и дворянства, а также сановникамъ: такъ изображенъ на древней картинѣ первый ректоръ Пражскаго университета съ широкимъ, даже неразрѣзаннымъ спереди оплечьемъ изъ сѣрой бѣлки. Это мѣховая камаль Венеціанскаго дожа и Римскаго папы. Такъ камаль Іюлія II, на портретѣ, красная съ подушью и оторочкою изъ сѣрой бѣлки. Еще въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ такія оплечья носились дама-

ми и назывались палатинами, потому что ихъ ввела въ моду принцесса Палатина, во время несовершеннолѣтія Лудовика XIV. Отголосокъ такого костюма мы видимъ въ горностаевомъ оплечьи порфиръ, употребляемыхъ при коронаціяхъ всѣхъ европейскихъ коронованныхъ особъ.

Мѣховому оплечью вполне соответствуетъ лексическое значеніе гривны. Въ такихъ оплечьяхъ нуждались на западѣ: шуба и слишкомъ дорога была, и слишкомъ тепла, тогда какъ оплечье—гривна была необходима для обозначенія достоинства носящаго лица. Такое оплечье изъ соболя, конечно, уже подбиралось изъ однихъ хребтовъ, т. е. изъ кунъ по преимуществу.

Полагаю, что сопоставленіе всего сказаннаго достаточно вполне, если не для доказательства, то для полной вѣроятности предположенія, что гривна обозначала прежде всего—мѣховое оплечье.

Является вопросъ, на который необходимо отвѣтить: какъ названіе мѣховаго оплечья стало названіемъ металлическаго ошейника—torques? Думаю, что моя догадка по этому поводу не будетъ невѣроятною.

Въ Китаѣ до сего времени вмѣсто мелкихъ денегъ употребляется тонкая серебряная проволока. У каждаго торгующаго китайца на поясъ ножницы, вѣски и запасъ серебр. проволоки. Цѣнность мелкой вѣсовой единицы серебра опредѣлена; слѣд. при расчетахъ отрѣзается часть проволоки, отвѣшивается требуемое количество—и это замѣняетъ мелкую размѣнную монету.

Въ торговлѣ съ дикарями, зеркала, бусы и т. п. играютъ роль денегъ, на которыя вымѣниваются цѣнные для Европы предметы, напр. слоновые бивни.

На древне-русскихъ рынкахъ, въ Новгородѣ и Киевѣ, своей монеты не было, и размѣнъ товаровъ юга и запада Европы на товары сѣвера Россіи несомнѣнно производился, такъ сказать, ухо-на-ухо. Проволока серебряная и золотая, извѣстной толщины, по длинѣ достаточная для torques, по стоимости равнялась столькимъ собольимъ мѣхамъ, сколько ихъ было нужно для мѣховаго оплечья. Такая проволока и такое оплечье для новгородцевъ и киевлянъ, не бывшихъ производителями ни того, ни другаго товара, были только равными цѣнностями, а потому и могли называться одинаковымъ именемъ—и этимъ путемъ гривна, оплечье мѣховое, стало металлическимъ прутомъ, годнымъ для гривны-ошейника, torques.

Отсюда переходъ къ вѣсовой гривнѣ чрезвычайно простъ: она будетъ означать лишь то, что такой-то вѣсъ золота или серебра по цѣнѣ соответствуетъ мѣховой гривнѣ.

Я полагаю, что подъ выраженіемъ: «гривна золота», «гривна серебра», мы должны разумѣть гривну вѣсовую, и такая новгородская гривна

могла отличаться отъ кievской, или быть съ нею одинаковою—это все равно для дѣла. Это покажетъ только, что на кievскомъ и новгородскомъ рынкахъ рухлядь цѣнилась одинаково или различно, сравнительно съ мѣстными цѣнностями металловъ. Естественно предполагать, впрочемъ, что вѣсъ металлической гривны, какъ равностоимость пушного товара, колебался и не былъ постоянно одинаковымъ.

П. Н. Дроздовскій сказалъ, что въ древней Руси цѣнности назывались скотомъ, потомъ мѣхами; а изъ предыдущаго слѣдуетъ, что слово «мѣхъ» въ ту эпоху замѣнялось словомъ «куна». Слѣд., скоть (какъ выраженіе цѣнности) сталъ куной.

Тѣмъ же самымъ логическимъ путемъ, какъ гривна-оплечье могла сдѣлаться гривной металлической вѣсовой, кунамѣхъ перешелъ, когда стали ходить въ древней Россіи монеты, свои или чужеземныя, но какъ единицы стоимости, а не вѣса,—кунамѣхъ, повторяю, перешелъ въ кунны—деньги, въ монеты.

Отсюда гривна-кунъ не есть вѣсовая, а уже монетная единица: хотя бы кунны-монеты и не было, какъ Гамбургской марки-банко или Англійскаго фунта стерлинговъ, какъ у насъ, при отсутствіи деньги (монеты), мы металлъ въ монетѣ называемъ деньгами.

Этимъ можно объяснить значеніе чернаго, скорнаго, или куннаго серебра. Полагаю, что вопросъ о лигатурѣ тутъ не имѣетъ мѣста. Прилагательныя: скорный и кунный могутъ имѣть только одно значеніе—мѣховой (скорнякъ, кунамѣхъ). Черный, по предыдущему, соотвѣтствуетъ соболиному. Слѣдовательно, черное, скорное или кунное серебро должно переводиться—мѣховое серебро. Но кунна стала монетой. Отсюда черное, скорное или кунное серебро означать должно не металлъ серебро, а серебро въ монетѣ.

VI.

Перехожу къ относительной стоимости древнихъ русскихъ кунъ—денегъ.

Изслѣдованія П. Н. Дроздовскаго, мнѣ кажется, доказали, что гривна=20 ногатамъ=25 кунамъ и 50 рѣзанамъ; изъ того же изслѣдованія мы видимъ, что ногата=30 виверицамъ. Отношенія же виверицы къ бѣлкѣ не опредѣлилъ. Принимая виверицу за сѣрую бѣлку, а бѣль за шкурку горнастая, и, въ то же время, сравнивая цѣны почти намъ современныя (мы имѣемъ въ неразъцитованной статьѣ К. М. Бэра подробную роспись цѣнъ на пушной товаръ за 1825 г.),—можно считать, что виверица равняется 2 бѣлямъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ величинѣ самыхъ шкурокъ. Такимъ образомъ получится слѣдующая таблица.

1 гривна	= 20 ногатамъ	= 25 кунамъ	= 50 рѣзанамъ	= 600 виверицамъ	= 1200 бѣлей
1 ногата	= $1\frac{1}{4}$ куны	= $2\frac{1}{2}$ рѣзаны	= 40 виверицамъ	= 60 бѣлямъ.	
1 куна	= 2 рѣзанамъ	= 24 виверицамъ	= 48 бѣлямъ.		
1 рѣзана	= 12 виверицамъ	= 24 бѣлямъ.			
		1 виверица	= 2 бѣлямъ.		

Къ этой таблицѣ нужно сдѣлать два замѣчанія. а) Мы видимъ въ этой таблицѣ, что счетъ былъ несомнѣнно на дюжины; такъ:

рѣзана	= 2 дюжин. бѣлей.
куна	= 4 дюжин. бѣлей.
ногата	= 5 дюжин. бѣлей.
гривна	= 100 дюжин. бѣлей.

б) Во вторыхъ, можетъ показаться страннымъ, что цѣлый соболь-ногата, изъ которой выдѣлывается и хребеть куна, и вдвое дешевле послѣдней черево-рѣзана, долженъ былъ бы равняться тремъ рѣзанамъ; а между тѣмъ изъ таблицы выходитъ, что ногата равняется всего $2\frac{1}{2}$ рѣзанамъ. Это, впрочемъ, легко объясняется тѣмъ, что на раздѣлку идутъ крупные соболи, тогда какъ цѣлыми продаются всякіе.

Изъ упомянутой статьи Бэра мы видимъ, что въ настоящее время, какъ, вѣроятно, по устойчивости обычаевъ, и въ древности, соболи продаются сороками или сорочками въ 20 паръ цѣлыхъ соболей, кипами въ 10 паръ и парами. Одиночками продаются только рѣдкостные экземпляры. И такъ, считая цѣлаго соболя за ногату, имѣемъ:

Сорокъ или циммеръ	= 2 кипамъ или гривнамъ.
Гривна или кипа	= 10 паръ ногатъ.

Этимъ объясняется отчасти значеніе гривны, въ послѣдствіи, какъ десятка коп.

Кромѣ продажи сороками, соболи подбираются и продаются мѣшками, т. е. такимъ количествомъ мѣха, какой нуженъ для цѣлой шубы. Бэръ указываетъ, что на мѣшокъ цѣлыхъ соболей идетъ 80 штукъ, а черевьевъ—120. Слѣд. ногата = $\frac{1}{80}$ мѣшка, а рѣзана = $\frac{1}{120}$. Если изъ цѣлаго соболя вычтемъ черево, то получится хребеть, или около того: $\frac{1}{80} - \frac{1}{120} = \frac{120-80}{9600} = \frac{4}{960} = \frac{1}{240}$ мѣшка, т. е. на мѣшокъ пойдетъ 240 кунъ.

Понятно, какъ велика цѣна шубы изъ хребтового мѣха: каждый хребеть вдвое дороже и вдвое меньше брюшка.

Если положить, что бѣль стоитъ 15 коп., то мѣховыя цѣнности по таблицѣ будутъ: бѣль—15 к., виверица—30 к., рѣзана—3 р. 60 к., куна 7 р. 20 к., ногата 9 руб., гривна изъ цѣлыхъ соболей 180 р., сорокъ 360 р. и наконецъ мѣшокъ—720 руб.

Я взялъ цѣну шкурки горностая 15 коп., потому что въ 1825 году именно она стоила 15 коп. ассигн. Въ таблицѣ, приложенной къ статьѣ. Бѣра, мы имѣемъ слѣдующія цѣны за 1825 г.:

Горностай 15 к., сѣрая бѣлка отъ 30 до 35 коп., соболь отъ 5 до 10 руб.,—совпаденіе относительной стоимости мѣховъ, по истинѣ, замѣчательное.

Объ цѣнности шкуры рыжей бѣлки—векши я не говорю, потому что она должна быть ничтожной.

VII.

Въ заключеніе, я позволю себѣ замѣчаніе о куньихъ мордкахъ. Что кожаныхъ денегъ не было, это можно считать доказаннымъ. Что же такое мордки куньи? Каченовскій считалъ ихъ за головы кунницъ, говоря: «гдѣ морда, тамъ и голова». Если бьютъ по мордѣ,—пожалуй, что и такъ. Но въ цѣнностяхъ такое воззрѣніе къ дѣлу не подходитъ.

У звѣрей голый, непокрытый волосомъ, конецъ носа называется у копытныхъ—рыломъ, коготныхъ—мордой. Морда имѣетъ видъ кружка, въ срединѣ котораго прорѣзываются ноздри. На шкуркахъ, святыхъ съ животнаго, это кружокъ съ двумя продолговатыми дырами. При постоянной торговлѣ мѣхами, форма морды не могла ускользнуть, и если за шкурку давали не проволоку, а металлическую бляху, то ее легко могли обозвать мордкой. Въ такомъ случаѣ двухія, долги мордки будутъ бляхами съ двумя продольными отверстіями—ушками,—бляхи весьма удобныя, чтобы соединить ихъ въ гривенную цѣпь.

Представляя мою замѣтку читателямъ, прошу ихъ: исправляйте Бога для, а не кляните.

Дополненія.

Моя статья была уже отпечатана, когда я попалъ на нѣсколько источниковъ, подтверждающихъ мое мнѣніе о древнихъ деньгахъ. Предлагаю найденное мною въ видѣ отрывочныхъ примѣчаній:

1) Первое названіе цѣнностей было скотъ,—названіе, сохранившееся еще тогда, когда были и кунны, и гривны. Въ словарѣ церковно-славянскаго языка Востокова, подъ словомъ скотъ 2), читаемъ: скотъ, казна, деньги. Лавр., 49: начаша скотъ съ бирати ѿ мужа по 4 кунны а ѿ старость по 10 гри^в. а ѿ боярь по 18 гри^в. и приведоша варягы вдаша имъ скотъ.

2) Скотъ, въ значеніи цѣнности, замѣнилось словомъ кунны. А это слово имѣло первоначально значеніе цѣнныхъ, дорогихъ (какъ я го-

ворилъ уже—зимнихъ) мѣховъ. Въ томъ же словарѣ, подѣ словомъ коуны, читаемъ: 1) вообще драгоцѣнные мѣха. Златоструй XII вѣка: ты же облачишися и ходиши въ брачинѣ ¹⁾ и въ коунахъ. На современномъ намъ языкѣ мы бы выразились: ты же одѣваешься въ шелки и соболя.

3) П. Н. Дроздовскій считаетъ гривну (ожерелье) за синонимъ монисто. Мы видѣли, что [Препод. Иеронимъ въ Вульгатѣ вездѣ, гдѣ въ славянскомъ стоитъ гривна, ставитъ слово torques, т. е. ошейникъ изъ изогнутой проволоки. Монисто же Востоковъ переводитъ словомъ monile, и теперь подѣ этимъ разумѣется ожерелье нанизанное. Въ Торжественникѣ XII вѣка Имп. Публичной Библиотеки помѣщено слово Іоанна Златоуста «О богатомъ и бѣднягѣ» ²⁾: здѣсь мы находимъ мѣсто, изъ котораго ясно, что гривна и монисто не одно и то же. Приводимъ это мѣсто:

Тъ богатыи на земли живаше въ багрѣ хожааше. Коуны ꙗко бѣли бѣша златѣмъ оукрашени съдѣлаюго поплащена. раби ꙗко предѣтекоуще мнози. въ брачинѣ и въ гривнахъ златахъ. а друзіи съзади. оброчи и мониста носяще.

Невольно бросается въ глаза сходство выраженія «въ брачинѣ и гривнахъ златахъ» съ предыдущею цитатою изъ Златоструя: коуны здѣсь замѣнены гривнами златыми.

4) Последнее примѣчаніе. Въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ было слово собѣ, собѣ, въ значеніи лица, ипостаси. Отсюда—особа, особенный, особый. Предлагаю филологамъ вопросъ, котораго рѣшить не смѣю: соболь, пишась собль, не происходитъ ли отъ того же корня, и это слово (перешедшее въ нѣмецкое Zobel и француз. и англ. sable) не могло ли имѣть значенія коуны (зимней шкурки) особой, отборной?

¹⁾ Брачина—шелковая ткань.

²⁾ Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ памятникахъ, Срезневскаго, XL—LXXX, р. 553.

TAPIZ NOTABLE DE LA CATHEDRAL DE GERONA,

замѣчательный коверъ Геронскаго собора.

Статья Д. Ч. С. А. Усова.

Такова подпись подъ полнотипажемъ, точная копія съ котораго приложена къ этой статьѣ. Полнотипажъ этотъ, вырѣзанный изъ какой-то иллюстрированной испанской газеты, былъ присланъ въ письмѣ В. Э. Миллеру М. М. Ковалевскимъ безъ всякихъ разъясненій. Еще въ прошломъ году я сдѣлалъ въ Обществѣ сообщеніе объ этомъ коврѣ. Нынѣшней весной я получилъ одно изъ руководствъ, издаваемыхъ Южнымъ Кенсингтонскимъ музеемъ, именно руководство по промышленному испанскому искусству (The industrial arts in Spain), составленное I. Ф. Ріано въ Мадридѣ; въ этомъ сочиненіи Геронскому коврѣ посвящены двѣ страницы (266 и 267), гдѣ хотя нѣтъ подробнаго описанія этого ковра, но все же помѣщены нѣкоторыя весьма любопытныя данныя, которыми я воспользовался въ настоящей статьѣ.

Древніе ковры вообще довольно рѣдки, и всякій матеріалъ по ковровому дѣлу по справедливости цѣнится археологами.

Самый древній извѣстный коверъ есть шитый коверъ, хранящійся въ Вауеихъ: эту работу относятъ къ концу XI вѣка и приписываютъ Матильдѣ, женѣ Вильгельма Завоевателя, или же одной изъ ея придворныхъ дамъ, Leviet.

Ковровъ XII и XIII вѣка мы совсѣмъ не знаемъ; но съ XIV вѣка Фландрія сдѣлалась центромъ ковроваго производства, и въ XV вѣкѣ въ Аррасѣ, Валансьенѣ, Турне, Оденардѣ и Брюсселѣ было выработано наибольшее количество сохранившихся лицевыхъ тканыхъ ков-

ровъ. Отъ Arrаса самыя ковры стали называться въ Италіи Aggazi. Съ XVI вѣка, ковровыя фабрики распространились по всей Европѣ, и Франція (Гоббелены) стала доставлять наилучшіе ковры ¹⁾.

Коверъ Геронскаго собора не тканый, а вышитъ шерстями по полотну, такъ утверждаетъ Pіано; онъ имѣетъ около 5 аршинъ 12 вершк. въ длину и около 5 арш. 2 вершк. въ ширину. Средину ковра занимаетъ кругъ съ изображеніемъ Спасителя, безбородаго, съ крестчатымъ нимбомъ. Правая рука благословляетъ, въ лѣвой Христосъ держитъ разгнутую книгу съ словами $\frac{S D}{S} \bar{S}$, что, безспорно, означаетъ

Sanctus Deus. По одну сторону лика Спасителя стоитъ слово EX, по другую SCRTIS. Pіано читаетъ эту надпись «Rex fortis»; едва ли это такъ; мнѣ кажется, вѣрнѣе читать «ex scriptis»: тогда эта надпись указывала бы на то, что, по Писанію, Христосъ, Слово Божіе, творилъ міръ (мы увидимъ, что кругомъ изображено сотвореніе міра), — «словомъ Господнимъ небеса утвердишася». Тогда какъ Сильный Царь, по моему мнѣнію, вовсе не имѣетъ значенія при словахъ: Святыи Богъ, написанныхъ на книгѣ. Впрочемъ, судить о надписяхъ только по политипажу весьма трудно. Тутъ слишкомъ много простора для конъектуръ, ибо источниковъ ошибокъ слишкомъ много: ошибки первоначальнаго узора, ошибки при шитьѣ, ошибки отъ поврежденій ковра, ошибки отъ незнанія рисовальщика, снимавшаго копію, наконецъ ошибки политипажиста. Тѣмъ не менѣе въ конъектурахъ я буду держаться наиболѣе близкаго къ политипажу чтенія. Такъ въ данномъ мѣстѣ R не существуетъ передъ EX.

Вокругъ медальона съ Христомъ идетъ надпись: DIXITOVOOVE D—S EIATLVXETFACTAELVX. Чтеніе очень просто: Dixit quoque Deus: fiat lux et facta est lux; «сказалъ также Богъ, да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ». Замѣтимъ, что въ этой надписи O и Q пишутся одинаково, и что въ словѣ fiat F замѣнено буквою E. Пространство между этою надписью и окружностью круга концентрическаго первому раздѣлено радіусами на 8 частей; въ верхнемъ вырѣзкѣ изображена вода, а въ серединѣ, въ кружкѣ, голубь (Святыи Духъ) съ крестчатымъ нимбомъ на головѣ. Надъ голубемъ надпись въ двѣ строки, изъ которыхъ первая заканчивается буквою R, а вторая состоитъ изъ одного слова AOVAS—aquas. Несомнѣнно, эта надпись возстановляется изъ текста Блаженнаго Иеронима 1-й главы книги Бытія: «Spiritus Dei super aquas. «Духъ Божій надъ водами».

По обѣ стороны находятся два вырѣзка съ изображеніемъ Ангеловъ,

¹⁾ Lacroix. Les arts au Moyen Age et à l'époque de la Renaissance, p. 45 и слѣд. Labarte, Histoire des arts industriels, 2 ed. t. II. p. 439.

изъ которыхъ надъ правымъ нимбъ и сверху надпись LVX. Очевидно, этотъ послѣдній—Ангель свѣта, тогда какъ лѣвый, ненимбованный, ангель тьмы, а оба изображенія выражаютъ отдѣленіе свѣта отъ тьмы.

Слѣва отъ ангела тьмы вырѣзокъ изображаетъ воду, въ срединѣ которой помѣщенъ дискъ съ трехстрочною надписью, изъ которой я могъ прочесть только третью строку: AOVARV, т. е. aquarum. По тексту Иеронима не трудно догадаться, что здѣсь среди водъ представлена твердь, а на ней надпись гласитъ: firmamentum in medio aquarum—«твердь среди водъ».

Въ вырѣзкѣ съ правой стороны отъ Ангела свѣта вода изображена сверху и снизу, а по срединѣ такой же дискъ какъ и на предыдущемъ вырѣзкѣ. Сбоку диска надпись: VDID: VIDAT DŌ AQVAS AB AQVIS; первые двѣ буквы, я полагаю, слѣдуетъ читать DD, а точка есть остатокъ I: тогда надпись будетъ secundo die dividat Deus aquas ab aquis, во второй день Богъ отдѣляетъ воды отъ водъ. Въ дискѣ два кружечка, на лѣвомъ поясное изображеніе солнца съ лучами вокругъ головы, на правомъ поясной ликъ луны, въ видѣ Діаны съ колчаномъ и лукомъ за плечами; надъ кружечкомъ луна въ видѣ лежащаго серпа, надъ луной, вѣроятно надпись, которой прочесть нельзя. Внизу на дискѣ, изображающемъ твердь, три звѣздочки, а между ними можно прочесть MIN, остатокъ отъ слова luminaria—свѣтила.

Въ нижнемъ вырѣзкѣ—внизу море, а въ немъ рыбы, змѣя и каракатица, а вверху воздухъ и сидячія и летающія птицы—надпись VOLATILIA CELI—птицы небесныя.

Вырѣзокъ, находящійся надъ предыдущимъ съ правой стороны, представляетъ Адама, дающаго имена сотвореннымъ четвероногимъ животнымъ, согласно съ 2-й главой книги Бытія. Надъ Адамомъ надпись ADAM N INVENIAEBATVR SIMELEM SIBI—Адаму не нашлось подобнаго себѣ. Вырѣзокъ съ лѣвой стороны, въ соответствии предыдущему, изображаетъ рай, обозначенный финиковой пальмой по срединѣ и деревомъ справа съ надписью: LIGNV POMIFERV (m на концѣ обоихъ словъ опущенъ)—плодовое дерево. Между деревьями Богъ, въ широкомъ длинномъ платьѣ—таларѣ. Слѣва—лежащій Адамъ, изъ лѣваго бока его выходитъ Ева. Надъ ними надпись: INMISIT US SOPORE (m) (i) N ADA ETTVLIT VNA DE C (o) STIS EIVS—«навелъ Господь сонъ на Адама и вынулъ одно изъ реберъ его».

Вокругъ всего круга, составленнаго изъ описанныхъ вырѣзковъ, идетъ надпись: IN PRINCIPIO CREAVIT DS CELV ETTERRAM MARE ETOMNIA OVA IN EIS SVNT. ETVIDITDSCVNCTA OVEECERAT ETERANT VALDE BONA. Эту надпись Riano читаетъ: In principio creavit Deus coelum et terram, mare et omnia quae in eis sunt, et

Научно-методический совет
по охране памятников культуры
Министерства культуры СССР

БИБЛИОТЕКА
Н М
Инв. № 492

БИБЛИОТЕКА
Н М С
Инв. № 714

vidit Deus cuncta quae egerat et erant valde bona. ¹⁾ Я полагаю, что вмѣсто quae egerat должно читать (какъ въ текстѣ вульгаты) quae fecerat, тѣмъ болѣе, что на коврѣ g не отличается отъ c (напр. въ словахъ cuncta lignum) и e отъ f (напр. въ словѣ fiat); и такъ, надпись говоритъ: «въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, море и все что въ нихъ находится, и видѣлъ Богъ все что сотворилъ, и было все хорошо».

И такъ, средній кругъ изображаетъ Творца (Христа), а въ вырѣзкахъ его обнимающаго пояса—дни творения. Эти круги помѣщены въ серединѣ прямоугольника, почти квадрата.

Фонъ этого четырехугольника представляетъ воздухъ, стилизованный въ видѣ сплошныхъ меандровъ; по краямъ четырехугольника и по внѣшнему краю круговой надписи идутъ, въ неравныхъ разстояніяхъ, неправильные выступы—волны воды, какъ находящихся надъ твердью, такъ и воды, находящихся подъ нею. Причина поднятія этихъ волнъ—вѣтры помѣщены въ четырехъ углахъ прямоугольника. Фигуры вѣтровъ весьма оригинальны и характеристичны: крылатые геніи (naгіе) съ привязанными къ ногамъ крылышками сидятъ двое верхомъ, а двое сбоку на мѣхахъ (бурдюкахъ), изъ отверстій которыхъ дуетъ вѣтеръ. Геніи въ каждой рукѣ держатъ по рогу, въ которые и дуютъ ртомъ.

Подъ четырехугольникомъ идетъ полоса, съ рядомъ изображеній; толкованіе ихъ затрудняется съ одной стороны тѣмъ, что нижняя половина отъ времени утратилась, а съ другой—надписи совершенно неразборчивы. Первый отдѣлъ (слѣва) изображаетъ домикъ съ тремя звѣздочками на стѣнѣ, съ надписью въ пять буквъ; думаю, что можно прочесть celum—небо.—Если это такъ, то домикъ будетъ означать небесное селеніе, а женщина съ ребенкомъ, стоящая всерединѣ его, Еву съ Сиеомъ на рукахъ, какъ вышедшіе изъ небеснаго жилища родоначальники человѣковъ. Правѣе отъ Евы,—обращенный къ ней мужчина въ какой-то каедрѣ; послѣдняя стоитъ на водяной волнѣ, и до половины закрываетъ тонущаго ногами вверхъ человѣка. Разгадка проста—потопъ (волна и тонущій) и ковчегъ съ Ноемъ. Ковчегъ въ видѣ ящика или каедры изображался нерѣдко; самый древній подобный рисунокъ, находимъ въ римскихъ катакомбахъ. Правѣе отъ Ноя человѣкъ въ странномъ костюмѣ, съ поднятыми руками, и передъ нимъ небольшое возвышеніе; надписи разобрать не могу,—думаю, что мы здѣсь имѣемъ изображеніе жертвоприношенія Ноя послѣ потопа;—за этою фигурою домикъ съ окнами, покрытый черепицею—

¹⁾ Riano прочелъ кромѣ этой надписи только еще sanctus Deus, Rex fortis u Dixit quoque Deus.... О другихъ надписяхъ онъ не упоминаетъ.

селеніе земное, въ противоположность селенію небесному. Полагаю вѣроятнымъ толкованіе, что въ этомъ отдѣлѣ мы имѣемъ изображеніе начала человѣческаго рода, отъ Евы, вышедшей изъ рая послѣ грѣхопаденія, и отъ Ноя, сохранившаго человѣчскій родъ послѣ потопа.

Между этимъ отдѣломъ и слѣдующимъ (вправо) изображенъ предметъ—прямой уголь, на одной сторонѣ котораго находится зубецъ; если дополнить симметрически недостающую нижнюю половину, то получимъ стилизованное изображеніе и якоря и ватерпаса, а символика средневѣковая этихъ предметовъ извѣстна: якорь—надежда на спасеніе, ватерпасъ—законъ. Какъ сейчасъ увидимъ, это толкованіе найдетъ оправданіе въ слѣдующихъ изображеніяхъ. Рядомъ съ ватерпасомъ деревцо: вѣроятно, маслина—символь примиренія Бога съ человѣкомъ.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ гора (Синай), изъ нея видна голова и рука Бога, далѣе—пылающій кустъ и передъ нимъ человѣкъ (Моисей): очевидно, олицетвореніе Синайскаго законодательства. Надписей рѣшительно разобрать невозможно. Послѣдній отдѣлъ: два человѣка, одинъ съ крестомъ, а другой стоитъ передъ нимъ (судя по высотѣ головъ) на колѣняхъ. Олицетвореніе христіанскаго міра и втораго закона—закона Христова. И тутъ надписей разобрать нельзя.

Съ лѣваго бока и сверху описаннаго четырехугольника идетъ койма, составленная изъ 14 четырехугольниковъ, почти квадратовъ, не со всѣмъ равной величины. Съ правой стороны такой коймы лѣтъ. Въ этомъ ряду кромѣ перваго (свизу) четырехугольника изображены мѣсячныя занятія *Monatsbeschäftigungen*, какъ называетъ ихъ Пиперъ. Начну разборъ ихъ со втораго съ низу, слѣва.

1) Въ четырехугольникѣ кругъ, въ которомъ изображено солнце, въ видѣ царя съ лучистымъ нимбомъ вокругъ головы, со скипетромъ въ правой и съ державою въ лѣвой рукѣ, ѣдущаго на колесницѣ, въ которую впряжены двѣ лошади. Колесница ѣдетъ по какому-то мосту—не море-ли? Съ лѣвой стороны надпись: *OH SOLIS*—вѣроятно, первое слово *OR*, т. е. написано: *Ortus solis*, начало жаровъ, теплаго времени года. Слѣд. мы имѣемъ здѣсь изображеніе 1-го дня перваго весенняго мѣсяца, т. е. 1-е марта.

2) Изображенъ человѣкъ въ колпакѣ, держащій скорпіона въ лѣвой рукѣ и змѣю въ правой—олицетвореніе Марта, ибо скорпіонъ и змѣя атрибуты Марса ¹⁾; сверху надпись: *MARCIVS*. Съ правой стороны птица, надъ ней, я читаю, написано: *AVIS*,—обозначаетъ время прилѣта птицъ. Справа, въ верхнемъ углу, солнце, въ видѣ лучей, по срединѣ вверху полумѣсяцъ, слѣва вверху лицо (т. е. дискъ съ тремя

¹⁾ *Lübker Ant. Lex.* слово *Mars* u *Piper Mithol. der christl. Kunst. Abt. II, p. 295.*

точками) и отъ головы темная полоса; думаю, что этимъ хотѣли изобразить равноденствіе.

3) Почти вся лѣвая половина слѣдующаго четырехугольника испорчена; на оставшейся части виденъ пахарь съ запряженнымъ въ плугъ оленемъ и еще непокрытое листвою дерево. Надпись: ABRILIS; В вмѣсто Р—есть, вѣроятно, ошибка художника политипажиста.

4) Человѣкъ держится за дерево безъ листьевъ; слѣва внизу прыгающій заяцъ, слѣва въ верхнемъ углу полоса, изъ которой идутъ черточки—не дождь-ли? надпись: VER. Здѣсь мы имѣемъ изображение мая. Весна, имѣющая атрибутомъ зайца, встрѣчается въ эпоху весьма раннюю, такъ на одномъ потолкѣ катакомбъ Понціана весна представлена въ видѣ мальчика съ лиліей въ одной и зайцемъ въ другой рукѣ. ¹⁾ Съ лѣвой стороны написано, сверху внизъ: SOL. Что май держится за дерево—мнѣ кажется, означаетъ весеннюю посадку деревьевъ.

5) Человѣкъ въ правой рукѣ держитъ удочку съ рыбой, въ лѣвой ружье и какъ бы несетъ оленя. Слева видна кадка съ рыбой. Надпись слева: SOL, сверху: IVNIVS—іюнь—время охоты.

6) Въ лѣвомъ верхнемъ углу кружокъ, въ которомъ сидитъ нагая женщина—нимфа, съ урной, изъ которой течетъ вода. Нимфа правой рукой обнимаетъ какое-то деревцо съ иглами, а лѣвой рукой держится за дерево съ листьями. Фонъ очень свѣтлый, какъ въ медальонѣ съ солнцемъ; надписей нѣтъ. По мѣсту судя, мы здѣсь несомнѣнно имѣемъ олицетвореніе самаго долгаго дня (Nemera)—дня лѣтняго солнцестоянія, Punctum solsticii aestivi (9 іюня). Увеличеніе дня выражается надписями sol въ маѣ и іюнѣ; вѣроятно, такая же надпись была и въ апрѣлѣ.

И такъ, въ лѣвомъ ряду снизу вверхъ мы видимъ царство солнца—дневнаго свѣтила—съ весенняго равноденствія по день солнцестоянія, съ котораго день начинаетъ убавляться.

7) Мужчина, обнаженный, но съ поясомъ, въ лѣвой рукѣ держитъ одежду, правой замахивается. По мѣсту соответствуетъ іюлю. Надписи нѣтъ.

8) Женщина въ короткомъ платьѣ, правой рукой срываетъ съ дерева плодъ, въ лѣвой держитъ какой-то злакъ. Пиперъ приводитъ стихъ изъ французскихъ часослововъ XVI столѣтія:

Augustus spicas, September colligit uvas ²⁾.

Первая половина стиха указываетъ на то, что женщина, держащая

¹⁾ Piper. l. c. p. 327.

²⁾ L. c. p. 387.

злакъ, олицетворяетъ августъ; вторая половина стиха выражена на слѣдующемъ четырехъугольникѣ.

9) Мужчина, въ средневѣковомъ костюмѣ, срываетъ съ лозы спѣлую гроздію; слѣва деревцо такое же, какое обнимаетъ правою рукою нимфа дня. Надпись: NVX—греческое слово, ночь (нох), написанное латинскими буквами для обозначенія, что съ сентября начинается уменьшеніе дня и увеличеніе ночи, какъ съ марта начинается увеличеніе дня, что и обозначилось надписями sol.

10) Кругъ съ свѣтлымъ фономъ; въ кругу почти поколѣнная фигура олицетворенія года. Бородатый мужчина, держащій въ правой рукѣ костьюль, въ лѣвой покровенной рукѣ дискъ съ изображеніемъ креста. Въ дрезденской королевской бібліотекѣ находится пергаментная рукопись такъ называемыхъ триумфовъ съ миниатюрами, писанная въ въ Пезаро въ 1460 г.—вѣроятно, для короля французскаго Генриха III. Въ этой рукописи время (или годъ) изображенъ въ видѣ старца въ красномъ платкѣ, съ костьюлемъ въ правой и съ небеснымъ глобусомъ въ лѣвой рукѣ ¹⁾. Съ двухъ сторонъ отъ головы идутъ лучи; не выражается ли въ этомъ двулицестъ древняго Януса?—Надпись: ANNVS. Очевидно, это изображеніе соотвѣтствуетъ началу индикта, новолѣтію 1 сентября. До бреве Григорія XIII, изданнаго въ мартѣ 1582 г., въ католическихъ земляхъ считалось три новолѣтія: Annus ecclesiasticus начинался съ перваго марта, по отношенію къ Пасхѣ, Annus naturalis съ перваго сентября,—это новолѣтіе сохраняется и въ православной церкви, и—Annus civilis—съ перваго января, годъ собственно римскій.

11) Человѣкъ въ странномъ костюмѣ съ какими то бѣлыми пятнышками (не снѣжинками ли?) сидитъ и грѣетъ на огнѣ руки и босыя ноги. Такого рода изображенія очень часто встрѣчаются въ древнихъ календаряхъ для олицетворенія зимы. Но за 1 сентябремъ зима не наступаетъ еще. Подпись: 16 NVX указываетъ на то, что и этотъ рисунокъ, какъ и два предшествующихъ, долженъ быть отнесенъ къ сентябрю мѣсяцу, и что съ 16 сентября увеличиваются ночи и уже начинается холодное полугодіе.

12) По мѣсту слѣдуетъ октябрь. Онъ олицетворенъ въ крестьянинѣ, правою рукою держащемся за дерево, а лѣвою ногою пригибающемъ виноградную лозу. Слѣд. этотъ рисунокъ выражаетъ осеннюю посадку деревьевъ и приготовленіе къ зимѣ (пригибаніе лозъ).

13) Наконецъ послѣдній рисунокъ, соотвѣтствующій ноябрю, изображаетъ идущую зиму, олицетворенную въ полунагой женщинѣ; за ней стоитъ уже лишенное листьевъ дерево. Тѣмъ и заканчиваю опи-

¹⁾ Piper. I, с. р. 400.

саніе ковра, оставляя, до времени, первой рисунокъ боковой коймы (слѣва внизу).

Гдѣ и когда сдѣланъ былъ этотъ коверъ?

Гдѣ вышить этотъ коверъ—конечно, вопросъ неразрѣшимый безъ документовъ; но приблизительно можно опредѣлить мѣстность, гдѣ жилъ художникъ, изготовившій узоръ.

Въ Испаніи узоръ этого ковра изобрѣтень быть не могъ—и это на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Иллюстрированные календари, по преимуществу, были дѣломъ средней Европы.

б) Костюмы на олицетвореніяхъ марта и сентября (рис. описан. подъ № 9)—средневѣковые германскіе, съ XIV вѣка, точно также мантия, въ которую одѣтъ Богъ въ изображеніи сотворенія жены, германская; она и теперь составляетъ богослужебную одежду нѣмецкихъ пасторовъ.

в) Весенняя посадка деревьевъ въ маѣ для Каталоніи поздно, точно также въ Испаніи виноградныя лозы не пригибаются на зиму—все это вполнѣ подходит къ средней Европѣ.

г) Профессоръ Пиперъ, въ цитованномъ сочиненіи, указываетъ на Фландрскій коверъ второй половины XV ст., хранящійся въ музеѣ въ Клуни, какъ на единственный примѣръ, гдѣ вѣтры изображены въ видѣ геніевъ съ мѣхами (бурдюками) ¹⁾.

Мнѣ кажется, что приведенныхъ доводовъ достаточно, чтобы отнести автора Геронскаго ковра къ средней Европѣ и именно къ Фландріи, гдѣ ковровое дѣло процвѣтало по преимуществу.

Ріано относитъ этотъ коверъ къ XII столѣтію, и въ этомъ основывается на общемъ стилѣ рисунковъ ковра, главнымъ же образомъ на сходствѣ, почти на тождествѣ, изображенія Христа съ миниатюрами XII вѣка, преимущественно же съ миниатюрою одной изъ рукописей Британскаго музея, датированной 1109 годомъ.

Я полагаю, что такого сходства, и именно въ изображеніи Спасителя, слишкомъ недостаточно для опредѣленія вѣка. Мы знаемъ, какъ долго сохраняются иконныя, образныя типы. Наши православныя подлинники служатъ тому доказательствомъ.

По моему мнѣнію, этотъ коверъ времени несравненно болѣе поздняго; и вотъ мои доводы:

1) Только что говорено было о нѣкоторыхъ костюмахъ, которыхъ невозможно отнести къ вѣку ранѣе XIV.

2) У Пипера, въ цитованномъ неоднократно сочиненіи, при разборѣ олицетвореній солнца и луны, только въ XV и XVI столѣтіяхъ мы

¹⁾ L. c. p. 453.

находимъ изображенія солнца въ видѣ царя со скипетромъ въ рукахъ, и луны въ видѣ Діаны ¹⁾. А на Геронскомъ коврѣ именно на колесницѣ ѣдетъ солнце со скипетромъ и державой, а при сотвореніи свѣтилъ—луна съ лукомъ и колчаномъ, какъ Діана.

3) Можно опредѣлить еще ближе время сочиненія узора ковра Геронскаго собора, на основаніи слѣдующихъ соображеній. Позднѣ марта 1582 года эта эпоха не можетъ быть отнесена, ибо въ этомъ году вышелъ бреве папы Григорія XIII, которымъ вводился новый стиль и новолѣтіе отнесено обязательно для католическихъ земель къ 1 января, тогда какъ новолѣтіе, *à propos*, на коврѣ считалось съ 1 сентября. Самый ранній предѣлъ для ковра есть 1517 годъ—изобрѣтенія ружья къ кремневымъ замкомъ (*à rochet*) въ Германіи ²⁾, а на рисункѣ относящемся къ июню мы имѣемъ охотника съ ружьемъ. До изобрѣтенія кремневаго замка, ружья (фитильныя) не употреблялись для охоты,—употреблялись арбалеты. По изобрѣтеніи же кремневаго ружья, оно быстро распространилось для охоты, и въ первые же года (1520) замѣчено было въ Германіи уменьшеніе дикихъ звѣрей въ лѣсахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что время сочиненія узора ковра должно быть отнесено къ пространству отъ 1517 по 1582, т. е. вѣроятно, къ срединѣ XVI столѣтія.

4) Только XVI столѣтіемъ можно объяснить значеніе надписи, приходящейся на сентябрь: 16 NVX. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, т. е. 1583 году, старый стиль отъ новаго разнился на 10 дней, и по бреве Григорія XIII вмѣсто 5 октября 1582 г. приказано было считать 15 числ. слѣд. весеннее равноденствіе въ этомъ вѣкѣ приходилось на 13 сентября—только съ 3-го дня послѣ равноденствія, т. е. съ 16 сентября можно было замѣтить убавку дня и увеличеніе ночи.

Въ заключеніе, перехожу къ первому (снизу) четырехугольнику боковой (лѣвой) коймы. Низъ этого четырехугольника утраченъ, видна только голова съ шей, сверху надпись, которой разобрать невозможно; по бокамъ головы—слѣва два какихъ-то значка, потомъ 1 5, а справа 55; не есть ли это обозначеніе 1555 года? Утверждать это какъ нѣчто несомнѣнное—трудно, по дурно изображенной надписи; но если это такъ, то многое относительно значенія ковра и появленія его въ Каталоніи въ Геронѣ объясняется довольно просто.

Въ 1555 году 25 октября, Карль V въ Брюсселѣ отказался въ пользу сына своего Филиппа отъ Нидерландскаго престола, а въ ноябрѣ въ Брюсселѣ же Филиппъ короновался какъ король Нидерландскій.

¹⁾ 1. с. р. 194 и слѣд.

²⁾ Lacroix, 1. с. р. 108.

Только въ слѣдующемъ году Карль V отказался отъ Испанскаго престола.

По поводу восшествія на престоль Филиппа II была выбита медаль съ изображеніемъ гелиоса на квадригѣ (Филиппъ-восходящее солнце) съ подписью: *Quod in celis Sol, hoc in terra Caesar est* ¹⁾. Коронаваніемъ Филиппа можно объяснить и то, что календарная койма кончается ноябремъ, и то, что Брюссельскій (или вообще Фландрскій) коверъ явился въ Каталоніи, въ Героннѣ, славящейся своимъ древнимъ соборомъ, гдѣ была архіепископская кафедра.

---

¹⁾ Piper lec. p. 196.

ОПИСАНІЕ ТВЕРСКАГО МУЗЕЯ

(ПРОДОЛЖЕНІЕ). *

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

IV. КАМЕННЫЕ КРЕСТЫ.

52) Стерженскій каменный крестъ.—5 февраля 1879 г. поступилъ въ Тверской музей изъ погоста Стержа, Осташковскаго уѣзда, памятникъ XII столѣтія: каменный, изъ красноватаго песчаника, крестъ, съ слѣдующею на немъ надписью:

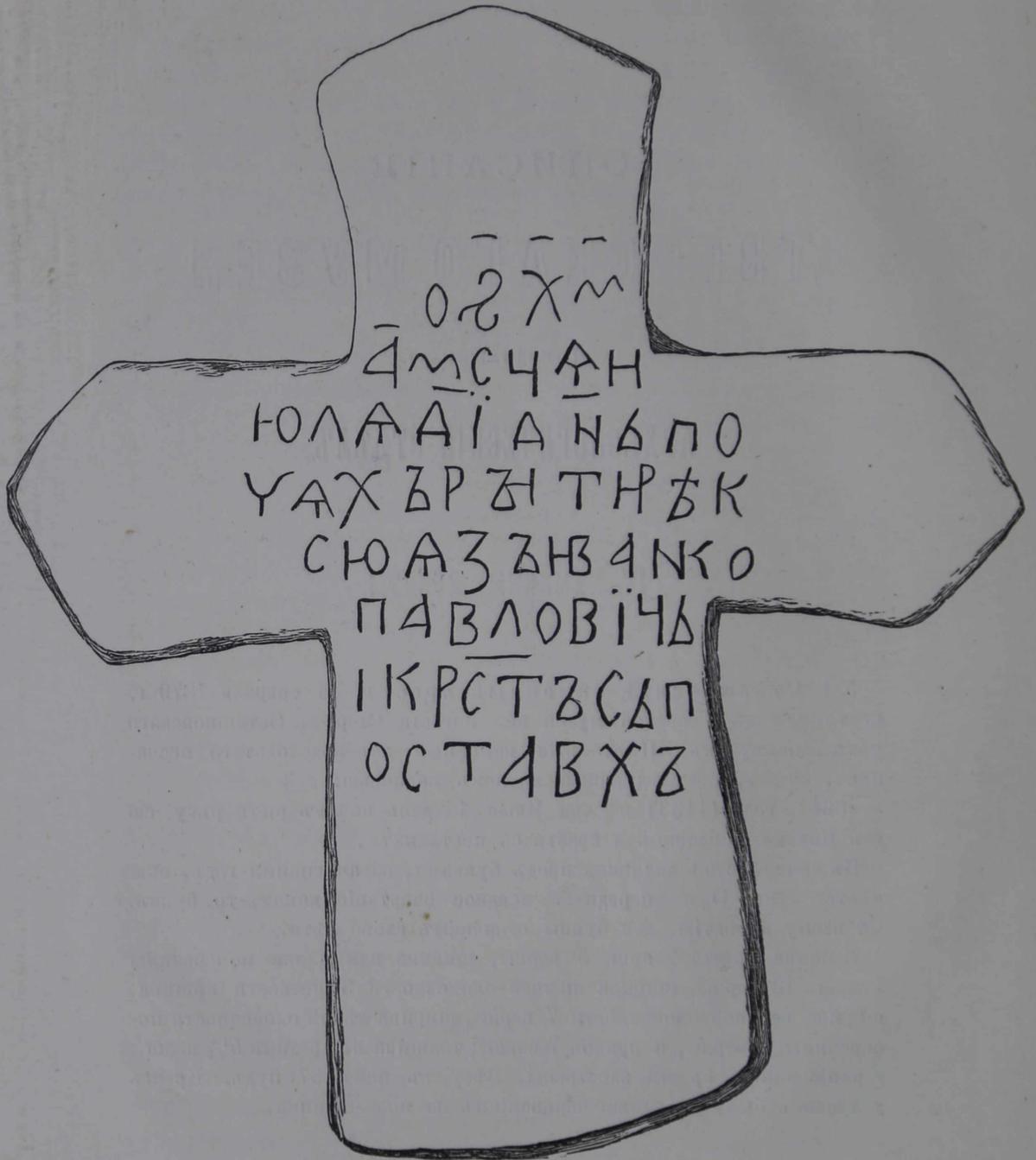
«6641 года (1133) мѣсяца Іюля 14 день почахъ рыти рѣку сю
язъ Иванко Павловиць и крестъ съ поставихъ».

Въ началѣ этой надписи, предъ буквами, означающими годъ, виднѣется буква О и впереди ея неясное очертаніе какихъ-то буквъ. По всему вѣроятію, эти буквы означаютъ слово лѣто.

Вышина креста 2 арш. 5 верш., ширина или длина поперечины 1 арш. 13 верш., ширина нижней оконечности 3 четверти аршина, ширина верхней оконечности 7 верш., ширина лѣвой оконечности поперечины 8 верш., а правой 7 верш.; толщина въ срединѣ $5\frac{1}{2}$ верш.; верхніе концы креста заострены. Вѣсу въ немъ 57 пудъ. Крестъ углубленъ былъ въ землю основаніемъ на полъ-аршина.

*) См. т. VII вып. 1, стр. 24—28; т. VII. вып. 3 стр. 187—212.

Вотъ снимокъ съ креста и съ подлинной на немъ надписи:

Крестъ этотъ, какъ утверждаютъ старожилы, стоялъ на круглой насыпной горѣ, называемой Городокъ, находящейся при впаденіи рѣки Волги въ озеро Стержь, въ двухъ верстахъ отъ погоста Стержа, на правомъ берегу Волги и въ пяти верстахъ отъ ея истока. Перенесенъ онъ на кладбище погоста Стержа мѣстнымъ помѣщикомъ Обернибесовымъ и поставленъ на могилу его предка, Аѳанасія Аѳанасевича Обернибесова, умершаго въ прошломъ столѣтїи. Означенная гора, около 3 сажень высоты, имѣетъ вершину плоскую, въ 25 саж. въ окружности; къ ней ведетъ насыпь въ видѣ вала. Съ одной стороны горы и вала находится болото, съ другой р. Волга.

Мѣстность, гдѣ стоялъ этотъ памятникъ, находится въ древнихъ новгородскихъ предѣлахъ. Погостъ Стержь въ лѣтописяхъ упоминается въ числѣ городковъ Залѣскихъ, и въ договорной грамотѣ между Новымъ-городомъ и польскимъ королемъ Казиміромъ показанъ въ числѣ волостей новгородскихъ, а изъ писцовыхъ книгъ Деревской пятины 1495 г. видно, что онъ составлялъ вотчину новгородскаго Аржагскаго монастыря, основаннаго въ 1153 году.

Этотъ памятникъ впервые сдѣлался извѣстнымъ изъ рукописи д. чл. Тверскаго статистическаго комитета свящ. Вл. П. Успенскаго: «Историческія замѣтки объ Осташковскомъ уѣздѣ». Въ прошломъ же году Осташковскій помѣщикъ Викторъ Александровичъ Обернибесовъ, сочувствуя цѣли учрежденія Тверскаго музея, уступилъ ему означенный памятникъ ¹⁾, который, благодаря просвѣщенному содѣйствію Тверскому музею Степана Петровича Уткина, не смотря на многія затрудненія, доставленъ имъ въ Тверь въ полной сохранности.

Этотъ памятникъ, по древности надписи на немъ, занимаетъ второе мѣсто между извѣстными русскими памятниками, т. е. первое послѣ знаменитаго Тмутараканскаго камня. Обращаясь къ объясненію надписи на этомъ памятникѣ, разобранной въ настоящее время, можно было бы предполагать, не принадлежитъ ли онъ къ числу межевыхъ, или граничныхъ памятниковъ, подобныхъ Тмутараканскому и князя Роголода (1171 г.) ²⁾ камнямъ, и не слѣдуетъ ли читать, вмѣсто слова рыти, слово мѣрити, подобно тому какъ на Тмутараканскомъ камнѣ (1068 г.) значится « . . . Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду и т. д.» Но слово рыти высѣчено очень явственно и передъ нимъ нѣтъ мѣста для слога: мѣ. Притомъ и въ межевой грамотѣ велика-

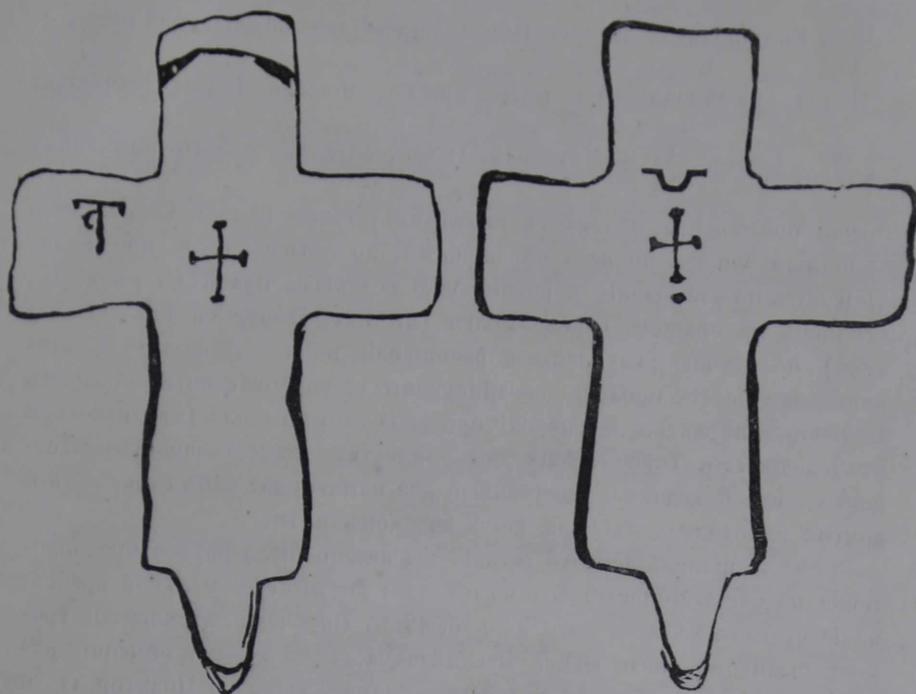
¹⁾ Въ Тверскомъ музеѣ хранится и другой замѣчательный памятникъ религіознаго усердія одного изъ его же предковъ—надгробная доска, сооруженная и положенная въ г. Ржевѣ, въ соборномъ храмѣ, стѣлникомъ Сергіемъ Феодоровичемъ Обернибесовымъ, на могилѣ князя Владиміра и княгини Агриппены.

²⁾ Въ Могилевской губерніи, въ Оршанскомъ уѣздѣ.

го князя Ивана Васильевича, 1483 года, о рубежѣ между его Новгородскою землею и Ржевскою землею брата его, князя Бориса Васильевича, въ числѣ межевыхъ знаковъ между пограничными волостями Стерженскою и Кличенскою, этотъ крестъ не упоминается. Упоминается только о крестѣ близъ озера Селигера, отъ котораго начинался рубежъ, проходившій между Стерженскою и Кличенскою волостями и направившійся на бѣлый камень, на воротница и т. д. Скорѣе можно предполагать, что слово «рыти» означаетъ углубленіе и расширеніе, для удобнаго судоходства, рѣки Волги, которая въ этомъ мѣстѣ дѣйствительно мелка и узка. Извѣстно, что въ древности главными путями сообщенія были рѣки; мѣстность же, занимаемая погостомъ Стержемъ, находящаяся въ прямомъ направленіи между Смоленскомъ и Новымъ-городомъ, у самаго почти истока Волги и вблизи истоковъ Западной Двины и Днѣпра, представляла удобства для водянаго сообщенія между главными и торговыми въ древности городами: Смоленскомъ, Полоцкомъ и Великимъ Новгородомъ. Найденный въ прошломъ году въ Осташковскомъ уѣздѣ, на границѣ Смоленской губерніи, недалеко отъ рѣки Жукопы, впадающей въ р. Волгу, кладъ XIV вѣка, заключающій въ себѣ около 700 монетъ Богемскаго короля Венцеслава III, убитаго въ 1306 г., и нѣсколько монетъ Карла IV, вступившаго на Богемскій престолъ 1345 г., не можетъ ли служить указаніемъ существовавшаго прежде въ этой мѣстности воднаго пути? Къ числу сдѣланныхъ предположеній, для объясненія этого памятника, можно присоединить еще слѣдующее. Въ окрестностяхъ Новагорода, въ настоящее время, слово рыть употребляется вмѣсто словъ бросать (рынуть), топить. (Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній, Павла Ягушина. Спб. 1860 г. стр. 121) Такое употребленіе слова (рыть) даетъ поводъ предполагать: не употреблено-ли слово «рыти» въ надписи на крестѣ въ значеніи прудить, дѣлать плотину для устраиваемой, быть можетъ, мельницы? Впрочемъ, значеніе слова «рыти» можетъ быть опредѣлено не иначе какъ изслѣдованіемъ мѣстности, на которой былъ поставленъ памятникъ. Упоминаемый въ надписи, на памятникѣ, Иванко Павловичъ, по всему вѣроятію, есть храбрый Новгородскій посадникъ Иванко Павловичъ, которому Новгородцы, возвращаясь съ рѣки Дубны ¹⁾ изъ похода на Суздаль въ 1134 г., дали посадничество, отнявъ оное у Петрила. Этотъ посадникъ въ слѣдующемъ году погибъ на Ждановой горѣ (Владимірской губерніи), во время новаго похода на Суздальцевъ.

53) Лопастичкій или Витбинскій каменный крестъ.— Этотъ крестъ, также какъ и Стерженскій, сдѣланъ изъ красноватаго пес-

¹⁾ Рѣка Дубна впадаетъ въ р. Волгу ниже г. Корчевы.

чанника; высота его 1 арш. $14\frac{1}{2}$ верш., длина горизонтальной перекладины $1\frac{1}{2}$ арш., ширина концов креста от 8 до 10 вершков, толщина его от $5\frac{3}{4}$ до 6 вер.; нижняя часть креста оканчивается конусообразным стержнем, длиною в 8 вершков. Посредством этого стержня крестъ былъ утвержденъ въ землѣ; основаніе его было обложено камнями. Памятникъ этотъ стоялъ на берегу пролива, соединяющаго озеро Лопастницы съ озеромъ Витбино ¹⁾, въ одной верстѣ отъ деревни Загородья (Заозерье тожъ), на мысу, весною покрываемомъ водою, и пожертвованъ музею С. П. Уткинымъ. На этомъ крестѣ, на обѣихъ сторонахъ, посрединѣ высѣчены небольшіе четыре-

конечные кресты , надъ однимъ изъ нихъ изображенъ знакъ,

имѣющій видъ опрокинутой скобы , а надъ другимъ горизонтальная черта съ загнутыми внизъ концами, представляющая

¹⁾ Изъ озера Витбина вытекаетъ рѣка Кудь, впадающая въ озеро Веселукъ, межтокъ р. Волги.

видъ дуги , сверхъ того, съ лѣвой стороны знакъ въ видѣ буквы , съ прибавкою къ поперечной чертѣ дуги, образующей букву с.

Знаки, высѣченные на этомъ крестѣ, можетъ быть означаютъ:

 — Исусъ, — Христосъ. ¹⁾ Относительно самаго памятника

можно предположить, что этотъ памятникъ, также какъ и Стерженскій каменный крестъ, по всей вѣроятности, поставлены были при началѣ работъ по углубленію и расширенію водяныхъ путей: Стерженскій, стоявшій на правомъ берегу Волги (въ пяти верстахъ отъ ея истока), по случаю углубленія и расширенія рѣки, а Лопастницкій, стоявшій на берегу пролива, соединяющаго озеро Лопастницы съ озеромъ Витбино, — вѣроятно, по поводу прорытія этого канала (пролива) или углубленія его. Такое мнѣніе подкрѣпляется тождественностію мѣстностей, гдѣ находились означенные два памятника: какъ тотъ, такъ и другой находились на Волжскомъ водяномъ пути.

Ранѣе вышеприведеннаго мнѣнія высказано было другое предположеніе на счетъ Лопастницкаго памятника: что это есть межевой крестъ, какіе ставили въ древности на рубежахъ. Впрочемъ, въ межевой грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича, 1483 г., при описаніи рубежа между Лопастницкой волостью, принадлежавшею Новгороду, и Вселудскою, входящею въ составъ Ржевской земли, не упоминается объ этомъ крестѣ въ числѣ межевыхъ знаковъ. Упоминается тутъ между прочимъ о Литовской дорогѣ, здѣсь пролежавшей. О Лопастницкомъ крестѣ упоминается, подъ 1660 годомъ, въ помѣстныхъ дѣлахъ, какъ это видно изъ дѣла № 1824 упраздненнаго Осташковскаго уѣзднаго суда ²⁾. — Погостъ Лопастницы показанъ въ Духовной грамотѣ

¹⁾ Такое толкованіе этихъ знаковъ кажется мнѣ весьма сомнительнымъ, въ особенности относительно знака , который не поставленъ прямо надъ маленькимъ крестомъ, какъ знакъ , а помѣщенъ совершенно въ боку, далеко отъ знака и даже на противоположной сторонѣ креста, а слѣд. не можетъ служить продолженіемъ того же значенія, какъ первый. По моему мнѣнію, эти знаки сдѣланы, въ родѣ монограммы, изъ буквъ Т и Ф, которыя въ такой же самой формѣ встрѣчаются на Тверскихъ серебряныхъ монетахъ (Чертковъ. Табл. XXVI, рис. 4). При этомъ надо припомнить, что на большинствѣ Тверскихъ пулъ написано: Тверское, Тѣврски, Тверски даже Тѣское (Шубертъ, № 62). Гр. V.

²⁾ Въ этомъ дѣлѣ значится: «Мартыну Матвѣеву Моклокову по дачѣ 168 (1660) года принадлежало во Вселудской и Стерженской волостяхъ часть въ селѣхъ Видбинѣ, въ деревнѣ (прежде пустошъ) Переволокъ Новой, въ д. Полянѣ, въ полсельцѣ Загородѣ, Видбино тожъ, въ пустоши, что была дер. Бурминское Городище, Плоскотуново, Закочужье тожъ, пуст., что была дер. Колпина Большая на р. Колпинкѣ... п. Малое Заправдино подлѣ озера, полпустоши Мамоново, да къ той пустоши озерко Лопастницъ и р. Плавинка, п. Лопатино у озера Видбина и у Лопастницы и у Креста, да въ Стерженской волости п. Слободка, всего 286 четвертей».

великаго князя Ивана Васильевича 1504 г., о раздѣлѣ имѣнія своимъ дѣтямъ. Великій князь благословилъ своего сына Василья и, между прочими землями въ Новгородской землѣ, далъ ему города: Холмъ, Велилію, Буецъ и Лопастуцу. Лопастуцкая волость, подобно тому какъ и Стерженская, въ которой былъ поставленъ упомянутый выше крестъ XII вѣка съ надписью, принадлежала Новгородскому Аркажскому монастырю.—Въ виду того, что въ этой мѣстности пролегла Литовская дорога, не можетъ-ли Лопастуцкій каменный крестъ быть отнесенъ къ каменнымъ крестамъ, подобнымъ поставленнымъ на рѣкѣ Двинѣ, на бродахъ, Литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ (Акты Южной и Западной Россіи т. 1, № 132)?

V. ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНЫЕ.

Въ Тверскомъ музеѣ, съ благословенія покойнаго архіепископа Тверскаго Алексія, образовано отдѣленіе церковныхъ древностей, въ которое, по распоряженію его высокопреосвященства, переданы нѣкоторые предметы изъ церквей, гдѣ хранились они въ числѣ ветхихъ вещей, не употребляемыхъ въ богослуженіи. Въ кратковременное управленіе Тверскою паствою, покойный архипастырь оказывалъ постоянное вниманіе мѣстному музею. 17 февраля 1877 года, высокопреосвященный посѣтилъ музей и, отнесясь къ нему вполне сочувственно, изъявилъ желаніе вновь посѣтить его на нѣсколько часовъ, чтобы подробнѣе обозрѣть замѣчательные, по его мнѣнію, предметы. Къ сожалѣнію, желанію этому не суждено было осуществиться.

Преемникъ покойнаго іерарха, высокопреосвященнѣйшій Евсеій, ознакомься съ цѣлями, которыя предпоставилъ себѣ этотъ музей, выказалъ ему свое просвѣщенное сочувствіе и архипастырское содѣйствіе ¹⁾.

54) Икона святаго Князя Владиміра и преподобныхъ Аркадія Новоторжскаго и Моисея Угрина, съ изображеніемъ въ облакахъ Знаменія Пресвятыя Богородицы. Икона длиною 2 арш. и шириною 1 арш. 6¹/₂ вершк. Во всю ширину иконы имѣется надпись крупными буквами: «лѣта 7185 (1677). Писалъ сей образъ изографъ Пиминъ Ѳеодоровъ зовомый Симонъ Ушаковъ со ученикомъ Георгіемъ пообѣщанію

¹⁾ Церковнымъ отдѣломъ завѣдуетъ дѣйствительный членъ Тверскаго губернскаго статистическаго комитета, протоіерей Василій Ѳеодоровичъ Владиславлевъ.

Игумена Діонисія Стрѣтенскаго монастыря.»—Настоящая надпись, а также мастерское письмо, свидѣтельствуютъ, что эта икона писана знаменитымъ Русскимъ иконописцемъ XVII столѣтія, Симономъ Ушаковымъ. Пимень—или, какъ онъ называлъ себя, Симонъ Ушаковъ,—родился въ 1626 году, а умеръ въ 1686 году;—принадлежалъ къ числу царскихъ жалованныхъ иконописцевъ Оружейной Палаты. Онъ стоялъ во главѣ иконописцевъ своего времени; его можно назвать основателемъ школы иконописи, которую воодушевилъ новыми идеями творчества. По словамъ Г. Д. Филимонова, ¹⁾ въ характерѣ дѣятельности Ушакова сказываются двѣ совершенно различныя стороны. То представляется онъ намъ еще иконописцемъ древней Руси, полнымъ невозмутимаго благочестія и ревливой любви къ старинѣ, то является онъ сознательнымъ художникомъ, критически относится къ преданьямъ и стремится внести улучшение въ церковное искусство.—Упомянутый, въ приведенной выше надписи на иконѣ, ученикъ Ушакова Георгій есть никто иной, какъ лучший ученикъ его, Георгій Терентьевъ Зиновьевъ, который въ 1668 году поступилъ въ число царскихъ жалованныхъ иконописцевъ, будучи выкупленъ у помѣщика своего Гаврилы Петровича Островскаго за сто рублей, большую для тогдашняго времени сумму, составлявшую еще въ Петровскія времена окладъ генерала. Ушаковъ аттестовалъ его въ томъ году слѣдующими словами: «ученикъ Георгіеика иконное художество святыхъ иконъ воображеніе писать искусень и пишетъ добрымъ мастерствомъ.» Настоящая икона, писанная Ушаковымъ на 49 году его жизни, въ эпоху сильнаго развитія его таланта, должна быть отнесена къ числу лучшихъ художественныхъ его произведеній. Лики, особенно святыхъ Аркадія и Моисея Угрина, замѣчательно прекрасны оживленіемъ духовнымъ. Къ сожалѣнію, доска иконы, въ трехъ мѣстахъ, по длинѣ ея покособилась, хотя впрочемъ лики святыхъ нисколько не пострадали. Эта икона принадлежитъ къ числу иконъ еще неизвѣстныхъ археологамъ и, какъ уцѣлѣвшая отъ поновленія, составляетъ замѣчательную святыню. Къ особенностямъ этой иконы можно отнести и то, что она писана съ выемкою, которая отдѣляется красною полосою отъ выступа, своего рода рамки, окрашеннаго въ зеленый цвѣтъ. Поля иконы сѣраго цвѣта, головы святыхъ украшены чеганными вызолоченными металлическими вѣнцами.

55) Икона «Рождество Пресвятыя Богородицы,» съ дѣлянїемъ. На среднемъ планѣ, на лѣво, изображена св. Анна на одрѣ,

¹⁾ Статя Г. Филимонова: «Симонъ Ушаковъ и современная ему эпоха Русской иконописи», помѣщенная въ Сборникъ Общества Древне-Русскаго искусства, 1873 года.

передъ нею стоятъ двѣ дѣвицы съ дарами, а третья поодаль держитъ солнечникъ (опахало). На томъ же планѣ, съ правой стороны, рядомъ почти съ одромъ, Іоакимъ и Анна возсѣдаютъ на сѣдалищѣ, держа въ рукахъ младенца, св. Дѣву Марію. Позади сихъ изображеній представлены палаты; надъ ними, въ верхнемъ планѣ иконы, справа, стоитъ на молитвѣ св. Анна, передъ ней ниспускающійся на крыльяхъ ангель; въ такомъ же положеніи, на лѣво, изображенъ св. Іоакимъ. По срединѣ, между семи изображеніями, представлено цѣлованіе св. Іоакима и св. Анны, а позади ихъ палаты. На нижнемъ планѣ, пониже одра, съ лѣвой стороны, стоитъ большая чаша; въ нее вливаетъ воду изъ сосуда одна дѣва; съ другой стороны чаши сидитъ баба съ младенцемъ св. Марією, опустивъ правую руку въ воду. Въ самомъ низу иконы, отдѣленномъ бѣлою чертою, изображенъ колодезь и возлѣ него корыто съ водою и два гуся пьющіе воду, а вблизи отъ нихъ два гусенка стоятъ одинъ противъ другаго. На иконѣ имѣются четыре серебряныхъ вызолоченныхъ вѣнца, изъ нихъ два двойные. Икона длиною 7 вершк., шириною 6 вершк., съ выемкою; края иконы обложены басменнымъ, вызолоченнымъ серебромъ съ узоромъ.

56) Икона Ростовскихъ чудотворцевъ Леонтія, Исаіи и Игнатія. Святые изображены во весь ростъ, предстоящими предъ Богородицею съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, стоящею на облакѣ (Боголюбская). Святители (Леонтій и Игнатій) изображены съ двухперстнымъ сложеніемъ рукъ. Они облачены въ фелоняхъ и въ бѣлыхъ клобукахъ на головѣ, съ изображеніемъ на клобукахъ краснаго креста. Облаченія у Святителей и одежда у Богородицы прорисованы золотомъ. На главахъ вѣнцы серебряные, вызолоченные. Икона длиною 9 верш. и шириною 6 верш., съ выемкою, обложеною басменнымъ вызолоченнымъ серебромъ съ узорами. Вверху на выступѣ иконы прикрѣплены двѣ серебряныя пластинки съ рѣзными надписями: на одной лр. фѣ., а на другой

ЯНЪ ЛЕСЪ ТИСАІА И ГНАТІИ ¹⁾

57) Икона Святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба. Святые изображены во весь ростъ, въ моленіи облачному Спасу. На святомъ Борисѣ накинута красная мѣховая ферязъ съ желтыми разводами, а на князѣ Глѣбѣ—коричневый плащъ, также мѣховой. Одежда у обоихъ обшита широкою желтою коймою. Князь Глѣбъ изображенъ съ приподнятою рукою для молитвы. На головахъ у Святыхъ и Спасителя имѣются серебряные вызолоченные вѣнцы, загнутые

¹⁾ Агіос Леонти Исаія Игнатій. Очертаніе буквы «п» въ этой надписи указываетъ на ея древность.

книзу для привѣшиванія цать. Икона длиною 9 вер., а шириною 6 вер., съ выемкою; края иконы обложены басменнымъ вызолоченнымъ серебромъ съ древнимъ узоромъ. Вверху на басменномъ окладѣ вытиснуты слова: *Сѣты Боризъ....* *✠:✠:✠: ИС:✠:✠:✠: ХС:✠:✠:✠: Сѣты Гавъзъ .*

Описанныя выше четыре иконы находились въ Новоторжскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, откуда, съ разрѣшенія высокопреосвященнаго Евсевія, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, переданы въ музей архимандритомъ Антоніемъ. Изъ нихъ послѣднія три могутъ быть отнесены къ XVI и даже къ XV столѣтіямъ.

58) Икона преподобнаго Іоанна, писателя лѣствицы, или Лѣствица преподобнаго Іоанна. Икона писана на липовой дскѣ, въ $8\frac{1}{2}$ вершковъ длины и $7\frac{1}{4}$ вершк. ширины, съ выемкою. Окладъ на иконѣ, полей и воздуха, серебряный вызолоченный, рѣзной; съ такими же надписями и вѣнчиками на многихъ святыхъ. Рисунокъ иконы представляетъ два разные отдѣла: верхній и нижній; верхній занимаетъ не болѣе одной четверти размѣра дски иконной, остальные три четверти занимаетъ нижній отдѣлъ. Въ нижнемъ отдѣлѣ, въ лѣвой сторонѣ, бѣловатый цвѣтъ земной поверхности ¹⁾, на которой возвышается къ облакамъ одностолбчатая каменная, двухъ-ярусная церковь; подлѣ нея, на подножіи съ тремя ступенями, стоитъ преподобный Лѣстичникъ, съ сіяніемъ вокругъ главы; лице его обращено къ стоящимъ сзади его инокамъ—ученикамъ его; всѣ они четверо стоятъ у темнаго отверстія пещеры, изображающей, вѣроятно, или убогія жилища ихъ ²⁾, или мрачную юдоль міра, оставляемаго иноками при поступленіи въ монастырь. На правой сторонѣ этого же отдѣла стоитъ лѣстница, концомъ утверждена на землѣ, а верхомъ достигающая неба; по ней поднимаются отъ земли къ небу иноки; а по лѣвую сторону лѣстницы, Ангелы помогаютъ имъ при восхожденіи; въ нижнемъ, правомъ углу, начертано темное устье пропасти, конечно, адской, и самая пасть ада, и въ нее низвергается головой внизъ ³⁾, вѣроятно, какой нибудь изъ иноковъ, неосторожно и самонадѣянно восходившій по крутой лѣстницѣ; съ нимъ вмѣстѣ упадаетъ и его костыль. Надъ пропастью адскою виднѣется какая-то личность изъ преисподняго же міра, соблазняющая и иску-

¹⁾ Преподобный Іоаннъ Лѣстичникъ подвизался въ VI мѣ вѣкѣ, на горѣ Синайской; этотъ бѣловатый цвѣтъ, вѣроятно, и представляетъ намъ видъ скалы, гдѣ подвизался преподобный.

²⁾ Тамъ, на горѣ Синайской, кромѣ главной обители, была еще обитель, называвшаяся темницею, куда братія добровольно отходила оплакивать грѣхи свои (Краткая Исторія Христ. церкви М. Богданова. 1874 г., стр. 193 и 194).

³⁾ Головы здѣсь не видно, а виднѣются только ноги, или красные сапоги на нихъ, подолъ мантии и костыль.

шающая восходящихъ по лѣстницѣ иноковъ. Верхній отдѣлъ отдѣляется отъ нижняго облаками; въ верхнемъ отдѣлѣ, въ правомъ углу, Иисусъ Христосъ, сзади Его Предтеча и Ангелы; остальное за симъ пространство верхняго отдѣла занято селеніями праведныхъ, раздѣленными на нѣсколько разрядовъ: первое мѣсто, ближайшее къ Иисусу Христу, занимаютъ святители, за ними слѣдуютъ преподобные отцы, потомъ Апостолы, далѣе мученики и, наконецъ, мученицы. Этотъ рядъ небесныхъ селеній имѣетъ съ обоихъ краевъ по одному райскому дереву; у каждаго селенія свой отдѣльный теремокъ, заканчивающійся на верху тупоугольною крышею. Куколи на инокахъ чернаго цвѣта; мантии и свитки разныхъ цвѣтовъ, но свитки всегда свѣтлѣе мантий; сапоги у иныхъ лицъ красные, у иныхъ черные; костыли бѣлой краски, съ крюкомъ на верхнемъ концѣ; лѣстница и ступени краснаго цвѣта. Иисусъ Христосъ возсѣдаетъ на сѣдалищѣ, прочіе стоятъ; одежда на Иисусѣ Христѣ и крылья у Ангеловъ прозолочены. Изъ надписей именъ святыхъ, покоящихся въ раю, замѣтны: у крайней святой, съ лѣвой стороны—«Пятница», у стоящей съ нею рядомъ—«Екатерина», у слѣдующаго за нею—«Дмитрій», у пятаго—«Павелъ», у шестаго—«Петръ». —Обратившись лицомъ къ инокамъ—ученикамъ, преподобный Лѣстничникъ какъ бы увѣщаваетъ ихъ вступить на предлежащій путь спасенія—на лѣстницу, ведущую отъ земли къ небу, по которой уже восходятъ нѣкоторые ихъ товарищи. Письмо иконы отъ времени потемнѣло; оно, должно полагать, относится къ XVI или къ первой половинѣ XVII столѣтія. Окладъ иконы современенъ письму иконы; поля и фонъ украшены рѣзью, по древнему выраженію, тощю, т. е. безъ выпуклости. Рѣзь на окладѣ полей состоитъ изъ четырехъконечныхъ крестиковъ и восьмиугольныхъ звѣздочекъ, окаймленныхъ точками и испещренныхъ внутри; рѣзь на окладѣ фона или воздуха состоитъ изъ разныхъ переплетающихся между собою завивокъ и проторочена на окраинахъ точками; надписи на полоскахъ рѣзаны вязью.

59) Икона Преподобныхъ Ефрема и Аркадія, Новоторжскихъ Чудотворцевъ. Святые изображены въ моленіи Спасителю на облакахъ; между ними клеймо съ тропарями, внизу—видъ монастыря, на заднемъ планѣ—пейзажъ съ видомъ Торжка (см. рис. ст. 129). На иконѣ сохранились надписи, обозначающія изображенныя здѣсь зданія, какъ-то: Духовный приказъ, келіи келарскія, братскія, казенка, житница, архимандричьи келіи, сѣни, трапеза и поварня,—что свидѣтельствуетъ объ устройствѣ и расположеніи монастырей въ XVII столѣтіи. Внизу изображенія святыхъ имѣется надпись дѣянія, а подъ нею, на поляхъ, слѣдующая надпись: «художества сего свидѣтельствоваанный Изографъ, Новоторжець, Филипповской пономарь

Евфимій Недоносковъ». Письмо весьма тонкое, мастерское, начала XVII вѣка, съ очевиднымъ вліяніемъ Ушаковской школы и живописнаго элемента. Церковь св. Филиппа Апостола, существовавшая въ Торжкѣ, упразднена и разобрана въ 1807 году. Икона дл. 12¹/₂ д. и шириною 10¹/₂ д. ¹⁾.

60) Икона св. Василія Кесарійскаго (Великаго). Она находилась, въ числѣ ветхихъ предметовъ, въ деревянной часовнѣ по-

¹⁾ Эта икона принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ памятниковъ для изученія древней русской архитектуры. Не только извѣстно имя художника, но и самый годъ написанія иконы, хотя надпись эта немного пострадала. Подъ иконою, на полѣ, имѣется надпись не совсемъ четкая, и буквы означающія годъ довольно стерлись. Въ первыхъ буквахъ ѣѣ не можетъ быть сомнѣнія; но затѣмъ третья буква кажется мѣѣ или 80, хотя другіе принимали ее за и. Придерживаясь моего чтенія, мы получимъ:

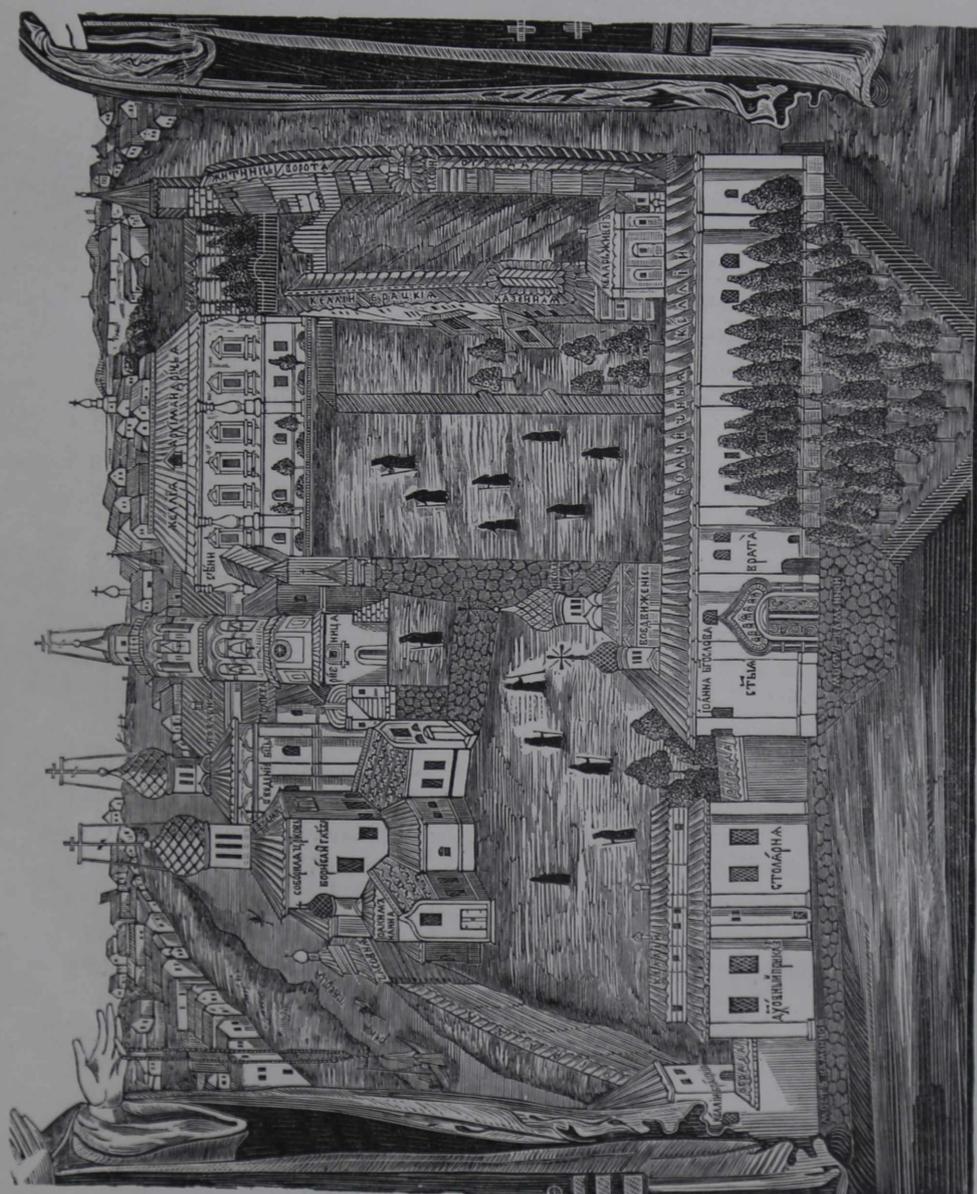
ѣѣи. го художеста сегѣ свидѣльствованной.

Изображенъ, новоторжець Филиповскои поном[арь] ѣѣиміи Недоносковъ.

Весьма любопытно для архитектуры этого времени, что на иконѣ, между преп. Ефремомъ и ученикомъ его Аркадіемъ, изображенъ видъ города Торжка и Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Этотъ видъ, на которомъ каждое монастырское строеніе обозначено особою надписью, въ особенности важнъ какъ единственное извѣстное изображеніе церкви Бориса и Глѣба, построенной въ 1038 году. На стѣнѣ написано: «соборная церковь Бориса и Глѣба». Изъ надписей на другихъ церковныхъ зданіяхъ можно прослѣдить исторію построекъ Новоторжскаго монастыря, и съ точностію опредѣлить и самый годъ написанія иконы.—По убіенію св. Бориса и брата Ефрема Георгія, въ 1015 г., блаж. Ефремъ удалился на берегъ рѣки Тверцы и построилъ страннопримный домъ. Потомъ, въ 1038 году, блаж. Ефремъ создалъ каменный храмъ въ честь св. Бориса и Глѣба, и основалъ при немъ монастырь (Филаретъ, Русскіе святые, 28 января). О постройкахъ въ монастырѣ много помѣщено подробностей въ описаніи, сдѣланномъ іеромон. Иліодоромъ (Тверь. 1861). Къ древней церкви, построенной блаж. Ефремомъ, пристроена въ 1577 придѣльная церковь во имя преп. Ефрема. Такъ какъ этотъ придѣлъ помѣщался на правой сторонѣ главнаго храма и не могъ быть изображенъ на общемъ видѣ, то художникъ написалъ имя Ефрема на крышкѣ, желая этимъ указать существованіе придѣла, отъ котораго видны только крестъ. Въ 1559 пристроена съ лѣвой стороны другая придѣльная церковь во имя Іоакима и Анны. На иконѣ видна придѣльная церковь Іоакима и Анны, а отъ другой придѣльной видны только крестъ между соборною Бориса и Глѣба и церковью Введенія Богородицы. Объ этой церкви Иліодоръ пишетъ, что она, съ обоими придѣлами, мѣрою была въ длину 9 сажень и 2 аршина, въ ширину 12 сажень и 1 аршинъ, о трехъ главахъ съ желѣзными крестами, изъ коихъ одинъ крестъ, въ соборной церкви, былъ съ подножіемъ, съ херувимами и серафимами (?), весь вызолоченъ; а крестъ на правомъ придѣлѣ мѣстами только вызолоченъ. Въ началѣ сентября 1784 года приступили къ перестройкѣ собора съ его двумя придѣлами; такимъ образомъ настоящая икона написана между 1780 и 1784 годовъ. Относительно остальныхъ зданій, здѣсь изображенныхъ, мы знаемъ, что церковь Введенія Богородицы съ трапезою и колокольнею выстроены въ 1620 году, ц. Воздвиженія надъ святыми вратами съ двумя придѣлами во имя Апост. Іоанна и св. Николая—въ 1684 году.

Что касается до иконописца Евфимія Недоноскова, то А. К. Жизневскій не могъ собрать о немъ никакихъ особыхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что онъ былъ пономаремъ въ XVIII столѣтіи, при деревянной церкви Апост. Филиппа, на Филипповой горкѣ, въ Торжкѣ. Родственникъ его Семень Андреевъ Недоносковъ, какъ значится въ метрикахъ за 1794 г., при церкви Богоявленія былъ дьякономъ и лѣтъ 60 померъ. Семень Недоносковъ извѣстенъ былъ также какъ художникъ, и самъ говорилъ, что научился живописи у своего родственника. Ни Евфимій, ни Семень у Ровинскаго не упоминаются. Гр. V.

госта Нектарьева, Тверскаго уѣзда. Икона длиною 1 арш. 9 верш. и шириною 8 верш.; повидимому, она принадлежала къ иконостасу. Святитель въ рукахъ держитъ свитокъ, на которомъ написаны слова: (шито) ш̄ менѣ вѣсѣхъ кровѣ чѣ мѣсѣ на зѣмлѣ вѣта моего. Надъ Святителемъ имѣется надпись: «Сѣтый Василе Кисайки.» Эта икона можетъ быть отнесена къ XVI столѣтію.

На мѣстѣ Нектарьева погоста существовалъ, въ XVI вѣкѣ, Нектарьевскій монастырь, по преданію, основанный въ XV ст. Нектаріемъ, братомъ Саввы и Варсонофія, настоятелей Тверскаго Саввинскаго монастыря, восхваляемыхъ пр. Іосифомъ Волоколамскимъ въ своей духовной граматѣ. Основаніе Нектарьева монастыря, по преданію, современно основанію бывшихъ тверскихъ монастырей: Тутанскаго, Саввина и Савватьева. О Нектарьевомъ монастырѣ упоминается въ въ писцовыхъ книгахъ ¹⁾ XVI ст. Въ означенной деревянной часовнѣ находится деревянная гробница, устроенная, какъ говоритъ преданіе, тѣмъ же Нектаріемъ.

61) Икона святаго Николая Чудотворца съ дѣянїями, изъ упраздненной деревянной церкви с. Покровскаго, Вышневолоцкаго уѣзда ²⁾. Изображеніе святителя поясное; онъ представленъ въ фелони, въ одной рукѣ держитъ евангеліе, а другою благословляетъ; по сторонамъ, въ кружкахъ, представлены лики Спасителя и Божіей Матери. Спаситель держитъ книгу, а Богородица—омофоръ. На Николаѣ Чудотворцѣ вѣнецъ басменнаго серебра съ тисненными узорами, на прочихъ ликахъ вѣнчики изъ гладкой басмы. На иконѣ имѣются надписи: «Лѣтѣ Великій Николае Мирликійскій Чюдотворецъ». На поляхъ, въ видѣ рамки, написанъ вязью тропарь угоднику. Судя по очертанію буквъ надписей, эту икону можно отнести къ XVI или XVII столѣтіямъ. Иконопись указываетъ на новгородское письмо. Икона съ выемкою, высота 1 арш. 13 вер., ширина 1 арш. 5½ вер.

62) Икона Іоанна Крестителя. Пророкъ изображенъ съ крыльями и съ протянутыми руками: правая съ перстами, сложенными къ молитвѣ, а лѣвая держитъ свитокъ со словами:

се агнѣцъ божи ꙗже ѿмѣлъ грехи.

Повыше сего свитка—Агнецъ въ чашѣ, съ надписью: Іс. Хр. По другую сторону, внизу изображено привѣтствіе родственницъ родительницы Іоанна, съ надписью: «Іакоѣста. Св. Елизавета возлежитъ на одрѣ, возлѣ нея три святыя жены, одна изъ нихъ подноситъ чашу, на другой имѣется сіяніе. Повыше изображено: ангелъ отводитъ въ пустыню младенца Іоанна. По другую сторону иконы, Іоаннъ съ учениками въ пустынѣ—изображенъ одинъ ученикъ. Внизу—усѣченіе главы Іоанна въ темницѣ и передача ея дочери Иродїады. Вверху иконы изображенъ Господь Саваоѣъ. Икона съ выемкою, длиною доски 7 верш., шириною 6; самая икона длиною 5¾, шириною 4½; замѣчательна по своему старинному переводу.

¹⁾ Писцовыя книги, издаваемыя Русскимъ Географическимъ Обществомъ. С. П. Б. 1877 г. часть 1, отд. II, стр. 253 и 258.

²⁾ Изъ этой церкви поступили въ музей царскія врата.

63) Икона Воскресенія Христова. Спаситель изводитъ изъ ада души праотцевъ. Внизу представлены преклоненными Адамъ и Ева; вверху—четыре праотца, въ томъ числѣ праотецъ Давидъ. На Спасителѣ вѣнецъ сканный; на царѣ Давидѣ и на другомъ праотцѣ тоже по вѣнцу. Свѣтъ иконы выложенъ басменнымъ серебромъ. Поля иконы украшены тоже басменнымъ окладомъ. На этомъ окладѣ имѣются тисненныя изображенія, съ одной стороны пророка Давида, Божіей Матери, Василя Великаго, съ надписью: о агіосъ Василій Кесарійскій, и Данійла Столпника. На другой сторонѣ—одинъ ликъ вверху поврежденъ, пониже его слѣдуютъ Иванъ Предтеча, Іоаннъ Златоустъ и Симеонъ Столпникъ. Икона XV столѣтія; величиною 7 верш. съ выемкою. Изъ Краснохолмскаго монастыря.

64) Икона пр. Макарія Египетскаго. Макарій изображенъ въ моленіи Спасителю—въ облакахъ. Поля и свѣтъ басменные узорчатые; вѣнцы серебряные. Икона XV столѣтія; величиною 7 верш. Изъ Краснохолмскаго монастыря.

65) Каменный образъ, съ оброннымъ изображеніемъ Ангела Хранителя и человѣческой души, въ видѣ дитяти, изсѣченныхъ на дскѣ изъ желтоватаго мѣстнаго мрамора. Образъ найденъ въ г. Старицѣ, въ землѣ, и пожертвованъ Т. Т. Филиповымъ; вышина образа 5 дюймовъ, а ширина $4\frac{1}{2}$ дюйма.

66) Наперсная икона, рѣзная на аспидномъ камнѣ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ св. муч. Кирика и Улиты, съ надписью «Святыи страстотерпче Кирика и Улита и какъ они пострадали отъ царя Алексамакси». Святой Кирикъ изображенъ съ крестомъ, святая Улита съ вѣткою растенія; вверху Всевидающее Око. На оборотѣ изображена церковь съ надписью: «церковь во имя святыхъ мученикѣ Кирика и матере Улиты. Почиють тела ихъ во имя храмъ». Икона четырехугольная, съ закругленными углами, вышиною $1\frac{1}{2}$ в., кромѣ ушка, шириною $1\frac{3}{8}$ в.; обложена оловомъ. Образокъ этотъ пожертвованъ Е. Н. Бастамовою (г. Тверь).

67) Каменная икона «Коронованіе Божіей Матери». Икона эта изсѣчена на мраморной дскѣ, величиною $4\frac{3}{4}$ вер., 1777 года (Тверь). Отъ И. В. Назарова.

68) Икона святыхъ мучениковъ Флора и Лавра, съ приписанными на поляхъ въ круглыхъ клеймахъ (медальонахъ) праздниками и ликами святыхъ. На иконѣ изображены въ верхней части Архистратигъ Михаилъ, по сторонамъ его св. Флоръ и Лавръ. Имъ Архистратигъ передаетъ возжи, къ которымъ привязаны, стоящія у ногъ св. Флора и Лавра, двѣ лошади. На нижней части изображены подъ холмомъ, на которомъ стоитъ Флоръ, вѣдущіе верхомъ на лошадяхъ трое юношей съ плетками въ рукахъ: Евгласиофъ, Елсисофъ и

Сифъ; каковыя имена, по всей вѣроятности, составились изъ именъ св. мучениковъ: Елевсиппа, Спевсипа и Мелевсиппа, воспоминаемыхъ церковью 16 января и получившихъ такія названія отъ коней, которыхъ водили они, до обращенія въ христіанство, на языческихъ празднествахъ [въ честь Немезидъ—божествъ ада и правосудія надъ душами умершихъ. (Опытъ сравнительнаго описанія символическихъ иконъ, А. Виноградова. 1877 г., стр. 32 и 33)]. Впереди помянутыхъ всадниковъ—юношей стоятъ лошади, пьющія воду. Икона величиною 1½ арш., шириною 1 арш.; писана по бѣлому фону, или по старинному выраженію на бѣли, и имѣетъ, подобно другимъ стариннымъ иконамъ, выемку. Она находилась въ сельской часовнѣ и, за ветхостію, пожертвована священникомъ погоста Тихвинскаго (Новый Торгъ), Ржевскаго уѣзда, Симоновымъ.

69) Символическая икона. Эта икона представляетъ вариантъ древней иконы XVI столѣтія, описанной гр. А. С. Уваровымъ, подъ именемъ «Образъ Ангела-хранителя съ похождениями» (Русскій Архивъ 1864 г.). Икона Ангела-хранителя, какъ утверждаетъ гр. Уваровъ, назначенная для наглядной и понятной передачи всѣхъ глубоковраственныхъ и религіозныхъ идей, изложенныхъ въ «Словѣ отъ видѣнія Павла апостола», о деннонощной молитвѣ, должна была иконописно изобразить все, что содержалось въ немъ. На настоящей иконѣ изображена вверху, въ клеймѣ, выходящемъ частью на поля (закраину) иконы, на звѣздномъ небѣ, св. Троица: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ святой, въ видѣ голубя. Подъ симъ 'клеимомъ—два ангела съ надписью по срединѣ: «анѣли Гдни приходяше на поклоненіе ко Гдѣ отъ всѣхъ насъ». Пониже, направо (отъ зрителя налѣво), въ свѣтломъ, кругломъ, звѣздчатомъ клеймѣ—юноша, въ богатой одеждѣ и плащѣ, съ одной стороны его: крылатый діаволь, съ багромъ, а съ другой—ангелъ, съ надписью: «анѣли хранитель хранитъ чловѣка во дни». Налѣво тотъ же юноша на одрѣ и тутъ же діаволь и ангелъ съ надписью: «анѣли Гднѣ хранитъ чловѣка внощи». Пониже, справа, подъ отрокомъ изображена юная дѣва, украшенная нимбомъ (сіяніемъ) и стоящая на двухъ колесахъ крылатыхъ и держащая въ правой рукѣ солнце. Надъ дѣвою имѣется надпись: «чистая душа». Налѣво, подъ одромъ, изображенъ на темномъ, звѣздномъ покровѣ нагой чловѣкъ, одѣтый темною пеленою, стоящій на колесѣ, вращаемомъ дьяволомъ и держащій въ лѣвой рукѣ луну¹⁾. Посрединѣ иконы изображенъ открытый гробъ съ чловѣческимъ костякомъ и двое стоящихъ надъ гробомъ. Одинъ въ подрясникѣ, а другой съ длинною бо-

¹⁾ На другихъ подобныхъ образахъ, (можетъ быть, и на этомъ были, да закрашены), надписи на поляхъ: у солнца: «твой есть день», у луны: «твоя есть ночь».

родю, въ колпакѣ и въ красной туникѣ. Надъ ними имѣется надпись: «помянухомъ прѣа вопиющаго несемъ земля и пепель и паки размотрохомъ и видяхомъ во гробѣ кости обнажены, рече кто убо есть црь или мнихъ праведенъ или грешенъ есть упокой Бже справедливыми рабы своя». Икона съ выемкою, длиною 7, шириною 6 вершковъ. Поля иконы свѣтлоричневаго цвѣта, воздухъ (свѣтъ) темножелтоватаго цвѣта; надписи написаны золотомъ, кромѣ надписи: чистая душа. Икона эта пріобрѣтена въ г. Ржевѣ. Ее разсматривалъ Алексѣй Евфимовичъ Сорокинъ, извѣстный знатокъ и любитель древней иконописи, самъ обладатель замѣчательнаго собранія древнихъ иконъ, поступившаго въ церковно-археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи. По мнѣнію г. Сорокина, образъ этотъ назвать слѣдуетъ земною жизнію человѣка—христіанина, потому что на немъ изображены день и ночь, то есть, теченіе его жизни и храненіе его даннымъ ему при св. крещеніи, ангеломъ хранителемъ отъ діавольскихъ искушеній. Впрочемъ, на старыхъ такихъ образахъ не имѣется никакого названія сему образу. По мнѣнію г. Сорокина, подъ изображеніемъ христіанина, бодрствующаго во дни, представленъ день, въ видѣ стоящаго на двухъ крылатыхъ колесахъ юноши, держащаго въ правой рукѣ солнце (атрибутъ дня), а подъ изображеніемъ спящаго человѣка представлена ночь, въ видѣ нагаго человѣка, стоящаго на колесахъ же, облеченнаго ночью тьмою въ видѣ темной пелены, держащаго въ лѣвой рукѣ луну (атрибутъ ночи). Колеса, на которыхъ стоятъ изображенія дня и ночи, означаютъ теченіе времени. Внизу, на срединѣ образа, представленъ гробъ съ костянымъ оставомъ человѣка означаетъ тлѣнность и ничтожество земнаго плотскаго человѣка, о чемъ и разсуждаютъ стоящіе предъ гробомъ, со стороны духовенства—монахъ, а со стороны мірскихъ людей—свѣтскій мудрецъ или философъ. Образъ этотъ новгородскихъ писемъ первой половины XVII вѣка, съ починкою свѣта и съ неправильною передѣлкою дня въ чистую душу, съ новыми объ этомъ надписью и вѣнцомъ, которыхъ на подлинникѣ, по мнѣнію г. Сорокина, не было, тѣмъ болѣе, что чистая душа пишется въ видѣ юной дѣвы, съ короною на головѣ, въ плащѣ пламеннаго цвѣта, съ обнаженными руками; ногами она стоитъ надъ пламенемъ и попираетъ приближающагося къ ней снизу съ открытою пастью змія; въ правой рукѣ у ней сосудъ, изъ котораго она льетъ въ видѣ воды, слезы на пылающее подъ нею пламя.

70) Старинный окладъ отъ иконы Тихвинской Божіей Матери, новгородскихъ писемъ, пожертвованный А. Е. Сорокинымъ, для объясненія того, какъ писалась на иконахъ чистая душа. На поляхъ означенной иконы, какъ обозначаютъ прорѣзныя мѣста,

гдѣ были фигуры святыхъ и надписи на окладѣ, изображены были: вверху—Св. Троица, въ видѣ трехъ Ангеловъ; по сторонамъ ея—св. Іаковъ пресвитеръ и пр. Іосифъ Волоколамскій; пониже, по сторонамъ иконы Божіей Матери—св. великомученикъ Никита и пр. Сергій Радонежскій. Въ самомъ низу, въ углахъ, въ круглыхъ клеймахъ, изображены, въ одномъ Шестодневъ, а въ другомъ углу Чистая душа. Шестодневъ представленъ въ шести небольшихъ кружкахъ, въ коихъ изображены шесть фигуръ. Чистая душа представлена, какъ выше объяснено, въ видѣ юной дѣвы, попирающей змія и угашающей пламень. Надъ нею вычеканена слѣдующая надпись: «Душа чиста, аки девица, не скверна, смиреніемъ змія попра, слезами пламень погаси». Между Шестодневомъ и Чистою душою изображены, съ одной стороны пр. Зосисима, а съ другой—пр. Савватій, Соловецкіе чудотворцы, и посрединѣ гробъ, а надъ нимъ три человѣка въ наклонномъ положеніи, съ надписью: «Жітіе мое яко вода течеть, а слава моя ничтоже ми бысть. Вчера тело честно а днесъ во гробъ вселіся». Окладъ мѣдный, вызолоченный, величиною 12¹/₂ и 10 вершк., съ красивымъ орнаментомъ.

71) Образъ Распятія Господня, съ символическими изображеніями. По срединѣ распятый на крестѣ Господь. Надъ главою написано: «І. Н. Ц. Й.» и около главы Его слова: «Іис. Хї.» Господь смотритъ съ любовію въ правую сторону; въ правой рукѣ Его хартія, и на ней слова: «руцѣ распрострѣ къ себѣ призове»; въ лѣвой-тоже хартія и на ней слова: «изъ ранъ ліеть кровь яко река»... Древо креста изображено деревомъ, давшимъ отъ себя множество, въ разныхъ стороны, вѣтвей. На осьми вѣтвяхъ съ цвѣтами, простирающихся къ верху отъ поперечнаго древа креста, возсѣдаютъ ангелы, держащіе въ рукахъ своихъ каждый по одному диску (кругу), въ которыхъ изображены, съ правой стороны—луна, Еммануиль, чаша въ сіяніи и рука; съ лѣвой—солнце, цвѣтъ, херувимъ и Нерукотворенный образъ Спасителя. Эти ангелы съ умиленіемъ взираютъ на необыкновенное таинство спасенія человѣковъ. Отъ самой верхушки древа крестнаго простирается поднятая къ верху рука, выходящая изъ цвѣта и держащая ключъ отъ рая, въ которомъ изображенъ возсѣдающій на облакахъ Господь Саваоѣ и держащій въ лѣвой рукѣ шаръ. Рай изображенъ съ закрытыми дверями и съ двумя, на концахъ ограды, башнями. Отъ вѣтвей, идущихъ внизъ, на правой сторонѣ опускается рука, держащая камень. Сряду же, пониже ея, стоитъ церковь съ главами, въ которой, въ четырехъ отдѣлахъ, изображены четыре евангелиста: Маркъ, Лука, Матѳей и Іоаннъ. Отъ вѣтвей, простирающихся къ низу, на лѣвой сторонѣ, опускается изъ цвѣта рука, держащая мечъ, который поражаетъ смерть, сидящую на конѣ, въ видѣ

скелета, съ косою. На вѣтвяхъ съ цвѣтами, подымающихся отъ подножія къ верху, стоятъ колѣнопреклоненные ангелы, по одному съ каждой стороны, держащіе въ рукахъ кружки съ надписями, или изображеніями (разобрать нельзя). Отъ тѣхъ же вѣтвей, дающихъ отростки, къ низу на лѣвой сторонѣ, опускается рука, держащая топоръ. Подъ дровомъ крестнымъ голова Адамова, и на лѣвой сторонѣ ея двѣ головки: женская и мужская—Адама и Евы. Отъ самой нижней оконечности креста идутъ двѣ, прикрѣпленные къ подножію креста, цѣпи: одною связанъ сатана, другая концомъ своимъ укрѣплена недалеко отсюда же къ челюстямъ ада.

Главная надпись на образѣ, въ означеніе общаго содержанія слѣдующая: «Образъ честныя страсти Бѣи Гѣи во спасеніе всѣмъ человѣкомъ». На верхнемъ полѣ, по сторонамъ изображенія Господа Саваоа, на правой отъ Господа сторонѣ слова: «Богъ Отецъ премилосердый, залогъ даде людямъ твердый къ любви посла намъ сына за благость Едина (Единороднаго)», На лѣвой—«сынъ Гѣи источися Бгъ—человѣкъ намъ явился къ любви его всякъ тщится вѣрный, вси». На боковомъ полѣ, съ правой отъ Господа стороны, слова: «Изъ древа крестна вѣнецъ израстаетъ терпящимъ». На другой боковой сторонѣ слова: «Грѣховная смерть упразднися прозябшимъ дровомъ». На нижнемъ полѣ, слѣдующія надписи: (подъ церковію) «камень въ рудѣ, то церковь бѣ на спасеніе христіаномъ на землѣ». (Подъ главою Адама) «древу крестно мірови спасенно на равнѣ мѣстѣ утверждено». (Подъ связаннымъ сатаномъ) «отъ древа крестна діаволь связася, люта бо злоба и прелесть попрося». Икона величиною 8 и 7 вершковъ; она пожертвована Н. К. Проскуряковою (г. Осташковъ).

По отзыву А. Е. Сорокина, этотъ образъ Тверскихъ писемъ, начала XVIII вѣка; онъ во многомъ зачиненъ и записанъ. По совѣту А. Е. Сорокина и при его обязательномъ содѣйствіи образъ этотъ былъ очищенъ и возстановленъ въ прежнемъ видѣ.

72) Образъ Св. Троицы (вышиною $1\frac{1}{2}$ аршина и шириною находившійся въ Вознесенской деревянной, уже упраздненной ¹⁾), цер-

¹⁾ Упраздненная деревянная Вознесенская церковь принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ церквей Тверской губерніи. Она, кромѣ старины своей, обращаетъ на себя вниманіе какъ архитектурой, такъ и живописнымъ мѣстоположеніемъ на высокому берегу р. Тверцы. По свѣдѣніямъ, находящимся въ Тверской консисторіи, церковь эта построена въ 1653 году. Въ ней, подъ престоломъ, найденъ антиминсъ объ освященіи алтаря въ 1653 году, 6 марта. Антиминсъ суровой ткани, холщевый, въ четыре вершка, квадратный, съ частицею мощей въ воскомастикѣ, съ печатью; на передней, лицевой сторонѣ, начертанъ чернилами осмиконечный крестъ, подъ нимъ Голгофа изъ трехъ ступеней: на верхнихъ, справа копіе, слѣва—трость съ губкою; на всей ткани вокругъ креста написано по славянски: «освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа въ церкви Вознесенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Священа бысть церковь сія въ лѣто 7184 индикта 15

кви г. Торжка. На дскѣ представлена большая звѣзда, средину которой занимает большой медальонъ, съ изображеніемъ сѣдящихъ на престолѣ, въ вѣнцахъ, Бога Отца, одесную Его Сына Божія, вверху, въ сіяющей звѣздѣ, Св. Духа. Между ними изображеніе земнаго шара, увѣнчаннаго крестомъ; Богъ Отецъ держитъ свитокъ со словами:

марта въ 6 день, на память святыхъ мученикъ, иже во Амморіи, при Благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Алелѣи Михайловичѣ всея Русіи при Митрополитѣ Макаріи Новгородскомъ и Великоуцкомъ». Антиминсъ найденъ вложеннымъ въ обыкновенный листъ синеватой бумаги, на которомъ оттиснуто положеніе Иисуса Христа во гробъ, съ изображениями помѣщаемыми на антиминсахъ. На поляхъ напечатано по славянски: «лѣта отъ созданія міра 4370» (слѣва); «А отъ воплощенія Божія слова 440» (справа); внизу: «при Благовѣрномъ Государѣ царѣ и Великомъ Князѣ Алексѣ Михайловичѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи». Быть можетъ, въ 1655 году освященіе совершено по поводу возобновленія этой церкви, тогда какъ она построена гораздо ранѣе. Нѣкоторымъ основаніемъ этого предположенія можетъ служить слѣдующее. Въ писцовыхъ книгахъ города Торжка, Потапа Нарбекова, 1625 года, описана деревянная Вознесенская церковь такъ: «На посаде храмъ во имя Вознесенія Гда нашего Иа Христа древенъ клецки... поставленіе храмъ и во храму образы книги и колокола строеніе мірекое...» Настоящая церковь имѣетъ видъ столпообразной (см. рисунокъ), вышиною 16 сажень, при 12 сажняхъ длины; состоитъ изъ четырехъ ярусовъ, оканчивающихся шейкою съ грушевидною главою и на оной крестомъ. Она построена изъ толстаго, тамъ называемаго, рудоваго сосноваго лѣса, толщиной въ 8, мѣстами 10 и даже до 16-ти вершковъ (напр. входная дверь). Срублена церковь въ лапу, снаружи обшита тесомъ; нижній ярусъ четырехъстѣнный, остальные восьмистѣнные; къ церкви пристроены трапеза и алтарь; впоследствии пристроена паперть, а въ 1782 году, подведенъ подъ церковь фундаментъ. Вѣсто прежней чешуйчатой обшивки, глава обложена бѣлымъ желѣзомъ. Въ 3-мъ и 4-мъ ярусахъ сохранились еще окна изъ слюды въ оловянныхъ переплетахъ. Выдающіеся наружные углы церкви обложены витыми деревянными колонками. Ходъ изъ трапезы въ церковь прорубленъ въ стѣнѣ, въ видѣ полукруга, 2-хъ сажней въ діаметрѣ. Арка украшена рѣзными деревянными раскрашенными розетками, и надъ нею сдѣланы красками разводы. Въ осмигранномъ куполѣ изображенъ Денесусъ и подъ нимъ, на стѣнахъ въ 4-мъ ярусѣ, между слюдныхъ оконницъ, къ востоку, изображено Знаменіе Божіей Матери, а по бокамъ вселенскіе Святители. Подъ куполомъ виситъ цѣпь, прикѣпленная концами своими къ сѣверной и южной стѣнамъ. По срединѣ этой цѣпи прикрѣплена другая цѣпь, на которой въ прежнее время привѣшивалась люстра. Многія изъ находящіяся въ церкви иконы стариннаго письма перенесены, частью въ новую каменную вблизи по строенную церковь, а частью въ часовню при этой церкви. Изъ оставшихся въ деревянной церкви иконъ обращаютъ на себя вниманіе находящіяся въ трапезѣ прежнія входныя двери въ алтарь, съ изображеніемъ на одной Мельхиседека, а на другой архидіакона Стефана, съ надписями: «о агіосъ Мельхиседекъ царь Салимскій» и «о агіосъ ар. Стефанъ». Царь Мельхиседекъ представленъ держащимъ въ лѣвой рукѣ три хлѣба. У него на головѣ шапка съ бѣлымъ надплечіемъ, какъ носятъ на Востоку; облаченіе украшено большими цвѣтами въ родѣ тюльпановъ. Въ церкви сохранились также старинныя фелони безъ выемки спереди и стихарь изъ крашенины, двоеморхаго бархата и гарусной матеріи. Къ сожалѣнію, древній храмъ Вознесенія Господня, составляющій украшеніе города Торжка, обреченъ на уничтоженіе. Окна въ немъ заколочены досками, крыша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прогнута, особенно, на паперти, и даетъ течь. Самое же строеніе церкви прочно, и нѣсколькихъ сотъ рублей достаточно было бы, чтобы сохранить этотъ прекрасный образецъ древнихъ деревянныхъ церквей. Было бы желательно, чтобы граждане города Торжка, отличающіеся своимъ усердіемъ къ святынямъ и удѣляющіе щедрою рукою изъ своего достоянія на украшеніе храмовъ, приняли мѣры къ сохраненію древней деревянной Вознесенской церкви.

«Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесъ родихъ Тя, проси отъ Мене и дамъ Ти языки, достояніе Твое.» У Сына Божія открытое Евангеліе со словами: «Вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ...» Вокругъ этого медальона надпись: «рече Господь Господеви Моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ.»—Этотъ большой медальонъ окруженъ девятью малыми медальонами, съ изображеніемъ воинствъ небесныхъ и ликами Богородицы и Іоанна Предтечи. На той же дскѣ росписана узорами рамка и по бокамъ приписаны лики Святыхъ: съ одной стороны Ангелъ Хранитель и пр. Максимъ Исповѣдникъ, съ другой—Великом. Антипъ и Преп. Ксенія. На острияхъ лучей упомянутой выше большой звѣзды изображены, въ видѣ символовъ, четыре Евангелиста, при чемъ левъ представляетъ Ев. Іоанна, а орелъ Ев. Марка. По способу изображаемаго предмета и по стилю письма надобно предполагать, что эта икона древняго времени. Высокопреосвященный архіепископъ Алексій, во время посѣщенія имъ г. Торжка, убѣдившись въ замѣчательности этой иконы, тамъ же сдѣлалъ распоряженіе о передачѣ оной въ Тверской музей, и взялъ ее для этого съ собою.

73) Икона «О тебѣ радуется, обрадованная, всякая тварь, Архангельскій соборъ и человѣческій родъ». Надпись сдѣлана золотомъ, красивою вязью, и помѣщена вверху иконы. Икона съ выемкою, какъ говорятъ старообрядцы, во дворѣ; длиною она 11½ вер., шириною 9 вер. На иконѣ избраны: величественный, о семи главахъ, храмъ и по срединѣ его Господь Саваоѣ съ Духомъ Святымъ, въ видѣ голубя, на лонѣ, окруженный сіяніемъ и шестикрылыми серафимами; по сторонамъ храма виднѣются: съ одной стороны солнце, а съ другой луна; пониже изображена Богородица, возсѣдающая на престолѣ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на ея лонѣ. Пречистую Дѣву окружаютъ серафимы и семь архангеловъ. По сторонамъ изображенъ рай съ цвѣтами и въ немъ, съ одной стороны, царь Давидъ съ хартію: «Освятить еси селеніе свое Вышній, яко ту заповѣда. . . » и съ другой—благоразумный разбойникъ съ семиконечнымъ крестомъ. Пониже Богородицы изображенъ Іоаннъ Предтеча съ крыльями, держащій хартію: «покайтесь, приблизитесь царствіе небесное, сотворите убо». По сторонамъ и внизу изображены праведники: цари, святители, преподобные, жены, отроки (семь отроковъ проснувшихся), младенцы и проч. (человѣческій родъ). У одного изъ окружающихъ на хартіи написано: «Всемирную славу отъ человѣкъ прозябшую и владыку рождшую»; у другого—«Радуйся Царице, матерямъ и дѣвамъ слава. . . »; у третьяго внизу: «ты еси Хрсъ Сынъ Бога живаго». Письмо иконы весьма искусное, мастерское. Къ сожалѣнію, одинъ ликъ архангела поврежденъ. Икона приобрѣтена въ Твери.

74) Икона «Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы», написанная согласно иконописному Новгородскому подлиннику XVI вѣка, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ. На иконѣ изображены: храмъ; святые Іоакимъ и Анна вводятъ св. Отроковицу, Дѣву Марію, которая съ приподнятыми руками восходитъ на ступени храма къ срътующему Ее первосвященнику Захаріи; Іоакима и Анну сопровождаютъ четыре дѣвы. Направо въ храмъ изображена Дѣва Марія, возсѣдающая на возвышеніи; предъ Нею аналой, на которомъ раскрыта книга, должно быть, Псалтирь, на словахъ «Хвалите Гда отроцы». Вверху ангелъ приноситъ пищу, надъ нимъ надпись: «ангелъ Господень приноситъ пищу». Икона величиною 7 верш.; съ выемкою. На всѣхъ лицахъ, кромѣ сопровождающихъ дѣвъ, имѣются серебряные вѣнцы, съ цатами на Іоакимѣ и первосвященникѣ. Цата на Аннѣ утеряна. Поля иконы обложены басменнымъ серебромъ, на немъ вычеканена выпуклая надпись: «Образъ Входя въ храмъ: прѣгызъ Влацы Нашеа Брѣцы». Окладъ этотъ, повидимому, сдѣланъ впоследствии.

75) Снимокъ съ иконы, XVII столѣтія, преподобнаго Діонисія Архимандрита Троице—Сергіевой Лавры, Радонежскаго Чудотворца, знаменитаго защитника этого монастыря въ смутное время (впоследствии справщика церковныхъ книгъ). Подлинная икона находится въ г. Ржевѣ, во Владимірской церкви, что при богадѣльнѣ, въ придѣлѣ во имя св. Архимандрита Діонисія. Преподобный изображенъ на иконѣ въ фелони, съ митрою на головѣ, предстоящимъ въ моленіи Спасу и Св. Троицѣ. На выступѣ иконы имѣется надпись: «Агіось Архимандритъ Діонисій Троице—Сергіева монастыря». Вышина иконы 17½ дюймовъ, а ширина 7 дюймовъ. На оборотѣ ея имѣется слѣдующая надпись: «Молитца сему образу Иванъ Ивановъ сынъ Ощвусовъ»: Преданіе утверждаетъ, что эта икона написана вскорѣ послѣ кончины архимандрита Діонисія и что изображаемый на ней ликъ имѣетъ большое съ нимъ сходство. Это подтверждается тѣмъ, что когда скончался п. Діонисій, тогда многіе изографы собрались къ его гробу списывать его лицо ¹⁾.

Ржевскій городской голова Е. В. Берсенева, придавая надлежащее значеніе означенной иконѣ преп. Діонисія, пожертвовалъ въ Тверской музей вѣрный и точный съ нея списокъ (за исключеніемъ того, что подлинникъ обложенъ серебромъ). Для Тверскаго музея, собирающаго изображенія знаменитыхъ историческихъ дѣятелей, уроженцевъ Тверской губерніи, эта икона имѣетъ особое значеніе. Архимандритъ Діонисій, въ мірѣ Давидъ, родился въ г. Ржевѣ, отъ отца Феодора и матери

¹⁾ Старина русской земли. С.-П. Б. 1871 г., стр. 20.

Іуліаніи. Отець его, по переселеніи въ г. Старицу, былъ Ямскимъ старостою, а сынъ его Давидъ учился здѣсь, въ Успенскомъ монастырѣ, грамотѣ, впослѣдствіи былъ приходскимъ священникомъ въ селѣ Ильинскомъ, Старицкаго же уѣзда, при Богоявленской церкви. Лишившись вскорѣ жены и двоихъ дѣтей, онъ постригся въ монашество въ томъ же Успенскомъ монастырѣ; здѣсь, въ 1607 году, возведенъ былъ въ санъ архимандрита и потомъ, въ 1610 г., назначенъ архимандритомъ Троице—Сергіева монастыря. Ни въ житіи препод. архимандрита Діонисія, составленномъ современникомъ его, Троице-Сергіева монастыря келаремъ Симономъ, ¹⁾ ни въ Исторіи профессора Соловьева, ни въ сочиненіи Костомарова: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», не упоминается о томъ, какое прозвище (фамилію) въ мірѣ носилъ Діонисій. Между тѣмъ, изъ хранящейся въ Старицкомъ монастырѣ Описной книги видно, что преп. Діонисій назывался въ мірѣ Давидомъ Ѳедоровичемъ Зобниновскимъ. По этой книгѣ, въ 1607 году, по грамотѣ царя Василія Ивановича, за приписью дьяка Афиногена Голенищева, отписалъ означенный монастырь Старицкій городовою приказчицѣ Язвецъ Ивановъ Жихаревъ, послѣ архимандрита Пимена, новому архимандриту Діонисію. Эта книга была найдена въ 1694 году въ стѣнѣ церковной, когда разбирали церковь св. муч. Василія Анкирскаго, какъ это значитъ въ надписи на книгѣ, сдѣланной дьякомъ Приказа Большаго Дворца, Никитою Клементьевымъ, по указу царей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Въ этой книгѣ, скрѣпленной по листамъ архимандритомъ Діонисіемъ, записанъ его вкладъ, сдѣланный имъ до постриженія въ число братіи сего монастыря. Запись эта, помѣщенная въ отдѣлѣ: «Въ прибыли ризы», оканчивается слѣдующими словами: «А тѣ ризы и стихарь и потрохель и поручи и поясъ дача села Ильинскаго вдоваго Богоявленскаго священника Давида Ѳедорова сына Зобниновскаго». Изъ сопоставленія этой записи съ вышеприведенными данными, помѣщенными въ «Житіи Архимандрита Діонисія», нельзя не придти къ тому заключенію, что означенный вкладъ сдѣланъ имъ до поступленія своего въ монастырь, когда еще онъ носилъ фамилію Зобниновскій ²⁾.

¹⁾ Канонъ преподобному отцу нашему Діонисію, Архимандриту Сергіевой лавры, Радонежскому чудотворцу, съ присовокупленіемъ житія его. Москва, въ Синодальной типографіи, 1834 года.

²⁾ Въ Описной книгѣ записаны еще два вклада архимандрита Діонисія, а именно: образъ Василія Кесарійскаго и Василія Блаженнаго, въ моленіи облачному Спасу. Въ концѣ этой записи значится: «а тѣ образы Ѳедора Зобниновскаго». Здѣсь, должно быть, пропущенъ слогъ ов. Другой вкладъ, какъ-то: двѣ подноси къ иконѣ Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, жемчугомъ сажены съ разными камнями по серебру позолоченному,—записанъ такъ: «прикладъ Архимандрита Діонисія».

Въ Старицкомъ монастырѣ хранится нынѣ вкладъ архимандрита Діонисія—рукописный Прологъ, съ надписью на первомъ листѣ о томъ, что эту книгу далъ въ 1621 году 25 декабря архимандритъ Діонисій въ вѣчный поминокъ по отцѣ своему иноку Ѳеодорѣ и по матери своей иноку Оулѣе и по своей душѣ и по иноку Ефросинѣе Вассѣ и по всѣхъ своихъ родителяхъ во вѣки. Кромѣ того, въ этомъ же монастырѣ хранятся вклады архимандрита Діонисія: крестъ и Евангеліе. Крестъ деревянный осьмиконечный, обложенный серебромъ съ позолотою, съ рѣзными изображениями и съ надписью, что этотъ крестъ сдѣланъ изъ дерева, на которомъ явилась икона Тихвинскія Божія Матери, и что обложилъ его Троице-Сергіева монастыря архимандритъ Діонисій, въ 1630 г. Евангеліе въ серебряномъ окладѣ, съ рѣзною надписью на ребрѣ верхней доски о томъ, что этотъ вкладъ сдѣланъ архимандритомъ Діонисіемъ. ¹⁾

76) Икона Креста Господня, съ предстоящими въ молении. По обѣимъ сторонамъ семиконечнаго креста изображены: Царь Константинъ, царица Елена и припадающіе къ кресту: царь Алексій Михайловичъ, царица Марія Ильинична, въ царскихъ одеждахъ съ коронами на головахъ, и пониже царя Алексія Михайловича—патріархъ Никонъ въ полномъ облаченіи и въ митрѣ. Икона вышиною одинъ аршинъ, шириною $\frac{3}{4}$ арш., писана на холстѣ яичными красками на левкасѣ. Облаченія частью писаны и безъ левкаса; они очень тщательно отдѣланы золотомъ и серебромъ. Икона эта пожертвована въ Тверской музей въ декабрѣ 1876 года любителемъ старины А. С. Мыльниковымъ и восстановлена въ прежнемъ видѣ, безвозмездно, извѣстнымъ реставраторомъ старинныхъ иконъ и картинъ, покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ Подключниговымъ. Эта икона представляетъ подобіе семиконечнаго креста, устроеннаго патріархомъ Никономъ въ 1656 году для Крестнаго монастыря, основаннаго имъ на островѣ Кіѣ, въ память спасенія іерарха сего на Бѣломъ морѣ. Подобная этой иконѣ, только писанная масляными красками и величиною въ 1 арш. 11 в., находится въ алтарѣ Распятской церкви, при теремахъ Кремлевскихъ. Она описана въ «Древностяхъ Россійскаго Государства», изданныхъ по Высочайшему повелѣнію въ 1851 году. Изъ этого описанія видно, что такія же иконы находятся въ Спасо—Евфимьевскомъ монастырѣ, въ церкви с. Никулина—Городища (Старицкаго уѣзда) ²⁾ и въ Новомъ

¹⁾ Въ этомъ окладѣ въ настоящее время заключается уже другое Евангеліе, напечатанное въ 1754 году, а не то, которое пожертвовано архимандритомъ Діонисіемъ.

²⁾ Вышина этой иконы 1 арш. 156.; писана яичными красками на холстѣ. Надъ изображеніемъ патріарха Никона нѣтъ надписи его имени; повидимому эта икона писана въ недавнее время.

Іерусалимъ. Изображенный на иконѣ крестъ, кромѣ обычныхъ надписей 'І. П. Ц. І' 'ІГ ХГ' 'нига', покрытъ надписями на выпуклыхъ квадратныхъ и звѣздчатыхъ клеймахъ. Есть также клейма въ видѣ ковчега и креста. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя надписи повреждены, вслѣдствіе отвалившагося левгаса. Въ крестообразныхъ клеймахъ имѣются слѣдующія надписи: «Рождество Христово рѣзное», «(срѣ) ¹⁾—теніе Гдѣ рѣзное», «распятіе Христово рѣзное», «с крестъ Гдѣ рѣзной». Въ двухъ, ковчеггахъ имѣются надписи; на первомъ, съ надписью на верху: «ковчегъ»: «часть крове Гдѣни», «часть ризы Гдѣни» «часть крове Іоанна Предтечи», «часть кровѣ апостола Павла» и на серединѣ: «часть древа Креста Гдѣна»; на другомъ ковчегѣ—«Животворящее святое древо честнаго Креста Гдѣна.» На звѣздчатыхъ клеймахъ, расположенныхъ симметрично, имѣются слѣдующія надписи: «часть камня Св. Гроба Гдѣна», «ч. к. Гроба Пресвятыя Богородицы», «камень пещеры гдѣ родися Гдѣ», «камень гдѣ постился Гдѣ (М) дней», «камень гдѣ постился Іоаннъ Предтеча», «ч. к. на немъ же [Авраамъ] оугости [свят.] Троицы. Кромѣ того, на нѣсколькихъ звѣздчатыхъ клеймахъ есть надпись: «камень безъ надписанія.» Въ самомъ низу креста видѣются надписи: «..... пер ..... ѣ ..... открыся Іоаннъ Предтеча от ... ч ..... а .....» «[часть жезла] Моисеова чемъ Черное море пресѣкъ.» Пovyше этихъ надписей, подъ нижнею, поперечною частью креста написано: «При державѣ благовѣрнаго и Христолюбиваго Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и обладателя и при благовѣрной и Христолюбивой Царицѣ и Великой Княгинѣ Маріи Иліичнѣ и при сынѣ ихъ благовѣрномъ Царевичѣ и Великомъ Князѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ ..... сотворенъ сей ..... крестъ [Святѣйшимъ] Никономъ Патріархомъ [Москов]скимъ и всея Россіи отъ единаго древа кипариса ..... украсилъ [исребромъ] [излатомъ] въ честь и славу распятаго сѣна Божія къ зрѣнію и по [ученію] христолюбцамъ въ лѣто отъ Рождества ІГ. Хр. 1656 г. Затѣмъ въ четырехъугольныхъ клеймахъ помѣщены имена Святыхъ, коихъ мощи находятся въ крестѣ сооруженномъ Патріархомъ Никономъ. Надъ предстоящими и припадающими ко кресту имѣются слѣдующія надписи: «Св. Благовѣрный Царь Константинъ», «Святая благовѣрная Царица Елена» (головы ихъ окружены сініемъ золотымъ), «Государь Царь и великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ», «Государыня Царица и великая Княгиня Марія Иліична», «Святѣйшій Никонъ

¹⁾ Въ скобкахъ помѣщены буквы, которыя хотя уничтожились, но по содержанію надписи можно предполагать, что онѣ были, а точками обозначены мѣста словъ, которыхъ опредѣлить невозможно.

Патріархъ Московскій.» Святые Константинъ и Елена и прочія лица держатъ въ рукахъ на пеленахъ хартии съ слѣдующими молитвами: Царь Константинъ держитъ молитву: «О пречестный крестъ Хрѣстовъ. Азь на небеси видѣхъ ты ¹⁾. Кресту Христову преклонися Злонравный врагъ твой Максентій, во Христа Сына Божія не вѣруя Тобою побѣдися. Азь видѣхъ ты въ водѣ крещеніемъ просвятихся. Злонравный Максентій не вѣруя въ Тя въ водѣ потопися.» Царица Елена: « О Пречестный Кресте Христовъ, въ зачало сына моего Константина Азь свѣтомъ Тя небеснымъ познала и отъ нѣдръ земныхъ совѣтомъ сына моего Константина, своими руками пояла ²⁾ и во славу Твою церковь с .... ю .... огради .... Насъ и по насъ вѣрныхъ отъ всѣхъ злыхъ огради.» Царь Алексѣй Михайловичъ: «О, всечестный Христовъ кресте, ты Божественная побѣда, ты содѣлованіе нашего спасенія, ты не вѣрнымъ одолѣніе и божественная держава просящія ты сохрани.» Царица Марія Илична: «Кресту вѣрнымъ спасенію поклоняюся и теплѣ обლობязую и объемля вопію. Древо всеблаженое Христово душу мою и умъ просвѣти молюся.» Патріархъ Никонъ:—(Яко) одушевленну тебѣ припадаю и зываю ти кресте мой прѣтвый ты ми (просвѣти) и умъ и душу и слухъ и устне и языкъ и дыханіе ³⁾ и нози къ путемъ царства Христова.» Вверху иконы по обѣимъ сторонамъ находятся надписи въ четырехугольныхъ клеймахъ. Отъ лѣвой надписи осталось нѣсколько словъ: «..... енныя ..... крест ..... ангеломъ ..... христіаномъ упованіе..... крестъ труждающимъ, крестъ недужнымъ ..... ресеніе ..... и избави.» На правой сторонѣ написано: «Да радуется тварь и играетъ, днесъ бо обліста крестъ, и т. д.» (Миней, служба на 1 ч. Августа «Происхожденіе честныхъ древъ.»)

77) Образокъ Тихвинскія Божія Матери, въ золотомъ басменномъ окладѣ и въ серебряномъ ковчежкѣ, въ которомъ вставлена, вмѣсто стекла, слюда; длиною образокъ $1\frac{7}{8}$ вер., шириною $1\frac{3}{8}$ вер. и толщиною ковчежець $\frac{5}{16}$ вер. На окладѣ имѣются надписи: *мѣдрѣ инѣхъ*. Образокъ пожертвованъ въ музей Е. Н. Березиною. По семейному преданію, образокъ этотъ хранился болѣе 250 лѣтъ у ея родныхъ.

78) Рѣзная на деревѣ икона двѣнадцати великихъ праздниковъ. Она состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ прямоуголь-

¹⁾ Противъ текста, помѣщеннаго въ книгѣ «Древности Государства Россійскаго», т. IV-3 стр., пропущено здѣсь: «вииде въ вѣру Христову» и вмѣсто сего прибавлены слова, означенныя курсивомъ.

²⁾ Въ книгѣ «Древности Государства Россійскаго», молитва оканчивается словомъ пояла.

³⁾ Въ книгѣ: «Древности Госуд. Россійскаго», молитва оканчивается на словѣ дыханіе.

ныхъ четырехугольниковъ, съ изображеніемъ къ каждому по четыре праздника. Изъ двѣнадцати праздниковъ нѣтъ праздника Вознесенія Господня; замѣвъ его, восполняетъ число 12-ти праздниковъ Воскресеніе Христово, или Сошествіе во адъ, которое на иконахъ пишется не въ ряду двѣнадцати, а въ срединѣ ихъ, какъ праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ. Вышина каждаго изъ трехъ четырехугольниковъ $\frac{7}{8}$ в., а основаніе $1\frac{5}{8}$ в., длина же доски $5\frac{3}{8}$, а ширина $4\frac{3}{8}$ в. Эти четырехугольники вдѣланы въ доску, на которой изображены преп. Авраамій и Ксенія Римляныня. Изображенія эти, судя по иконописи и остаткамъ бывшихъ на доскѣ по полямъ лѣпныхъ съ позолотою украшеній, принадлежатъ къ половинѣ XVIII столѣтія, тогда какъ рѣзные образки слѣдуетъ отнести къ XVII вѣку. Икона эта, принадлежавшая прежде Остахамъ Демидовымъ—Коротычинымъ, поступила въ музей въ 1877 году отъ В. П. Успенскаго.

79) Икона, съ рѣзнымъ на деревѣ изображеніемъ семиконечнаго креста, съ копьемъ и тростью и съ Адамовою внизу, въ пещерѣ, головою. На иконѣ имѣются надписи: Црѣ славы іѣ. хѣ. К. Т. Ника М. «Р. Б. Г. А. Длина иконы 5 в. и ширина $2\frac{5}{8}$ в. Изъ г. Вельегонска, отъ О. П. Крылова.

80) Икона осемиконечнаго креста, рѣзная, на деревянной доскѣ; икона величиною $4\frac{3}{4}$ вер., съ выемкою; по сторонамъ креста имѣются изображенія копья и трости, и надписи: СНА БЖІ К. Т. 10 лѣ го го. Приобрѣтена икона въ Торжкѣ.

81) Древнія деревянные Царскія двери, хранившіяся, въ числѣ ветхихъ иконъ, въ упраздненной нынѣ деревянной церкви села Бѣлы-Межи, Вельегонскаго уѣзда (близъ границы Устюжскаго уѣзда Новгородской губерніи). Эти царскія двери замѣчательны какъ по своему малому размѣру, —вышиною онѣ 1 арш. 11 вершк. и шириною $13\frac{3}{4}$ в., —такъ и по изображенію на нихъ, вмѣсто четырехъ Евангелистовъ, двухъ святителей: Іоанна Златоуста и Василія Великаго ¹⁾. Дски царскихъ дверей съ выемкою. Въ верхней части ихъ изображено Благовѣщеніе Пр. Богородицы: на лѣвой створкѣ преставленъ Архангелъ Гавріиль съ жезломъ, а на правой—Богородица. Всѣ фигуры писаны во весь ростъ и стоящими. Святители изображены въ крестчатыхъ ризахъ, съ хартіями въ рукахъ. Письмо древнее новгородское. На хартіи у Іоанна Златоуста написано: Бѣ Бѣѣ нашъ. іѣѣ.

¹⁾ Такія царскія двери имѣютъ сходство съ царскими дверями греческихъ храмовъ, въ которыхъ они устраиваются, не выше аршина полтора или два. Поэтому, когда священнодѣйствующій преподаетъ изъ алтара благословеніе, или возвѣщаетъ миръ въ свѣтъ, тогда вся фигура его видна молящимся въ храмѣ.

нѣннѣ. хлѣбъ. пицѣ. все моу. миръ Гѣ. нашѣ. і Бѣ Ігъ. Ха посла. 1) У Василия Великаго. Блѣгѣи бавѣла чѣ Гѣ і шѣгѣ чѣ ѡповѣщаѣ спѣи люди своѣ и блого. 2) Кромѣ сего, имѣются въ соответствующихъ мѣстахъ слѣдующія надписи, писанныя уставомъ и красною краскою: «Бѣгоіе» «Вѣщаннѣе» «Ангѣлѣ» «Аѣр. дѣ» «Іѣа. зѣлѣгѣ.» «Василей. Кернскы.» Эти надписи были покрыты слоемъ коричневой краски, которая при промывкѣ царскихъ дверей сошла. Судя по письму надписей, эти царскія двери не позднѣе XV вѣка.

82) Царскія двери, подобныя предыдущимъ, вышиною 1 арш. 15 вер. На нихъ изображены Василий Великій и Іоаннъ Златоустъ съ хартіями въ рукахъ, и съ надписями на первой: «Примите ядите се есть тѣло мое и проч.» и на другой—«изрядно о пресвятѣй пречистѣй и т. д.». Вверху изображено Благовѣщеніе Богородицы. Надъ ангеломъ помѣщена надпись: «Архистратигъ Гавріилъ». На оборотѣ царскихъ дверей вырѣзана на деревѣ слѣдующая надпись: «Лѣта зчѣ (1585) Аѣлта вѣ нѣ а сѣи дѣрѣи царскѣи поставѣи шхѣнѣи Перѣшла Илѣи сѣи». Эти царскія двери приобрѣтены покупкою у рѣзчика иконостасовъ, осташковскаго мѣщанина Волкова. Прежде сего онѣ находились въ церкви села Хотошина, Осташковскаго уѣзда.

83) Древнія царскія двери, изъ упраздненной церкви села Покровскаго, Посонскій погостъ тожъ, Вышневолоцкаго уѣзда, что на лѣвомъ берегу р. Цны 3). Царскія двери деревянныя, на нихъ изображены четыре Евангелиста и вверху Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. Онѣ писаны, какъ полагаютъ должно, по тому же подлиннику, по какому писаны древнія царскія двери, обращенныя въ сѣверныя въ Тверской Троицкой церкви, что за Тьмакой, (построенной въ половинѣ XVI столѣтія,) съ нѣкоторымъ лишь отличіемъ. Архангелъ Гавріилъ изображенъ съ посохомъ въ рукѣ, оканчивающимся шестиконечнымъ крестомъ. Сверху надпись: «Архангелъ Гавріилъ». Матерь Божія изображена держащею нить пряжи краснаго цвѣта, съ надписью: «Аѣрѣ фѣ.» Вверху, въ видѣ бѣлаго голубя, Духъ Святый, съ надписью: «Ѣ дѣ». Сверхъ того, на обѣихъ створкахъ имѣется надпись: «Блѣщнѣиѣ Прѣстѣлѣ Бдѣи.» Евангелистъ Іоаннъ изображенъ сидящимъ среди скалъ. У ногъ его ученикъ его Прохоръ пишетъ на сверткѣ: «Иско||нѣ».... Евангелистъ Матѣей держитъ сверткъ, на которомъ

1) Это первыя слова молитвы, читаемой священникомъ по окончаніи проскомидіи, совершаемой предъ литургією Іоанна Златоуста и Василия Великаго.

2) Это первыя слова заамвонной молитвы, читаемой священникомъ по окончаніи литургіи Іоанна Златоустаго и Василия Великаго.

3) Въ 52 верстахъ отъ г. Вышняго-Волочка. Это село въ древнее время называлось Посонскимъ погостомъ Деревской пятины Новгородскаго уѣзда. (Новгородскія пятины, профессора Неволина.)

написано: «Кни||га Ро д с||тва || Ис. Хс.|| ва». Евангелистъ Лука на сверткѣ пишетъ: «ста|| Ис на.» Предъ нимъ на аналоѣ развернутъ сверткоѣ, на которомъ написано: «во в||ремя оно|| приде».... Евангелистъ Маркъ пишетъ: «во вр||е»... У каждаго Евангелиста изображенъ столикъ, съ стоящими на немъ чернилицами—красною и черною. На этихъ же столикахъ стоятъ у Евангелистовъ, кромѣ Іоанна, аналои. На сихъ аналояхъ, что предъ Евангелистами Матѳеемъ и Маркомъ, положены по два бѣлые свертка, связанные по концамъ красными нитями, и сверхъ того, изъ-подъ аналоевъ, что стоятъ предъ Евангелистами Матѳеемъ и Лукою, изображенъ подъ каждымъ опускающійся на столикъ змѣй, служащій какъ бы подставкою аналоя. Надъ Евангелистами имѣются надписи: «евѣангелѣ» и «евѣангелѣ.» Внизу створки царскихъ дверей находится красная узорчатая крашенина шириною 5 вершк., имѣвшая назначеніе закрыть пространство между сими створками и поломъ церкви. Эти доски крашенины прибиты, поверхъ полоски изъ липоваго лыка, желѣзными гвоздями. На декѣ надъ царскими дверями, служащей сѣнію, изображена Тайная Вечера: съ лѣвой стороны Спаситель причащаетъ Апостоловъ изъ чаши тѣла, а на другой—крове, изъ круглаго сосуда съ длиннымъ горлышкомъ. Надъ этимъ изображеніемъ начертаны слова Спасителя, сказанныя ученикамъ во время Вечери, произносимыя при освященіи Святыхъ Даровъ. На престолѣ, на коемъ поставлены чаша, изъ которой Спаситель беретъ хлѣбъ, и стоялъ сосудъ съ виномъ, изображены два четырехконечные креста. Между изображеніями причащенія написанъ семиконечный крестъ, увѣнчанный терновымъ вѣнцомъ, съ копьемъ и тростью, и съ надписью: «И. С. ХС.» «Царь Славы» «Вика»; Я. А. Р. Б. Г. А. Изображеніе креста и надписи на верхней декѣ нѣсколько отличаются отъ прочихъ изображеній, по всему вѣроятію, позднѣйшимъ своимъ происхожденіемъ. Внизу подъ причащеніемъ, по обѣимъ сторонамъ, изображены ангелы, съ рипидами и съ орудіями страстей Христовыхъ. Створки царскихъ дверей укрѣплены на двухъ четырехгранныхъ столбикахъ (столпцахъ, веряхъ), вышиною 2 арш. 1 верш. и толщиною 2¼ вер. Вершина ихъ имѣетъ видъ многогранника. На каждомъ, на одной изъ граней изображено по херувиму и на другой, на одной колонкѣ—Спаситель, благословляющій, съ надписью: «І. Хс.», а на другой—Богородица, съ поднятыми руками. На колонкахъ, на сторонѣ обращенной къ царскимъ дверямъ, изображены съ каждой стороны по три лика діаконовъ и архидиаконовъ: Стефана, Евпла, Филиппа, Авива, Лаврентія и Нафанаила. Діаконы и Архидиаконы въ правой рукѣ держатъ кадило, облечены въ свѣтлые стихари, изъ-подъ которыхъ видны подризники; на лѣвомъ плечѣ, поверхъ ораря, наброшено цвѣтное покрывало, въ

видѣ мантии, правый конецъ котораго спускается ниже правой руки. Изъ-подъ этого покрывала (мантии) замѣтна лѣвая рука, поддерживающая свѣтлый сосудъ, въ видѣ призмы, съ отверстіемъ вверху, по видимому—ладонницу. ¹⁾ Во соотвѣтствіе съ ликами діаконовъ и архидіаконовъ, на другой сторонѣ каждой колонки, изображены по три лика святителей, съ надписью: *ὁ ἅγιος*. На правой колонкѣ изображенъ Василій Кесарійскій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Милостивый; на лѣвой—Іоаннъ Златоустъ, Николай и шестой святитель, — имя нельзя разобрать. Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ представлены въ крестчатыхъ саккосахъ ²⁾; Василій Кесарійскій представленъ въ крестчатой фелони, а прочіе въ одноцвѣтныхъ тоже фелоняхъ. Всѣ они держатъ въ лѣвой рукѣ Евангеліе, а правою благословляютъ.

Деревянная церковь въ селѣ Покровскомъ, въ которой находились описываемыя царскія двери, существуетъ болѣе ста лѣтъ, и за ветхостію оной, построена нынѣ каменная церковь. Въ деревянной церкви, въ передней ея части—въ трапезѣ, въ правомъ углу находился придѣлъ св. Николая Чудотворца, для устройства котораго употреблены образа и вышепомянутыя царскія двери, по видимому, оставшіяся отъ прежней церкви, стоявшей на другомъ мѣстѣ, которое обозначено каменнымъ столбикомъ. Иконопись этихъ царскихъ дверей отличается отъ иконостаса и царскихъ дверей главнаго придѣла деревянной церкви. Всѣ иконы на царскихъ дверяхъ и колонкахъ, а также и Тайная Вечера, писаны въ углубленіи дски. Судя по стилю иконописи и потому, что прежняя деревянная церковь, изъ которой перенесены были царскія двери въ замѣнившую ее деревянную же церковь, нынѣ обветшавшую, существовала не менѣе 150 лѣтъ, можно съ достовѣрностію заключить, что этимъ царскимъ дверямъ болѣе 300 лѣтъ и что онѣ писаны не позже XVI столѣтія. По всему вѣроятію, иконопись на колонкахъ должна быть гораздо древнѣе, какъ отличающаяся характеромъ большой древности.

84) Столбцы, или веревы, изъ церкви села Бѣлы-Межи, Весегонскаго уѣзда; на нихъ были укрѣплены царскія двери. Столбики вышиною 1 арш. 15 в. (въ томъ числѣ на 2 вершка были врѣзаны въ церковный полъ) и толщиною $2\frac{3}{8}$ в. Эти столбики совершенно похожи на такіе же, принадлежащіе къ царскимъ дверямъ, поступив-

¹⁾ На пятой таблицѣ рисунковъ, приложенныхъ къ сочиненію Кондакова: «Исторія Византійскаго искусства и иконографія, по миниатюрамъ греческихъ рукописей», изображенъ пророкъ Захарія, съ кадиломъ безъ крышки, въ правой рукѣ также, какъ у четырехъ ликовъ на колонкахъ, на немъ надѣта мантия, а въ лѣвой онъ держитъ круглую ладанницу. По всему вѣроятію, есть родственная связь въ этихъ изображеніяхъ.

²⁾ Крестчатая риза на Іоаннѣ Златоустѣ имѣютъ большое сходство съ такими же ризами святителя Григорія на Византійскихъ фрескахъ собора св. Марка въ Венеціи.

шимъ изъ села Покровскаго, съ тою лишь разницею, что на нихъ иконопись лучше сохранилась и что вмѣсто діакона Нафанаила изображенъ Прохоръ, а изъ святителей помѣщены Григорій, Николай, Аванасій, Василій, Іоаннъ и Кириллъ. Святитель Кириллъ изображенъ въ шапкѣ (митрѣ).

85) Надгробная доска, съ изображеніемъ благовѣрныхъ: Ржевскаго князя Владиміра и княгини Агриппины (см. приложенный рисунокъ 1), мѣстно чтимыхъ въ г. Ржевѣ. Эта доска ¹⁾ до 1746 года находилась въ тамошнемъ соборѣ надъ гробами князя Владиміра и княгини Агриппины. Она сооружена въ 1717 году усердіемъ Ржевскаго воеводы Обернибесова. Въ 1745 году, послѣ розыска, учиненнаго по распоряженію духовнаго начальства архимандритомъ Желтикова монастыря Варлаамомъ съ прочимъ духовенствомъ, при чемъ были открываемы княжескіе гробы и найдены въ гробахъ истлѣвшія кости, надгробная доска съ изображеніями князя Владиміра и княгини Агриппины взята была въ Тверь, гдѣ хранилась въ небольшой кладовой подъ колокольной. Отсюда, съ разрѣшенія его высокопреосвященства архіепископа Филовея (нынѣ митрополита Кіевскаго), перенесена въ музей. Объ означенномъ освидѣтельствованіи могилъ составленъ актъ,—списокъ съ котораго прилагается ниже. Не опредѣлено съ точностію, кто былъ этотъ Владиміръ; княгиня же Агриппина была женою Можайскаго князя Андрея, сына великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго и тещею великаго князя Тверскаго Бориса Александровича ²⁾.

Означеннымъ князю Владиміру и княгинѣ Агриппинѣ, которымъ праздновали 15 іюля, были составлены канонъ и церковная служба,

¹⁾ Величина доски въ длину 3 аршина 10¹/₂ вершковъ, въ ширину 1 аршинъ и 10 вершковъ.

²⁾ Мальгинъ, въ своей книгѣ «Зерцало Россійскихъ Государей», пишетъ о ней, какъ о 2-й снохѣ в. к. Дмитрія Іоанновича: «Агриппина Александровна, кн. Литовская или Стародубская, дщерь Александра Патрикеевича, сочеталась 1403 г. октября 8; скончалась и погребена во Ржевѣ-Владиміровѣ, въ соборной церкви, почитается во святыхъ». За Мальгинымъ утверждаетъ это самое и Хмыровъ въ своемъ Алфавитномъ справочномъ перечнѣ Русскихъ удѣльныхъ князей. Но на чемъ основаны эти свѣдѣнія—не видно. Осмѣливаюсь думать, что княгиня Агриппина, похороненная рядомъ съ княземъ Владиміромъ, вмѣстѣ съ нимъ прежде мѣстнопочитаемая какъ святая и вмѣстѣ съ нимъ изображаемая на иконахъ и даже на общей ихъ надгробной доскѣ, была его современницей и, по всему вѣроятію, была близкою его родственницею, или его женою. Что же касается до княгини Можайской Аграфены, то она могла быть похоронена или въ Кремлѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ, или въ своемъ стольномъ городѣ Можайскѣ, или же, въ крайнемъ случаѣ, вмѣстѣ съ своею дочерью въ Тверскомъ соборѣ, но ужъ никакъ не во Ржевѣ, который не былъ исконнымъ Тверскимъ городомъ и принадлежалъ кн. Борису недолго.

Во всѣхъ почти описаніяхъ г. Ржева упоминается, что въ 1225 году Ржевъ былъ во владѣніи князя Владиміра-Дмитрія Всеволодовича, которому достался, вмѣстѣ съ Москвою, по распоряженію брата его, великаго князя Константина Всеволодовича. Отъ имени этого князя, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, городъ получилъ названіе Ржевъ—Володиміровъ. Но

положенная на ноты. Помянутый канонъ отысканъ Ржевскимъ купцомъ А. С. Мыльниковымъ, которымъ и пожертвованъ въ Тверской музей списокъ съ онаго; а списокъ съ церковной службы найденъ, Ржевскимъ городскимъ головою Е. В. Берсеновымъ, въ тамошнемъ соборѣ, въ сборникѣ разныхъ службъ, писанныхъ полууставомъ и положенныхъ на ноты. Этотъ сборникъ, по мнѣнію Е. В. Берсенева, слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Съ этого сборника списана служба Князю Владиміру и Княгинѣ Агриппинѣ, съ соблюденіемъ почерка и нотъ. Означенный канонъ, какъ оказывается, составленъ по образцу канона св. Князьямъ Петру и Февроніи, Муромскимъ чудотворцамъ.

Актъ освидѣтельствованія могилъ Владиміра и Агриппины Ржевскихъ. «1745 года сентября 9 дня, по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода члена, великаго господина преосвященнѣйшаго Митрофана архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, епархіальный его преосвященства Консистоіи членъ, Желтикова монастыря архимандритъ Варлаамъ, да игумены: Селижарова монастыря Никонъ, Иванецкаго монастыря Иона, пріѣхали въ городъ Ржевъ, и того города Ржева при воеводѣ Иванѣ Никифоровѣ сынѣ Вашоковѣ и при штабъ- и оберъ-офицерахъ, съ дворяны, при бургомистрѣ Иванѣ Климовѣ сынѣ Орловѣ съ товарищами, при прочихъ какъ духовнаго, такъ и мірскаго чина нижеподписавшихся свидѣтеляхъ, о мощахъ князя Владиміра и княгини Агриппины взысканіе имѣли и свидѣтельствовали».

«А по взысканію и свидѣтельству во ономъ городѣ Ржевѣ-Володиміровѣ и соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы явилась на правой сторонѣ отъ дверей съ приходу подъ церковнымъ поломъ отъ земли выведена гробница на четырехъ столбахъ простыхъ, аршина въ три, и обита тесомъ до полу, а сверхъ пола сдѣлана гробница жъ другая, и надъ нею сѣнь рѣзная вызолочена; а сверхъ той гробницы большая положена цѣла, на которой написаны образъ князя Владиміра

князь Владиміръ-Дмитрій Всеволодовичъ скончался схимникомъ въ г. Владиміръ на Клязьмѣ, 6 января 1224 г., гдѣ и погребено тѣло его въ Успенскомъ соборѣ. Почему слѣдуетъ заключить, что въ Ржевскомъ Успенскомъ соборѣ погребенъ былъ другой князь Владиміръ, котораго ликъ изображенъ на надгробной доскѣ. Съ достовѣрностію можно предположить, что этотъ князь есть никто иной, какъ сынъ Мстислава Храбраго, князя Торопецкаго, извѣстный превратностями своей судьбы. Предположеніе это основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: во первыхъ, мы знаемъ, что Ржевъ еще въ 1216 году составлялъ часть Торопецкой волости, принадлежа Торопецкому князю Мстиславу Мстиславичу Удалому, сыну Мстислава Храбраго; а во вторыхъ, что у этого Мстислава были меньшіе братья Давидъ и Владиміръ, Первый впоследствии наследовалъ Мстиславу въ Торопцѣ, а третьему негдѣ было княжить, кромѣ Ржева, втораго города Торопецкой волости. Лѣтописи бесспорно называютъ этого Владиміра княземъ Псковскимъ, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что онъ, князь, по волѣ Новгородцевъ, въ ихъ пригородѣ Псковѣ, не имѣлъ при этомъ никакой части въ своей наследственной волости.

и княгини Агриппины. На ономъ образѣ подписано такъ: «въ сей соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы образъ благовѣрнаго Князя Владиміра и благовѣрной Княгини Агриппины устроенъ радѣніемъ стольника князя Сергія Ѳедоровича Абирнибесова ¹⁾; а въ то время въ семь городѣ былъ онъ воеводою, отъ своего подаанія и собраніемъ егожъ и иныхъ богомольцевъ». А на гробницѣ надписано такъ: «въ 1716 году, будучи во Ржевѣ Володиміровѣ лантратомъ, Лука Ивановъ сынъ Челищевъ въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы построилъ сей иконостасъ благовѣрному князю Владиміру и благовѣрной княгинѣ Агриппинѣ, по обѣщанію своему, на память себѣ и жены своей и дѣтемъ;» вверху тоя сени надъ помянутою цкою образъ написанъ Отечество, а сверхъ того образа въ верху деревянный малый крестъ вызолоченный; и по разобраніи реченной сени и гробницы и церковнаго пола, того жъ сентября 9 числа, начали землю рыть, и вырыто въ глубину въ полтора аршина, и сыскали однѣ человѣческія лбы и кости гнилыя иструпухленныя безъ гроба; потомъ еще глыбже копать начали и сыскали еще три человѣческія главы и съ костями, внизъ лицомъ обращены, гнилыя иструпухленныя же въ прахъ, въ среди небольшая глава и кости, а подлѣ главы и костей по обѣ стороны купно же младенческія лбы и кости, а гробовъ же никакихъ не явилось, а того жъ сентября 10 и 11 чиселъ еще копано, выкопано въ глубину сажени съ двѣ, а въ длину и ширину по три сажени, а по выкопанію изыскано фундаментъ каменный, надъ онымъ фундаментомъ срубъ деревянный дубовый, срубленный шестьюрикомъ, и въ ономъ срубѣ явилось двѣ цги: одна каменная, а другая деревянная дубовая, длина по три аршина; исподъ нихъ еще вырыто земля на четверть аршина, явились настояще благовѣрнаго князя Владиміра и княгини Агриппины два гроба дубовыя выдолбленныя и обиты кругомъ сколою березовою, а по вскрытіи оныхъ гробовъ явилась въ первомъ гробѣ глава и кости гнилыя человѣческія, истлѣнные иструпухленныя, а въ другомъ полный воды, а также глава и кости человѣческія, и всѣ въ водѣ, гнилыя черныя иструпухленныя; и оныя гробы длиною два аршина тринадцать вершковъ и болѣе, въ тѣхъ гробахъ ничего ни явилось; и о вышечисанныхъ мощахъ князя Владиміра и княгини Агриппины свидѣтельствовали; на подлинномъ подписано такъ: Желтикова монастыря архимандритъ Варлаамъ».

Въ Ржевскомъ уѣздномъ казначействѣ хранится икона Спасителя XVI столѣтія (см. приложенный рисунокъ 2). Преданіе утверждаетъ, что эта икона, до нашествія Литвы, была надвратною иконою при Спасо-Преображенской церкви; отсюда была взята въ Воеводскую

¹⁾ Обернибесовъ былъ воеводою въ Ржевѣ въ 1698 году.

канцелярію, а послѣ упраздненія оной поступила въ казначейство. На этой иконѣ написаны по обѣимъ сторонамъ Спасителя святые, и въ самомъ низу изображены припадающими къ ногамъ Спасителя св. Благовѣрный князь Владиміръ и св. Благовѣрная Княгиня Агрипена.

86) Икона Князя Владиміра и Княгини Агрипены, погребенныхъ въ Ржевскомъ соборѣ, о которыхъ, какъ выше упомянуто, былъ дѣланъ розыскъ. На иконѣ изображенъ князь Владиміръ и княгиня Агрипена въ моленіи облачному Спасу, съ сіяніемъ около ихъ головъ и съ надписями: «благовѣрный князь Владиміръ Ржевскій», «благовѣрная княгиня Агрипена». Князь Владиміръ представленъ съ открытою головою, въ красной фериазі; на княгинѣ Агрипенѣ надѣтъ краснаго же цвѣта плащъ; нижняя у нихъ одежда зеленаго цвѣта и какъ та, такъ и другая раздѣланы золотомъ. Голова княгини Агрипены покрыта бѣлымъ платомъ, обернутымъ около шеи. Поля на иконѣ золотыя; внизу представлены цвѣты и деревья. Икона длиною 7, а шириною 6 вершковъ, съ выемкою; края обложены мѣдною басмою, которая пришла въ ветхость; вѣнцы утрачены. Икона приобрѣтена въ Ржевѣ и пожертвована М. А. Крыжовымъ ¹⁾.

87) Деревянная створца, диптихъ ²⁾ складной, или путевой образъ представляющій видъ кіота съ двумя дверцами (лѣвая створка утрачена); вышиною 12½ вер. и шириною 9 вер. Въ средину складни вставленъ образъ Св. Троицы, изображенной въ видѣ трехъ ангеловъ, сидящихъ подъ Мамврійскимъ дубомъ, за столомъ. Передъ ангелами стоятъ чаши съ яствами. Надъ этимъ образомъ устроена сѣнь, на которой изображены Господь Саваоѣ и Иисусъ Христосъ, съ надписью: «Седяй во свѣтѣ... отца на престолѣ величества... славы твоея...», и съ боковъ—по херувиму. На правой створкѣ изображены три праздника. Вверху Благовѣщеніе: Пресвятая Дѣва держитъ веретено съ красною нитью. По срединѣ написано Воскресеніе Господне: Спаситель изводитъ изъ ада праотцевъ; тутъ виднѣется, по всему вѣроятію,

¹⁾ Иконы князя Владиміра и княгини Агрипены находятся въ г. Ржевѣ въ часовняхъ, при церквахъ Преображенской и Рождественской. Рисунокъ второй иконы приложенъ. (См. рисунокъ 3).

²⁾ Диптихъ—складни. Происхожденіе складней, а также иконъ съ выемкою, объясняется обычаемъ древнихъ для записной книжки, а также для писемъ, употреблять двѣ равныя досочки, прилегающія одна къ другой, съ небольшимъ углубленіемъ (выемкою), съ внутренней стороны покрытыя цвѣтнымъ воскомъ, по которому писали заостренною палочкою. Впоследствии, на этихъ досочкахъ—складняхъ римскіе консулы приняли обыкновеніе изображать свои портреты и сцены увеселеній, данныхъ народу при ихъ вступленіи въ должность, и въ такомъ видѣ складень давался на память лицамъ, особенно содѣйствовавшимъ къ избранію консула. По принятіи же римлянами христіанской вѣры, консулы стали посылать епископамъ складни, съ изображеніемъ предметовъ изъ священнаго писанія.

праматерь Евва. У одного из праотцевъ въ рукахъ свитокъ, съ надписью: «Се агнецъ Божій вземляй грѣ». Внизу написано Богоявленіе Господне: Спаситель изображенъ съ рукою двуперстно сложенною; вверху Духъ Святый въ видѣ голубя; Іоаннъ Предтеча, съ возвышенія, согнувшись, простираетъ руку къ головѣ Спасителя; справа, на другомъ берегу, представлены три ангела съ одеждами. Всѣ иконы съ выемкою; поля ихъ; или подобіе рамокъ, и воздухъ обложены вызолоченною серебряною басмою. На иконѣ Св. Троицы вѣнцы и цаты рѣзные, серебряные вызолоченные; такіе же вѣнцы на прочихъ иконахъ. Складень снаружи обложенъ кожей. Пожертвованъ М. М. Савинымъ-Воронскимъ (изъ г. Осташкова).

88) Деревянные створцы отъ складня. Средняя часть его, къ сожалѣнію, утрачена. Самыя створцы отъ времени повреждены. Тѣмъ не менѣе, онѣ весьма замѣчательны, какъ по художественному своему миниатюрному письму, такъ и по сложной композиціи иконъ, выразившихъ въ изящной формѣ завѣтныя идеи и представленія вѣрующихъ. Створцы съ выемкою; онѣ вышиною $11\frac{1}{2}$ вер., шириною каждая $3\frac{1}{2}$ вер. На нихъ написаны по золоту пять иконъ: Воскресеніе Христово, Софія Божія Премудрость—на правой створкѣ, Успеніе и Похвала Богородицы—на лѣвой и въ верхнихъ остроконечныхъ частяхъ обѣихъ створокъ—Благовѣщеніе, съ изображеніемъ, на одной Архангела Гавріила съ жезломъ, а на другой—Пресвятой Дѣвы, внемлящей, стоя, благой вѣсти. Икона «Воскресеніе Христово» состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій. На главномъ планѣ, въ особомъ овальномъ клеймѣ, усѣянномъ блѣдными звѣздами, воскресшій Спаситель, со свиткомъ въ поднятой кверху лѣвой рукѣ, правую—изводитъ изъ ада праотца Адама. Пониже—праматерь Евва, припадающая къ ногамъ Спасителя. Его окружаютъ праотцы и пророки, уже изведенные изъ ада. Слѣва между Спасителемъ и Іоанномъ Предтечею виднѣется ликъ праведника въ первосвященнической шапкѣ и возлѣ него хартія съ словами «Воскресеніе твое». Направо четыре праведника: двое по срединѣ въ царскихъ вѣнцахъ и такихъ же одеждахъ—прор. Давидъ и Соломонъ; пониже еще три праведника. У ногъ Спасителя изображены ангелы, разрушенныя врата ада, клещи, скоба, гвозди и ключъ. Пониже, ангелы разрываютъ золотыя цѣпи, и тутъ же диаволь, поражаемый архангеломъ длиннымъ двузубымъ копьемъ. Налѣво изображены стѣны рая. Подъ ними, внизу, виднѣется внутренность ада; Спаситель, въ овальномъ клеймѣ, усѣянномъ звѣздами; передъ нимъ ангелы съ красными жезлами, съ крестами на верху, выводятъ праотцевъ въ раскрытыя двери, за которыми виднѣются праведники, уже изведенные изъ ада. У ногъ Спасителя три гроба, рядомъ стоящіе, въ нихъ почиваютъ тѣла въ остроконечныхъ куголяхъ на гла-

вахъ. Въ верхнемъ планѣ представленъ рай, украшенный цвѣтами и деревьями. Въ раю изображенъ Спаситель съ краснымъ осьмиугольнымъ крестомъ въ рукѣ; къ нему на встрѣчу идутъ освобожденные имъ изъ ада Іоаннъ Предтеча, Царь Давидъ и другіе праведники, взошедшіе въ двери рая, охраняемые херувимомъ. Позади Спасителя изображены праведники Ілія и Энохъ и передъ ними благоразумный разбойникъ Рахъ съ краснымъ крестомъ. Икона Софіи-Премудрости Божіей писана по древнему Новгородскому образцу, съ надписью: «Сѣла Софіѣ прѣмѣростъ Божіа». Св. Софія изображена въ видѣ сидящаго на престолѣ въ большой лучезарной звѣздѣ ангела, съ огненнымъ лицомъ и крыльми, облеченнаго въ царскія ризы и въ вѣнцѣ. По сторонамъ этого ангела предстоятъ: слѣва—Божія Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на лонѣ, стоящимъ въ лучезарной звѣздѣ, и справа—Іоаннъ Предтеча. Вверху, надъ главною символическою, сидящею фигурою, изображенъ въ кругу поясной ликъ Спасителя съ распростертыми руками. Выше Спасителя, вверху по срединѣ, стоитъ престолъ съ книгою, а по сторонамъ престола по два ангела. На иконѣ Успенія Богородицы изображены: Божія Матерь, почіющая на одрѣ; у изголовья и у ногъ Ея предстоятъ Апостолы и Первосвятители Христовой церкви и приподымаютъ одрѣ. Имъ помогаютъ ангелы. У одра, въ особой нишѣ, съ крылатымъ огненнымъ херувимомъ въверху, изображенъ, въ большомъ сіяніи, Спаситель, окруженный серафимами, съ простертою рукою надъ главою святопочившей Богоматери. На другомъ планѣ, отдѣленномъ отъ главнаго палатами, виднѣются двѣнадцать апостоловъ (поясные лики), несомые ангелами въ Іерусалимъ, къ одру Божіа Матери. Изъ надписей можно прочесть имена: Іоаннъ, Одрѣй. По срединѣ этихъ ликовъ изображена Божія Матерь, съ приподнятыми руками, сидящая на престолѣ, въ особомъ кругу, и возносимая къ небу ангелами. У одного ангела крылья красныя, у другаго—голубыя. Въ верхнемъ планѣ, въ полукругѣ, изображенъ небесный рай, котораго двери отворены ангелами, встрѣчающими Богоматерь. Подъ этою иконою помѣщена икона «Похвала Пресвятыя Богородицы». Божія Матерь изображена съ вѣнцомъ на главѣ, сидящая на престолѣ, въ кругу, украшенномъ цвѣтами; надъ нею поясное изображеніе Спасителя—Еммануила, въ такомъ же кругу. Божію Матерь окружаютъ пророки и праотцы: вверху по правую сторону пр. Захарія съ хартією и противъ него изображенъ серпъ; по лѣвую пророкъ Аввакумъ, держащій въ рукахъ ковчежець, покрытый пеленою. Пониже ихъ пророки и праотцы предстоятъ съ хартіями¹⁾. Створцы снаружи обложены кожею, съ мѣдными узорчатыми

¹⁾ По правую сторону Іаковъ съ лѣстницею; пониже Ілія, затѣмъ Моисей, Давидъ и др.

наугольниками и такими же запорами. Эти створцы присланы изъ г. Осташкова М. М. Савинымъ-Воронскимъ.

89) Деревянный складень, состоящій изъ трехъ створокъ, вышиною $3\frac{5}{8}$ вер., шириною средняя створка $2\frac{1}{2}$ вершка. Въ средней створкѣ икона утрачена: вмѣсто ея вставлена икона Божіей Матери «Взысканіе погибшихъ». Надъ этой иконой на средней створкѣ вверху, въ углубленіи, какъ бы подъ сѣнью, написанъ Деисусъ: Спаситель и по сторонамъ Божія Матерь и Іоаннъ Предтеча. На боковыхъ створкахъ написаны иконы съ выемкою: на правой апостолы Петръ и Павелъ, а подъ ними апостолъ Матѳей и святитель Леонтій Ростовскій, а на лѣвой—святители Василиій Великій и Іоаннъ Златоустъ и подъ ними Григорій Богословъ. Складень приобрѣтенъ въ Торжкѣ и пожертвованъ А. А. Жемчужниковымъ.

90) Деревянный трехстворчатый складень. На немъ изображены: на средней створкѣ—поясной ликъ Спасителя отрока, въ кругѣ, поддерживаемомъ съ боковъ четырьмя стоящими ангелами и снизу херувимомъ. Вверху изображена Божія Матерь, безъ Предвѣчнаго Младенца. На боковыхъ створкахъ написаны: на одной—Знаменіе Пресвятыя Богородицы и на другой—двѣ святыя жены, во весь ростъ. Складень длиною $1\frac{1}{2}$ вершка и шириною $1\frac{3}{8}$ вершка; бока и углы обложены мѣдью; пожертвованъ священникомъ А. Н. Вишняковымъ.

91) Деревянные складни, трехстворчатые, оправленные мѣдью. По серединѣ изображена Св. Троица, въ видѣ трехъ ангеловъ; на правой створкѣ, во весь ростъ, изображены: м. Екатерина, св. Вавила, пр. Іоаннъ и св. Іоаннъ и св. Іоаннъ Богословъ; на лѣвой—св. Ілія, пр. Димитрій, пр. Марѳа и пр. Устинія. Вѣнцы съ цатами, поля и воздухъ серебряные. Складни величиною $1\frac{5}{8}$ вершка. Ихъ можно отнести къ XVI столѣтію. Приобрѣтены въ г. Ржевѣ.

92) Трехстворчатый мѣдный складень, съ вставными въ него иконами, писанными на дубовыхъ досчечкахъ. На средней изображены: Іисусъ Христосъ на престолѣ; надъ нимъ въ облакахъ Господь Саваоѳъ и по угламъ—четыре евангелиста. На боковыхъ створкахъ изображены, въ 18-ти овальныхъ клеймахъ, откровенія св. Іоанна Богослова. Иконопись миниатюрная, замѣчательно искусной работы. На оборотѣ складни, на одной сторонѣ, изображенъ осмиконечный крестъ съ копьемъ, тростью, адамовою головою и съ надписью: »Црь

По лѣвую—изображенъ Исаія, Давидъ, Соломонъ и другіе. На хартіяхъ написаны пророчества: Азъ видѣхъ серпъ и т. д.; Азъ видѣхъ лѣстницу...; ревнуя, поревновахъ...; жезлъ аароновъ...; азъ видѣхъ огненную кушину...; радуйся души...; се дѣва во чревѣ принесеть, азъ видѣхъ гору отъ нея...; азъ видѣхъ врата затворенны...; премудрость созда... Другія надписи трудно разобрать.

«Славы» «И Хг» «Ника» «М. Л. Р. Б. Г. Г. Г. А.»; а на другой вырѣзана надпись: «Сіе моленіе Евсевья Яковлева сына Чамова». Вышина складня $2\frac{7}{8}$ вершка, ширива $2\frac{1}{2}$ вер. Складень пожертвованъ протоіереемъ В. Θ. Владиславлевымъ.

93) Мѣдный складень, съ изображеніемъ св. Дмитрія Селунскаго и на створкахъ: на лѣвой—святыхъ Варсонофія и Гурія, Казанскихъ Чудотворцевъ, а на правой—Іоанна Предтечи (Предотеча ¹⁾) и свят. Николая. Вверху надъ складнемъ изображена Святая Троица, въ видѣ трехъ Ангеловъ, и по бокамъ херувимы. Святый Дмитрій изображенъ на конѣ, поражающимъ всадника копьемъ. Налѣво въ углу передъ св. Димитріемъ изъ облака протянута правая рука. Поражаемый св. Димитріемъ (ангеломъ в. князя Дмитрія Іоанновича Донскаго)—всадникъ на лошади, съ бородою, въ латахъ и съ покрытою головою, есть никто иной, какъ Мамай, сильный и грозный князь Ордынскій.

94) Серебряный трехстворчатый складень, съ изображеніемъ Деисуса: Спасителя, Божія Матери и Іоанна Предтечи. Лики погрудные; написаны на серебрѣ; поля золотыя. На оборотѣ вырѣзаны: осмиконечный крестъ, съ копьемъ и тростью и съ надписью: «Црѣ славы и Хг. К. Т. Ника М. Л. Р. Б. Г. Г. А. Г.» На другихъ створкахъ вырѣзаны надписи: на одной «Сіе моленіе раба Божія Іоакима Иванова Матарова». На другой «Въ лѣто 4350-го Іюля дня» Складень квадратный, величиною $\frac{7}{8}$ вер., пожертвованъ А. Е. Нечаевымъ.

95) Три трехстворчатые деревянные складня: 1-й четырехугольный, въ мѣдной оправѣ и съ изображеніемъ на одной створкѣ—Успенія Пресвятой Богородицы, на второй, средней—св. Николая, великомученика Дмитрія, Архангела Гавріила и Архангела Михаила и на третьей—Трехъ Святителей. Складень величиною $1\frac{3}{8}$ вершка.

96) Второй складень, съ остроконечною сѣнью, съ дверцами затворяющимися. На немъ изображены: по срединѣ икона Казанской Божіей Матери, на створкахъ—Іоаннъ Богословъ и Андрей Стратилать и вверху, на трехъ створкахъ, Деисусъ. Складень величиною $2\frac{3}{4}$ вер. Иконы въ серебряныхъ вызолоченныхъ оградахъ. Складень оправленъ мѣдью.

97) Третій складень, съ остроконечною вверху сѣнью надъ каждою створкою. На немъ изображены: на первой створкѣ—св. муч. Антипъ и Іоаннъ воинъ; на второй—Апостолы Петръ и Павелъ, два ангела и Деисусъ; на третьей—св. Николай, Царь Константинъ,

¹⁾ Такая надпись на иконѣ.

пр. Сергій и св. Андрей Юродивый. Вверху створокъ—Господь Саваоѣ, Св. Троица и Знаменіе Богородицы. Иконы и весь складень въ серебряномъ окладѣ. Складень вышиною $2\frac{1}{8}$ вершка.

Складни пожертвованы игуменію Кашиинскаго Срѣтенскаго монастыря Иннокентію.

98—168) Собраніе крестовъ—тѣльниковъ и образковъ, пожертвованное Ржевскимъ городскимъ головою Е. В. Берсеневымъ. Оно состоитъ изъ 11 образковъ, 6 складней-крестовъ и 53 крестовъ. Это собраніе осматривали Г. Д. Филимоновъ и Н. И. Подклюшниковъ, извѣстный реставраторъ картинъ, обладающій большою коллекціею крестовъ, собранныхъ имъ въ теченіи 30 лѣтъ. Они отнесли многіе кресты къ XII, XIII, XIV и послѣдующимъ столѣтіямъ, а нѣкоторые къ XI, X и даже къ IX столѣтіямъ. Нѣкоторые кресты они считаютъ весьма рѣдкими, а иные доселѣ совсѣмъ неизвѣстными.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКІЕ КУХОННЫЕ ОСТАТКИ

ВЪ С. КОСТЕНКАХЪ ВОРОНЕЖСКАГО УЪЗДА.

А. И. КЕЛЬСИЕВА.

I.

Посѣщеніе села Костёнокъ въ XVIII в. академикомъ Гмелиномъ. Изысканія И. С. Полякова и его отчетъ. Топографія селенія. Раскопки и открытія г. Полякова. Содержаніе кухонныхъ остатковъ: кости и орудія.

Въ число порученій, данныхъ мнѣ Управленіемъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музеума на августъ мѣсяць 1881 года, включено было изслѣдованіе кухонныхъ остатковъ палеолитической эпохи въ Воронежскомъ уѣздѣ въ с. Костёнкахъ и составленіе изъ нихъ коллекціи для музеума.

Село Костёнки находится въ 30 верстахъ отъ г. Воронежа, къ югу, на правомъ, нагорномъ берегу Дона. Ученыя развѣдки здѣсь дѣлались еще задолго прежде. Въ прошломъ вѣкѣ два раза, въ 1769 и 1770 гг., Костёнки, тогда еще именовавшіяся г. Кастинскомъ, посѣтилъ академикъ Гмелинъ и въ оба пріѣзда, разслѣдуя почву, дѣлалъ большія раскопки, къ сожалѣнію, безъ точнаго указанія—въ какихъ именно пунктахъ селенія. Въ первый разъ, въ песчаномъ берегу Дона, на глубинѣ 3 локтей и на протяженіи почти 40 саж., оказались въ большомъ количествѣ беспорядочно разсыяныя полуистлѣвшія ма-

монтовые кости,—Гмелинъ, по понятіямъ того времени, назвалъ ихъ слоновыми. Ни о иныхъ костяхъ, ни о прочихъ какихъ либо находкахъ онъ не упоминаетъ. Его раскопки на слѣдующій годъ, при второмъ пріѣздѣ, не имѣли успѣха, а мѣсто прежняго изслѣдованія, по случаю половодья, было залито водою. Изъ сего слѣдуетъ, что Гмелинъ копалъ въ первый разъ на поемномъ мѣстѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1879 года, по порученію той же Академіи Наукъ, с. Костѣнки обстоятельно осмотрѣлъ русскій ученый путешественникъ И. С. Поляковъ, и свой отчетъ напечаталъ въ т. XXXVII, кн. I, Записокъ Академіи, подъ заглавіемъ: Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію. Этотъ отчетъ останется необходимымъ руководителемъ для будущихъ пріѣзжихъ археологовъ; въ полной мѣрѣ трудамъ г. Полякова и моя поѣздка обязана успѣхомъ. Г. Поляковъ пробылъ въ Костѣнкахъ съ 12 по 21 іюня. Четыре дня онъ изучалъ топографію мѣстности и остальные пять дней употребилъ на развѣдки открытыхъ имъ кухонныхъ остатковъ.

Въ Воронежскомъ уѣздѣ и далеко южнѣе внизъ по теченію Дона, по правой сторонѣ, простирается обширное плоскогорье, образованное толщами мѣловыхъ отложеній и представляющее вблизи берега крутые обрывы, высоту до 40 и болѣе саженъ. Ручьи, текущіе къ Дону, съ древнѣйшихъ временъ избородили обрывъ множествомъ параллельныхъ глубокихъ овраговъ, превратившихся въ долины, длиною до 2 и 3 верстъ; промежутки между устьями долинъ не превышаютъ $1\frac{1}{2}$ —2 верстъ. Таковая формація мѣла покрыта сверху слоемъ свѣтлой, бурожелтой глины, съ мелкими валунами діорита, гранита и шокшинскаго кварцита,—по опредѣленію г. Полякова, продуктами отложеній ледниковаго періода. Слой этотъ къ вершинамъ гребней плоскогорья утончается и на крутыхъ склонахъ совсѣмъ смытъ дождями, обнажившими лишенные произрастенія бѣлые мѣловые утесы, которые сами, силою атмосферныхъ вліяній, исподволь разрушаются и ссыпаютъ внизъ щебень и мелкую гальку. Смытая глина еще въ доисторическія времена естественно стекла въ овраги, и со стороны Дона, у подножія мѣловыхъ скалъ, образовала какъ бы промежуточную террасу, незатопляемую половодьями, служившую поприщемъ дѣятельности для людей палеолитической эпохи. О толщинѣ глинянаго пласта у береговъ ручьевъ и Дона ни г. Поляковъ ни я не могли составить опредѣленнаго мнѣнія, ибо для сего потребны были бы спеціальныя геологическія развѣдки. Крестьяне с. Костѣнокъ сообщали мнѣ, что при копаніи колодезь углубляются на 5 и болѣе саженъ, дорываясь до слоя или прослойки текучаго песку. На описанной глинѣ, со времени палеолитической эпохи, образовался нынѣ пластъ

жирнаго чернозема, достигающій въ долинахъ толщины двухъ аршинъ. При археологическихъ работахъ въ Костенкахъ и приходится раскапывать черноземъ, чтобы достигать остатковъ древней культуры, лежащихъ на поверхности глинянаго пласта.

Село Костенки имѣетъ до 300 дворовъ и считаетъ въ себѣ около 1500 душъ. Оно размѣстилось по склонамъ у подножія мѣловыхъ утесовъ и въ долинахъ трехъ ручьевъ, изъ коихъ сѣверный называется Покровскимъ, средній Аносовымъ и южный Александровскимъ. Берега ручьевъ Аносова и Александровскаго не обследованы и даже не осмотрѣны ученымъ образомъ до сихъ поръ. Слѣдующій логъ за Покровскимъ къ сѣверу, въ селеніи, называется Чекалинъ. Въ немъ, на его протяженіи и близъ устья, г. Поляковъ впервые замѣтилъ остатки костей мамонта, но безъ всякихъ слѣдовъ человѣческаго присутствія, и не въ первоначальномъ своемъ положеніи, а перенесенныя, раздробленныя и замытыя новыми наносами отъ весеннихъ половодій горнаго ручья. Въ устьѣ того же Чекалина лога, съ правой стороны, на такъ наз. Глиницѣ, г. Поляковъ (см. его Поѣздка, стр. 37) обнаружилъ прирѣчные кухонные остатки, т. е. массу раковинъ съ углями и черепками горшковъ неолитической эпохи. Вѣроятно, по недостаточно ясному обозначенію пункта, мнѣ, при всѣхъ моихъ старательныхъ поискахъ, не удалось найти этихъ интересныхъ остатковъ.

Самыя важныя открытія сдѣланы пока близъ устья оврага Покровскаго, на лѣвомъ его берегу. Оврагъ заселенъ издавна и крестьяне, при рытвѣхъ погребовъ и колодцевъ, часто попадаютъ на слой мамонтовыхъ костей. На основаніи такихъ показаній, г. Поляковъ и сдѣлалъ раскопки во дворахъ крестьянъ Григорія Шаева и Артема Фокина (на взаимномъ разстояніи почти полуверсты), рядомъ съ ихъ погребами. Въ обоихъ случаяхъ, пройдя черноземный слой въ 2 арш., онъ обнаружилъ на поверхности глины безпорядочно лежащіе остатки мамонта: на дворѣ Шаева исключительно трубчатые кости и кости ногъ, съ нѣсколькими кремневыми обломками, на дворѣ Фокина—мелкіе осколки коренныхъ зубовъ, кусочки перегорѣлыхъ костей и также кремневые осколки. Уже оба эти пункта являли несомнѣнныя доказательства совмѣстнаго существованія человѣка и мамонта. Находки въ третьемъ пунктѣ, на дворѣ дьякона Мануилова, превзошли ожиданія изслѣдователя и сразу подняли археологическое значеніе с. Костенокъ.

Сосѣдъ крестьянина Артема Фокина, дьяконъ (тогда еще причетникъ) Ѳедоръ Абрамовъ Мануиловъ, пожелалъ воспользоваться въ своихъ интересахъ работами г. Полякова и просилъ его выкопать ему на дворѣ яму, съ цѣлью устроить въ ней омшаникъ (зимнее помѣщеніе для пчелъ), рядомъ съ прежнимъ омшаникомъ, нынѣ заваленнымъ и заросшимъ деревьями, при рытвѣхъ котораго въ старину, по расказа-

замъ, попадалось много крупныхъ костей. Г. Поляковъ въ указанномъ мѣстѣ, около забора, вырылъ яму въ $5\frac{1}{2}$ арш. длины, въ 4 арш. ширины, и на глубинѣ 2 арш. открылъ цѣлый слой мамонтовыхъ костей, съ многими кремневыми орудіями древнѣйшей палеолитической эпохи. Не удовольствовавшись этой находкой, г. Поляковъ съ той стороны, гдѣ кости встрѣчались обильнѣе, проложилъ за заборомъ, уже на дворѣ кр. Фокина, на разстояніи 2 арш. отъ края первой ямы, еще параллельную ей канаву въ $5\frac{1}{2}$ арш. длины и около 2 арш. шириною. Въ ней, при тѣхъ же условіяхъ, оказалось продолженіе того же слоя мамонтовыхъ костей. Надъ этими двумя ямами г. Поляковъ проработалъ четыре послѣдніе дня, вынуждаемый временемъ, согласно маршруту, направиться въ другія губерніи.

При началѣ раскопокъ, на глубинѣ отъ полуаршина до одного аршина, попадались осколки кремней древняго происхожденія. Ниже черноземъ не содержалъ никакихъ культурныхъ предметовъ, наконецъ, расположенные на глинѣ и вѣдренные въ нее кухонные остатки состояли изъ мамонтовыхъ бивней, реберъ, трубчатыхъ костей, коренныхъ зубовъ, лопатокъ, сваленныхъ неравномѣрно, иногда одиночныхъ, иногда скученныхъ, главнымъ образомъ, въ трехъ пунктахъ; при нихъ кремневыя орудія, зола, угли, пережженные кости и камни. Органическіе остатки были всѣ весьма перетлѣвшіе, зубы и бивни при выемкѣ рассыпались въ щепы. По числу костей, напр. по 10 экземплярамъ однихъ лѣвыхъ лопатокъ, г. Поляковъ убѣдился, что, на сравнительно небольшомъ изслѣдованномъ имъ пространствѣ 4 кв. саженъ, находились разрозненные остатки минимум 10 мамонтовъ разнаго возраста. Многія кости были найдены расколотыми и смѣшанными, коренные зубы разбитыми и обдѣланными въ топоры, съ краями притупленными, какъ бы отъ употребленія. Въ главной, большой ямѣ, на землѣ дякона, изъ костей попадались преимущественно лопатки, а на землѣ Фокина было болѣе бивней ¹⁾. Кромѣ мамонтовыхъ костей, г. Поляковъ нашелъ клыкъ бураго медвѣдя, обломокъ кости, вѣроятно, его же ноги, еще обломокъ кости, повидимому, волка и клыкъ мелкаго хищника, напр. хорька или куницы ²⁾.

¹⁾ Въ сообщеніяхъ, даже авторитетныхъ, объ этихъ открытіяхъ г. Полякова выставляется, какъ находка особой важности, мамонтовая тазовая кость съ вертлужной впадиной, обращенной вверхъ и наполненной золою и пережженными костями (стр. 24). Самъ г. Поляковъ изъ этого заключаетъ, что впадина могла служить посудиною. Ни форма предмета, ни его содержимое не даютъ основанія къ такому заключенію. Въ землѣ впадины всѣхъ костей заполнены, въ какую бы сторону ни были они обращены, и заполнены веществомъ, которымъ окружены, т. е. въ этомъ случаѣ золою и углемъ.

²⁾ Остатки первобытнаго быка и лося изъ Костенокъ, упоминаемые г. Поляковымъ на стр. 35 его отчета, происходятъ, конечно, не изъ этихъ раскопокъ, а изъ какого либо другаго пункта.

При костяхъ на пепелищѣ въ большомъ количествѣ попадались кремневья палеолитическія орудія, именно 1 небольшой нуклеусъ, ножи (самый длинный 11 сант.), скребки, затѣмъ болѣе мелкія, въ видѣ ланцетовъ и наконечниковъ копій или стрѣлъ,—сверхъ того, много разной величины кремневыхъ осколковъ. Самые лучшіе экземпляры орудій найдены въ массѣ костей, золы и угля; гдѣ было мало костей, тамъ встрѣчались лишь осколки. Найдены еще грубые каменные топоры, заостренные нѣсколькими ударами, напоминающіе топоры Сентъ-Ашельскіе. Отмѣчая сходство орудій, встрѣченныхъ при началѣ рытья въ черноземѣ, съ нижними палеолитическими, г. Поляковъ все таки приписываетъ верхнія позднѣйшей эпохѣ, по характеру черноземныхъ находокъ въ другихъ мѣстахъ селенія, т. е. по черепкамъ горшковъ, неолитическимъ стрѣлкамъ и т. п. Последними находками особенно изобилуетъ противулежащій Костенкамъ лѣвый берегъ Дона.

Такова сущность археологическихъ открытій г. Полякова. Въ концѣ своего отчета о Костенкахъ авторъ выразилъ надежду вернуться на то же мѣсто въ ближайшемъ будущемъ, но былъ отвлеченъ обширнымъ путешествіемъ въ восточную Сибирь. Предметы, добытые г. Поляковымъ въ с. Костенкахъ, помѣщены имъ на храненіе въ антропологическомъ музеумѣ Академіи Наукъ въ Петербургѣ.

II.

Мой пріѣздъ съ г. Гарденинымъ. Затрудненія со стороны крестьянъ. Планы раскопокъ на дворахъ Фокина и Мануилова. Показанія домохозяевъ. Пробныя развѣдки.

При данныхъ мнѣ порученіяхъ, я могъ посвятить Костенкамъ одну недѣлю, и пробылъ тамъ съ 9 по 17 августа 1881 года. Отъ станціи Олень-Колодезь, Воронежско-Ростовской желѣзной дороги, до с. Костенокъ около 15 верстъ. Я пріѣхалъ поздно вечеромъ и былъ помѣщенъ на сельской общественной квартирѣ. Первый день заняло знакомство съ топографіей, что убѣдило меня въ совершенной вѣрности описанія, сдѣланнаго г. Поляковымъ и изложеннаго кратко выше. Мнѣ сопутствовалъ и безотлучно находился при всѣхъ моихъ изысканіяхъ въ качествѣ товарища молодой художникъ, дворянинъ Н. Н. Гарденинъ, оказывавшій мнѣ непрерывно самое полезное содѣйствіе, будучи заинтересованъ лично задачами археологіи. Изъ г. Воронежа г. губернаторъ прикомандировалъ ко мнѣ на все время одного изъ мѣстныхъ становыхъ, г. Писемскаго,—мѣра, какъ обнаружилось тотчасъ, совершенно необходимая, ибо туземцы на раскопки во дворахъ смотрятъ

косо и стараются по возможности отъ сего избавиться, отговариваясь, что при копаньи ямы приминается и засаривается окружающая растительность, что на перекопанной землѣ вырастаютъ только сорныя травы и на ней не скоро можно дѣлать токъ для молотбы или вѣянія. Я могъ приняться за раскопки лишь благодаря внушеніямъ становаго, что дѣло мое есть казенное и неизбѣжное; сверхъ того, при закладкѣ каждой новой ямы, ради прекращенія ропота, дарилъ хозяевамъ по нѣскольку рублей (отъ 2 до 4).

Къ числу пунктовъ селенія, обследованныхъ г. Поляковымъ, я могу добавить изъ собственныхъ распросовъ еще слѣдующее. Тутъ же въ Покровскомъ оврагѣ, неподалеку отъ владѣнія діакона Мануилова, къ югу, во дворѣ Марьи Никоноровны Кудряковой, при рытьѣ колодца, на 2 аршинахъ глубины, былъ вырытъ цѣльный бивень мамонта. Перелѣвшій бивень и кремьнь найдены при рытьѣ омшанника во дворѣ кр. Николая Фокина, вверху по теченію ручья, слишкомъ въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ діакона (это свидѣтельство не удостовѣрено). Кости попадаютъ при тѣхъ же условіяхъ во дворахъ въ Аносовомъ оврагѣ. Привожу сіе лишь какъ матеріалы для развѣдогъ въ будущемъ*).

Какъ командированный отъ музеума, имѣя главною цѣлью пріѣзда составленіе коллекціи, характеризующей открытія, я обратилъ преимущественное вниманіе на дворы Мануилова и Фокина. Я началъ съ того, что способами глазомѣрной съемки составилъ прилагаемый здѣсь планъ I мѣстности, съ расположенными на ней дворами и постройками. Подробный хозяйственный планъ Костеногъ снимался въ мою бытность тамъ землемѣромъ Н. А. Фоминымъ и, можетъ быть, полученъ или отъ него или изъ Воронежской земской управы. Общій планъ селенія и его окрестностей, въ масштабѣ 2 в. въ дюймѣ, по съемкамъ главнаго штаба, приложенъ къ статьѣ г. Полякова.

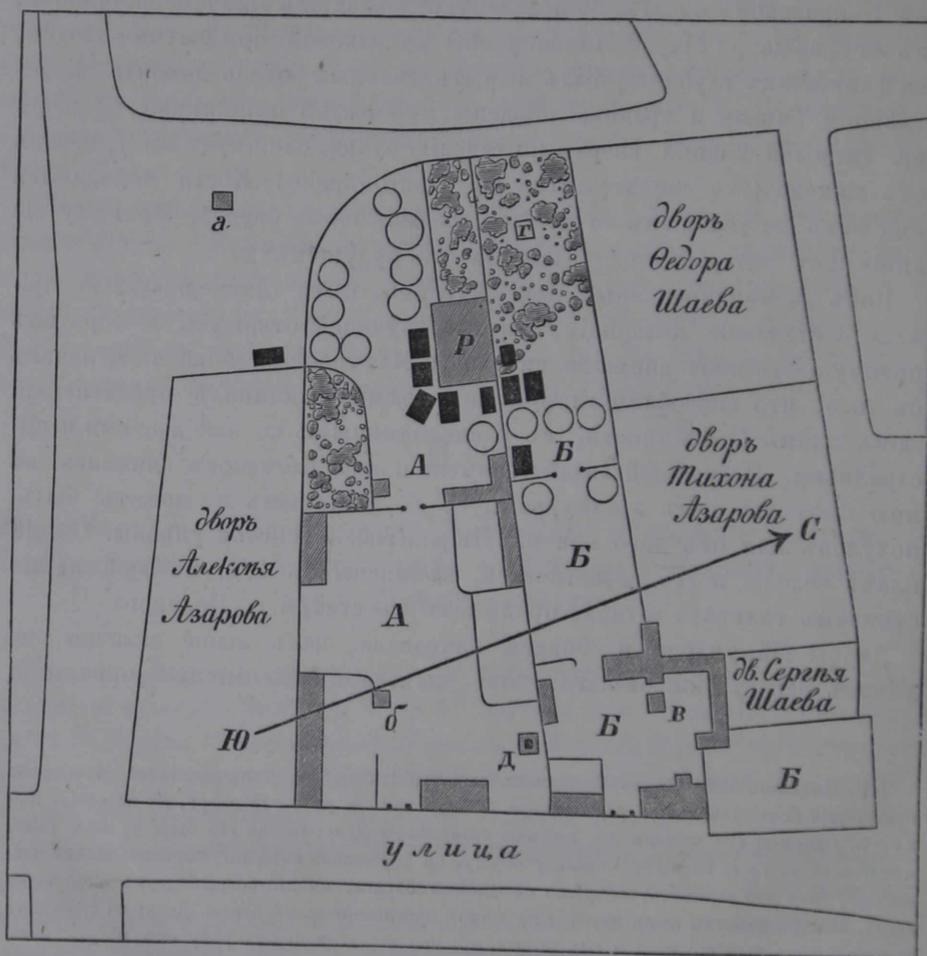
Дворы Мануилова и Фокина находятся, какъ выше сказано, на лѣвомъ берегу Покровскаго ручья, выходятъ жилыми постройками на

---

*) Г. Поляковъ записалъ въ Костенкахъ слѣдующій мѣлъ, которымъ крестьяне объясняютъ присутствіе большихъ костей подъ землею. «Жилъ нѣкогда на землѣ звѣрь, по названію и н д е р ь. Однажды онъ пошелъ изъ глубины материка къ Дону; голова его была у водъ рѣки, а туловище тянулось по всему Чекалину оврагу, съ вершинами котораго кончался хвостъ животнаго, такъ что великанъ, сообразно съ длиною оврага, имѣлъ больше двухъ верстѣ въ длину. Индеръ долженъ былъ перейти на другой противоположный берегъ Дона; но такъ какъ за чудовищемъ шли его дѣти и онъ боялся, что при переходѣ черезъ рѣку они могутъ потонуть, то онъ вздумалъ переплыть Донъ. И дѣйствительно, онъ началъ пить: рѣка стала уменьшаться и наконецъ сдѣлалась не больше Чекалина ручья. Тогда звѣрь подумалъ, что пора переходить и, чтобъ дать знать объ этомъ дѣтямъ и заставить ихъ идти, онъ оглянулся назадъ, но отъ натуги лопнулъ и кости его разлетѣлись на большое разстояніе. Ископаемыя кости и называются въ простонародьи индеровыми. Старухи берегутъ кусочки костей, толкутъ ихъ и, перемѣшавъ съ ладономъ, окуриваютъ лихорадочныхъ. Говорятъ, помогаетъ.

главную улицу и общій склонъ имѣютъ къ ручью, въ восточную сторону. Длина обоихъ дворовъ около 55 сажень. Переднія ихъ части отведены для загоновъ скота и домовыхъ хозяйственныхъ нуждъ, а заднія (верхнія на планѣ) составляютъ такъ называемые гуменники, предназначенные для обмолота и сбереженія хлѣба, и частію заросли вишневыми и сливными садочками. На границѣ обоихъ дворовъ помѣщается рига Фокина Р, которая, вѣроятно, со временемъ, къ неудовольствію хозяевъ, но въ интересахъ науки, будетъ временно снесена,

ПЛАНЪ I.

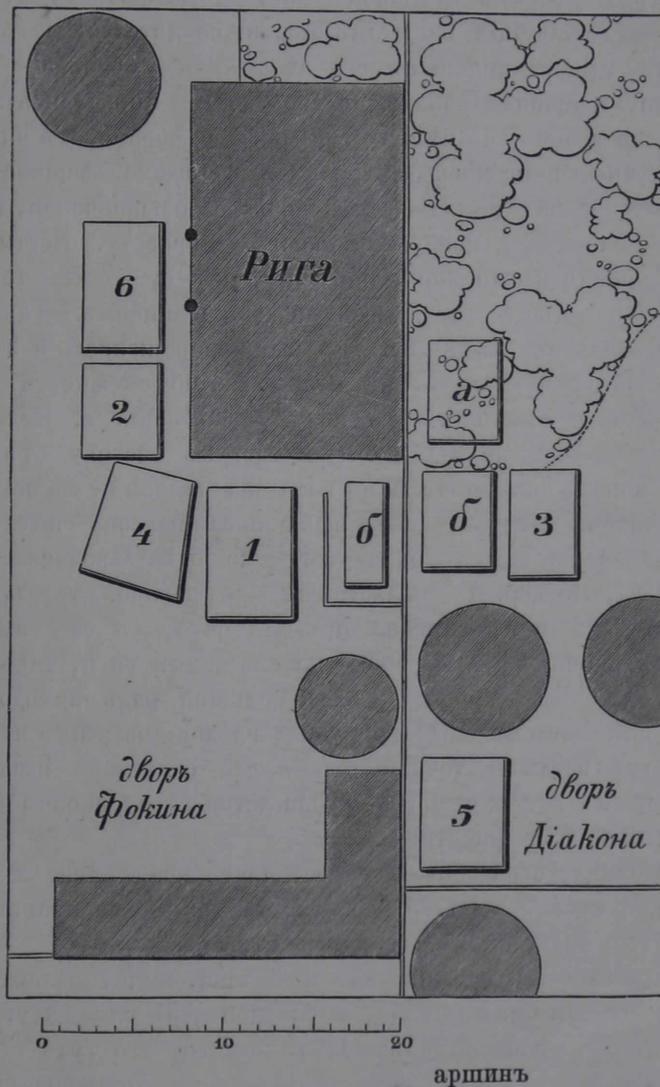

А—дворъ крест. Артема Григорьева Фокина; Б—дворъ діакона Федора Абрамова Мануйлова; а—храмчикъ, на мѣстѣ бывшей церкви Покрова Богородицы; б—погребъ Фокина; в—погребъ діакона; г—старый, нынѣ засыпанный погребъ діакона въ вишневомъ саду; д—общій колодезь; Р—рига Фокина. Крѣжки—скирды. Черные четырехугольники—мѣста раскопокъ.

ибо всё произведенныя г. Поляковымъ и мною раскопки даютъ основаніе полагать, что именно подъ ригю находится центръ пепелища, изобилующаго кухонными остатками.

На дворъ А крест. Фокина, по его показанію, при рытьѣ погреба б, обнаружилась въ землѣ большая масса костей. Какъ выше упомянуто, около этого погреба, съ западной стороны, г. Поляковъ проло-

ПЛАНЪ П.

а—старый омшаникъ; бб—ямы г. Полякова; 1, 2, 3, 4, 5, 6—раскопки Кельсѣева. Круги—скирды.

древности, IX.

жилъ канаву (нынѣ засыпанную) около 6 арш. длиною, шириною въ $1\frac{1}{2}$ арш., и на глубинѣ двухъ слишкомъ аршинъ, между черноземомъ и глиной, нашель пять кремневыхъ осколковъ, кусочки перекорѣлыхъ костей и мелкіе осколки коренныхъ зубовъ мамонта. Г. Поляковъ предполагаетъ, что главная масса костей этого пепелища, замѣченная при рытѣхъ погреба, направляется въ какую либо иную изъ остальныхъ трехъ сторонъ. Колодезь д. выкопанъ давно, потому нынѣшніе владѣльцы не знаютъ, попадались ли здѣсь кости. При рытѣхъ погреба в, на дворѣ діакона, кости тоже были замѣчены. Діаконъ, 42 года живущій на этомъ мѣстѣ, свидѣтельствуетъ, что на его памяти, гдѣ ни копали въ его дворѣ или у сосѣдей, вездѣ на глубинѣ двухъ аршинъ обнаруживались кости. Попадались ли кремешки, онъ не знаетъ, потому что на нихъ не обращаютъ вниманія, а длинныя граненыя кремневые стрѣлки или ножики, вершка по 2 и по 3, крестьяне находятъ въ землѣ нерѣдко; обыкновенно, повертять въ рукахъ, слѣмають, пробуя крѣпкость, и бросять. Кости были и въ старой, нынѣ засыпанной, погребной ямѣ г; копать тамъ нынѣ неудобно, ибо мѣсто густо заросло вишневигомъ. Также много костей попало при рытѣхъ стараго, нынѣ заброшеннаго и заросшаго, омшаника подѣ буквою а, на планѣ II, по смежности съ ригой Фокина. Новый омшаникъ, во время пребыванія г. Полякова, о діакону понадобился на мѣстѣ б (пл. II), къ востоку отъ стараго. Въ этомъ новомъ омшаникѣ и въ сосѣдней канавѣ б, на землѣ Фокина, г. Поляковъ и сдѣлалъ свои вышеописанныя замѣчательныя открытія. Канавы на землѣ Фокина тогда же была заровнена, а омшаникъ остался. Но діаконъ, польстившись на даровой трудъ, не воспользовался имъ, и я, въ свой прїѣздъ, закопалъ ему яму, равно какъ и всѣ прочія нарытыя мною по смежности риги, такъ что теперь отъ раскопокъ, давшихъ и мнѣ большой рядъ находокъ, даже превзошедшій мои ожиданія, — никакихъ слѣдовъ на мѣстѣ нѣтъ. Тѣмъ важнѣе было составить точный планъ для будущихъ изслѣдованій. Этимъ вторымъ планомъ можно руководствоваться вполне по циркулю и приложенному масштабу.

Сосредоточивая свои занятія у восточнаго края риги, я все-таки, насколько позволяли время и удобства мѣстности, не преминулъ сдѣлать пробныя развѣдки въ три другія стороны.

Яма 5 (планъ II), 6 арш. дл. и 5 арш. шир., заложена къ востоку отъ ямъ г. Полякова, за скирдомъ, въ самомъ углу дьяконова гуменика, вопреки увѣреніямъ хозяина, что тутъ непременно найдутся кости, не дала никакихъ результатовъ. Лишь сверху, въ черноземѣ, попались нѣсколько кремневыхъ осколковъ. На глубинѣ 2 арш. обнаружилась глина, безъ всякаго содержанія. Въ черноземѣ, въ за-

падной сторонѣ ямы, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш., найденъ былъ большой пустой кувшинъ съ ручкою, раздавленный, въ стоячемъ положеніи, грубой глины, но новой заводской выдѣлки, съ плоскимъ дномъ.

Къ югу отъ риги была выкопана яма на общественной землѣ за заборомъ, у двора Алексѣя Азарова (пл. I). Ни въ черноземѣ, ни въ глинѣ не оказалось никакихъ древнихъ остатковъ. На этой же площадкѣ, гдѣ храмчикъ а (т. е. фигурный кіотъ на каменномъ столбикѣ) обозначаетъ мѣсто упраздненной церкви,—по рассказамъ, при копаньи земли, обнаруживаются въ большомъ количествѣ человѣчьи кости,—можетъ быть, кладбище, бывшее на церковномъ погостѣ, а можетъ быть, и болѣе древнее.

Къ сѣверу отъ риги была сдѣлана проба 3 (пл. II), рядомъ съ омшаникомъ, длиною 6, шириною $4\frac{1}{2}$ арш. Въ черноземѣ нѣсколько малохарактерныхъ кремневыхъ осколковъ. Внизу, на уровнѣ глины, одинъ раскрошившійся мамонтовъ зубъ и болѣе ничего.

III.

Рига Фокина. Орудія встрѣчаемыя въ черноземѣ, ихъ вѣроятное происхождение. Кухонные остатки. Слѣды огня. Мамонтовыя кости, ихъ количество. Кости другихъ животныхъ. Мясо шло въ пищу сырое. О мясѣ слоновъ.

Раскопки производились въ порядкѣ послѣдовательности номеровъ пл. II. Кромѣ описанныхъ ямъ, остальные четыре, прилегающія къ ригѣ, 1, 2, 4 и 6, съ избыткомъ вознаградили усилія и дали находки обильныя и важныя. Принимая во вниманіе, что въ ямахъ б б г. Полякова, равно и въ прилегающихъ къ нимъ 1 и 4, сдѣланныхъ мною, кости и орудія встрѣчались лишь въ западныхъ концахъ, т. е. обращенныхъ къ ригѣ, а въ противоположныхъ концахъ находки рѣдѣли и совсѣмъ исчезали, тогда какъ ямы 2 и 6 обнажили сплошной пластъ пепелища съ кухонными остатками,—слѣдуетъ заключить, что на этомъ краю граница пепелища проходитъ черезъ ямы б, б, 1 и 4, приблизительно по ихъ срединѣ. Г. Поляковъ, разслѣдуя направленіе костей, вынужденъ былъ расширять свои ямы и значительно подрывался къ углу риги. Также и я, въ ямахъ 1 и 4, расширяя ихъ въ виду обилія находокъ по направленію къ ригѣ, долженъ былъ останавливать дѣло въ виду опасности обрушить крышу, ибо послѣдняя не имѣетъ внутреннихъ подпоръ, а держится на кольяхъ наружныхъ стѣнъ. Въ ямахъ же 2 и 6, какъ сказано, пластъ находокъ распространялся во всѣхъ направленіяхъ, а это, въ связи съ показаніемъ дьякона о находкахъ костей при рытьѣ погреба г (пл. I) и въ ста-

ромъ омшанигъ а (пл. II), т. е. и съ противоположной стороны риги, притомъ въ большемъ количествѣ, доказываетъ, что слой пепелища съ кухонными остатками проходить непрерывно подъ всей ригой. И. С. Поляковъ обследовалъ отъ этого пепелища около четырехъ квадратныхъ саженъ. Моими раскопками оно было обнажено еще почти на пятнадцать кв. саженъ.

Главные ямы 1, 4, 2 и 6 здѣсь описываются вмѣстѣ, а не каждая въ отдѣльности, ибо обстоятельства, какъ и слѣдовало ожидать на столь ограниченномъ пространствѣ, совершенно однородны; при томъ грунтъ въ прежнія времена не былъ перекопанъ. Землю снимали послойно и внимательно просматривали; рабочимъ было внушено, что кремешки цѣнны и составляютъ главную цѣль раскопокъ.¹⁾

Черноземъ здѣсь имѣетъ толщину около $1\frac{3}{4}$ арш. Въ ямѣ 6 онъ оказался на $\frac{1}{4}$ арш. тоньше, можетъ быть, потому что мѣстность въ эту сторону повышается. Весь слой чернозема однороденъ сверху до низу, мелкозернистой консистенціи, безъ комковъ, прослоекъ, или растительныхъ остатковъ. Тѣмъ удивительнѣе было встрѣчать въ немъ во всѣхъ ямахъ, на глубинѣ между $\frac{1}{2}$ —1 арш., равномерно разсѣянные, кремневые осколки и даже орудія разной формы, но совершенно изъ того же матеріала и такихъ же типовъ, какъ и обнаруженные въ нижнемъ слое палеолитическихъ остатковъ. Черномыя орудія уступаютъ послѣднимъ только величиною, такъ какъ рѣдко имѣютъ длину выше одного вершка. Сихъ первыхъ находокъ изъ всѣхъ ямъ извлечено около 150 шт., что составляетъ среднимъ числомъ по 10—12 шт. на каждую квадрат. саженъ. Орудія эти вмѣстѣ съ прочими соединены въ одну коллекцію и описываются ниже. Г. Поляковъ также отмѣтилъ тождество верхнихъ находокъ съ нижними, но отнесъ ихъ къ неолитической эпохѣ, потому что въ его первой ямѣ (омшанигъ), между осколками кремней, попались черепки глиняной посуды. Я же на всемъ лично изслѣдованномъ пространствѣ, около 20 квадрат. саженъ, —включая сюда и яму 3, какъ смежную съ омшаникомъ,—не нашелъ ни орудій позднѣйшаго типа, ни черепковъ, и потому склоненъ признать за вещами, попавшимися г. Полякову, случайное происхожденіе, не характеризующее всей серіи верхнихъ находокъ. Да и самъ г. Поляковъ не упоминаетъ, чтобы онъ въ верхнемъ слое второй своей ямы, на землѣ Фокина,

¹⁾ У г. Полякова въ работахъ принимали участіе женщины. У меня копали одни мужчины, мѣстные крестьяне, обыкновенно 10 человекъ, изъ коихъ слѣдующіе 8 работали безсмынно и вполне вошли въ курсъ дѣла: Акимъ Ив. Гуцинъ, Яковъ Емельяновъ Вороновъ, Константинъ Наумовъ Хрипушинъ, Никол. Андр. Богдановъ, Вас. Ив. Богдановъ, Иванъ Парамоновъ Ораловъ, Гавріилъ Федоровъ Протопоповъ, Тимофей Алексѣевъ Протопоповъ.

встрѣтилъ признаки неолитической эпохи. Его мнѣніе имѣло бы основаніе при условіи, что верхній слой оригиналенъ и осколки лежатъ на тѣхъ мѣстахъ, куда они упали при выдѣлкѣ орудій. Но ничто не даетъ повода къ такому предположенію. Осколки лежатъ не гнѣздами, а разсѣянно, на разныхъ высотахъ и не сопровождаются никакими иными признаками пребыванія здѣсь человѣка, обычными на такъ называемыхъ фабрикахъ кремневыхъ орудій. Сверхъ того, гдѣ не попадалось кремней подъ верхнимъ слоемъ почвы, при началѣ раскопокъ, тамъ можно было быть увѣреннымъ, что яма заложена ошибочно, и внизу кухонныхъ остатковъ не будетъ. На ровной, слегка покатой мѣстности, какъ лѣвая сторона долины Покровскаго ручья, имѣющая ширину почти въ полверсты, совпаденіе ситуаціи палеолитическихъ и неолитическихъ находокъ очень удивительно, особенно имѣя въ виду промежуточный слой чернозема, толщиной въ 1 аршинъ, не содержащій никакихъ культурныхъ предметовъ и, слѣдовательно, не дающій свидѣтельства, чтобы мѣстность была непрерывно обитаема. Въ виду однородности тѣхъ и другихъ орудій, лучшимъ объясненіемъ было бы истолкованіе, какимъ образомъ нѣкоторые, напр. болѣе легкіе, изъ нижнихъ кремней могли быть подняты силою произрастенія кверху. Но самое образованіе черноземныхъ толщъ еще не вполне изъяснено наукою.

На сей разъ слѣдуетъ удовлетвориться иной гипотезой. Пепелище съ палеолитическими кухонными остатками, вродѣ открытаго подъ ригию Фокина, конечно было не одно въ долину Покровскаго ручья. Это явствуетъ изъ густоты населенія, доказываемой многочисленностію съѣденныхъ мамонтовъ и самою возможностью ихъ добыванія. Вѣроятно, другая изъ подобныхъ ¹⁾ стоянокъ, лежащая неподалеку, выше двора Фокина и изобилующая кремневыми орудіями, обнажилась вслѣдствіе сдвиговъ или протоковъ, въ эпоху образованія верхней половины черноземнаго пласта; болѣе легкіе экземпляры кремневыхъ осколковъ и орудій могли быть снесены и разсѣяны по склону, при весеннихъ таяніяхъ снѣга. Позднѣе, эта верхняя стоянка или истоцилась, или сама покрылась растительнымъ слоемъ, и потому вверху чернозема, подъ дерномъ, орудій уже не встрѣчается. Если эта гипотеза справедлива, то при будущихъ изслѣдованіяхъ у противуположнаго конца риги, и далѣе выше къ западу, кремневые орудія въ черноземѣ должны попадаться крупнѣе и чаще. Изложенное, правда, не разъясняетъ совпаденія ситуаціи, но находитъ под-

---

¹⁾ Я не убѣдился въ ея полной тождественности съ нижнею стоянкою. Орудія того и другаго происхожденія были смѣшаны случайно безъ моего вѣдома. Эта сторона дѣла заслуживаетъ въ будущемъ особаго вниманія.

держку въ изрѣдка, все-таки, попадающихся въ черноземѣ мелкихъ голышахъ и мѣловыхъ галькахъ.

На $1\frac{3}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ аршинахъ глубины, когда трудность удаленія земли замедляетъ работу, заступы начинаютъ ударяться мѣстами о крупные булыжные камни, цѣлые или разбитые, и о мамонтовья кости. Черноземъ прекращается, слѣдуетъ плотная глина, не сѣрая, какъ ее называютъ г. Поляковъ, а свѣтло-бурая, желтоватая. Въ ней непосредственно подъ черноземомъ и видѣрены кости мамонта съ остатками пепелища и кремневыми орудіями. Этотъ культурный пластъ имѣетъ въ разрѣзѣ, т. е. въ толщину, до $\frac{3}{4}$ и даже до 1 аршина, такъ что глубина каждой ямы къ концу развѣдки превосходила ростъ высокаго человѣка, и рабочіе уходили въ яму съ головою.

Глина испещрена мѣстами бѣловатыми пятнами и прослойками какъ бы золы, черными, мелкими, а иногда до вершка длиною обломками обугленныхъ костей и сильно обгорѣлыми небольшими кусками костяной клѣтчатки. Такихъ предметовъ сохранено для коллекціи по нѣскольку экземпляровъ. Доказательствами присутствія огня служатъ еще два пережженные и растрескавшіяся кремневыя орудія, перегорѣлый осколокъ діорита, раскрошившіеся куски песчаника, а также неправильные комочки глины, принявшіе подъ дѣйствіемъ жара твердость кирпича (последнее явленіе, естественно, наводило человѣка на изобрѣтеніе издѣлій изъ глины).

Мамонтовья кости разбросаны безпорядочно, во всякомъ случаѣ не въ видѣ полныхъ костяковъ, которые говорили бы о простой гибели здѣсь животныхъ, а лишь какъ остатки труповъ расчлененныхъ въ другомъ мѣстѣ, приволоченные сюда для ѣды. Кости вообще разложились и сильно перетрухли; присутствіе нѣкоторыхъ замѣтно было лишь по иной окраскѣ глины, и они рѣзались заступомъ наравнѣ съ землею. Бивни цѣльные, винтообразно изогнутые и уходившіе глубоко въ землю (даже до глубины 3 арш.), по мѣрѣ ихъ обнаженія, подъ вліяніемъ воздуха быстро трескались и рассыпались въ мелкія щепы. Отъ нихъ удалось сохранить только немногіе концы и обломки разныхъ мѣрѣ, обхватомъ отъ 45 до 14 сант.; послѣдніе принадлежали, конечно, очень молодымъ экземплярамъ. Прослѣживаніе направленія бивней не приводило къ головѣ; поэтому можно думать, что они были выломаны изъ череповъ. Кости трубчатая, лопатки, позвонки, челюсти, ребра, хотя послѣ осторожнаго извлеченія твердели на воздухѣ, но вообще оказывались обезформленными, съ перетлѣвшими краями, и представляли мало любопытнаго. Невозможно было опредѣлить, есть ли на нихъ слѣды древнихъ поврежденій. Лучше сохранились зубы. Найдено около шести нижнихъ челюстей разныхъ величинъ; кромѣ того, часто попадались коренные зубы

стертые, распадавшіеся (можетъ быть, вслѣдствіе дѣйствія жара) поперечными пластинками. Г. Поляковъ находилъ пластинки разныхъ зубовъ перемѣшанными между собою, изъ чего заключаетъ, что зубы раздроблялись искусственно, съ цѣлью приготовленія изъ нихъ орудій. Это допустимо лишь по отношенію старыхъ зубовъ; зубы здоровые, сомнительно, чтобы уступали ударамъ камней; для сужденія о дѣйствіи на нихъ огня нужны опыты. При такихъ условіяхъ находенія костей я затрудняюсь опредѣлить число мамонтовъ, которымъ могли принадлежать найденные остатки. Г. Поляковъ, какъ выше сказано, въ своихъ двухъ ямахъ бб (пл. II) насчиталъ остатки десяти мамонтовъ. Бивни перемѣшаны, разрознены и переходили изъ одной ямы въ другую; при своихъ раскопкахъ я насчиталъ ихъ до 12. Зубовъ разбитыхъ, одиночныхъ, или сидящихъ въ альвеолахъ, найдено болѣе 25; принадлежали они, конечно, разнымъ челюстямъ, т. е. и верхнимъ и нижнимъ. Лопатокъ разныхъ величинъ насчитано шесть паръ. Сверхъ того, много бабокъ, реберъ, позвонковъ и пр. Изъ этого слѣдуетъ, что въ пищу или одинаково всѣ части животнаго.

Кромѣ костей мамонта, найдены тутъ же остатки другихъ, болѣе мелкихъ животныхъ, именно обломки чьихъ-то реберъ, шириною въ 13 и 23 мм., трубчатые кости ноги (по опредѣленію Д. Н. Анучина) мелкаго жвачнаго, напр. лани, или козули, и часть нижней челюсти лисицы (яма 2). Г. Поляковъ изъ числа подобныхъ остатковъ опредѣлилъ присутствіе бурога медвѣдя и мелкаго хищника, вродѣ хорька, или куницы.

Подобно тождественнымъ находкамъ на р. Удаѣ, Лубенскаго уѣзда, при с. Карачаровѣ, Муромскаго уѣзда ¹⁾, и здѣсь, на ряду съ мелкими кусочками угля и перегорѣлыхъ костей (вѣроятно, случайно попавшихъ въ огонь), главная масса мамонтовыхъ костей не имѣла на себѣ признаковъ опаленности или обжога. Изъ этого повсюду ясно отмѣченнаго обстоятельства слѣдуетъ несомнительный выводъ, что въ періодъ мамонта куски мяса употреблялись въ пищу сырые, а огонь разводился не для цѣлей приготовленія пищи. Пунктъ этотъ очень важный. Онъ даетъ смыслъ формѣ и назначенію кремневыхъ орудій, найденныхъ при костяхъ. Еслибы мясо употреблялось въ пищу по нынѣ принятому способу, т. е. жарилось бы, или въ горячихъ угольяхъ, или на вертелѣ, то выдавшіеся концы костей непременно носили бы на себѣ слѣды опаленности. Нѣтъ основанія предполагать, что мясо жарилось кусками, предварительно отдѣленными отъ костей; мясо челюстей, несомнѣнно, также шедшее въ пищу (при челюстяхъ

¹⁾ Гр. Уваровъ, Каменный періодъ, I, стр. 108 и 116.

найдено много орудій) могло быть удобно подвергаемо дѣйствию жара и неостдѣленное, а челюсти тоже не представляютъ обжоговъ. ¹⁾

При совершенномъ тождествѣ организаціи слоновъ и мамонтовъ, имѣющихъ главное различіе въ волосяномъ покровѣ послѣднихъ, можно имѣть понятіе о пригодности въ пищу ихъ мяса. Слоны совсѣмъ не удобоснѣдаемы. За ними охотятся теперь или для прирученія ихъ въ качествѣ рабочихъ животныхъ, или главнымъ образомъ для добыванія бивней. Есть рѣдкія указанія, что только южно-африканскіе негры, приготовляя запасы сушеннаго ломтиками мяса, не брезгаютъ для этой цѣли и мясомъ слоновъ (Клеммъ, III, 222). Бремъ (Жизнь животныхъ, II, 704), напротивъ, рѣшительно говоритъ, что отъ убитаго слона въ пищу могутъ идти только хоботъ и ноги; мышцы же такъ тверды, что лишь зубы негра въ состояніи раздробить ихъ. Дю-Шалью увѣряетъ, что 12 часовъ кипяченія недостаточно для размягченія слоновнаго мяса. Другіе писатели называютъ слоновый языкъ вкуснымъ, хвалятъ также ноги и хоботъ печеные въ горячей золѣ; но вообще и эти части плохо поддаются зубамъ европейца. Таковы факты.

IV.

Обзоръ каменныхъ орудій. Число ихъ. Порода камня. Обвѣтренность орудій. Ихъ близость къ костямъ. Ядрища. Осколки. Обивки. Цѣль и способъ выдѣлки орудій. Скрепки. Острія. Орудія кварцитовыя и діоритовыя.

Переходя теперь къ обзору каменныхъ орудій, остается разсмотрѣть ихъ какъ инструменты, служившіе людямъ для питанія сырымъ чрезвычайно грубымъ мясомъ, неудобнымъ къ разжевыванію. Людей палеолитической эпохи не имѣется основанія представлять слишкомъ уклоняющимися, по ихъ внѣшнему облику, по росту или формѣ зубовъ и органовъ, отъ обыкновеннаго человѣческаго типа. Во всякомъ случаѣ, это были обыкновенные дикіе люди, знавшіе употребленіе огня и искусные въ выдѣлкѣ нужныхъ имъ инструментовъ.

Кромѣ осколковъ, собственно кремневыхъ орудій, съ несомнѣнными признаками цѣлесообразной обдѣлки въ эпоху каменнаго вѣка, извлечено изъ золы и глины во всѣхъ четырехъ ямахъ, въ общей сложности, 330 штукъ. Присоединяя сюда до 180 разныхъ отбивковъ, составляющихъ дѣло тѣхъ же рукъ человѣческихъ, но безъ признаковъ пригодности къ употребленію, опредѣляемъ среднимъ числомъ количество

¹⁾ Питаніе сырымъ мясомъ послѣ открытія огня не согласуется съ общепринятымъ доселѣ научнымъ воззрѣніемъ (Кам. періодъ, I, 244).

находокъ кремней на пепелищѣ цифрою слишкомъ въ 50 штукъ на каждую квадр. сажень. Содержаніе значительно превосходящее находки въ верхнемъ слое чернозема.

Кремень, изъ котораго сдѣланы орудія, полупрозраченъ, дымчатаго, роговаго, иногда почти чернаго цвѣта, сравнительно мягокъ, т. е. имѣетъ все признаки кремня мѣловой формациі, встрѣчающагося и нынѣ вездѣ на правомъ побережьи Дона самородными желваками неправильной закругленной формы разныхъ величинъ. Желваки, всегда покрытые охристой непрозрачной коркой, попадаютъ и при раскопкахъ, цѣлые или разбитые. На многихъ отбивкахъ и орудіяхъ, получившихся отъ первыхъ ударовъ по желваку, можно прослѣдить эту наружную корку, — доказательство, что орудія приготовлялись на мѣстѣ и изъ мѣстнаго матеріала. Изъ числа орудій попалось, и то преимущественно въ черноземѣ, 6 мелкихъ обломковъ ножей, т. е. съ небольшимъ 1 процентъ отъ всехъ орудій, сдѣланныхъ изъ желѣзистаго кремня медоваго цвѣта.

Орудія въ моментъ ихъ обнаруженія имѣли натуральный роговой цвѣтъ и полупрозрачность. За тѣмъ, въ теченіе первой четверти часа, вслѣдствіе испаренія влаги, наполнившей ихъ поры, они быстро снаружи тускнѣли, дѣлались совершенно непрозрачными и принимали голубовато-молочный, почти бѣлый цвѣтъ. То же явленіе замѣчено и г. Каминскимъ при раскопкахъ у с. Гонцовъ Лубенскаго уѣзда; онъ называетъ его вывѣтренностью. Для археологическихъ цѣлей важно рѣшить, что такое удаленіе съ поверхности орудій нѣкоторыхъ элементовъ, оставляющихъ по себѣ капиллярные каналы, способные по обстоятельствамъ заполняться влагою или испарять ее, происходитъ ли единственно отъ долговременнаго ихъ пребыванія на открытомъ воздухѣ, или то же дѣйствіе можетъ производить и твердая среда: т. е., обязаны ли мы сохраненію этихъ рѣдкостныхъ остатковъ какому либо внезапному потоку, или половодью, прикрывшему пепелище съ костями и орудіями толстымъ осадкомъ глины, вскорѣ послѣ совершившейся трапезы, или же оно долго оставалось обнаженнымъ подъ вліяніемъ солнца и воздуха и служило мѣстомъ трапезы можетъ быть неоднократно. Я склоненъ допустить внезапное прикрытіе, на основаніи собраній, изложенныхъ ниже.

Непрозрачная поверхность орудій, косвенно подтверждающая ихъ древность, служить въ то же время надежнымъ ручательствомъ сохранности ихъ формы. Орудія, случайно поврежденныя при раскопкахъ ударомъ заступа, представляютъ въ расколѣ темнороговой цвѣтъ и разрѣзъ наружной тусклой коры толщиной до 1 миллиметра.

Каменные орудія, соответственно толщинѣ культурнаго слоя, попадаютъ на разныхъ высотахъ, крупныя преимущественно ниже, вѣро-

ятно отъ постепеннаго вѣдренія въ глину, сырѣвшую отъ дождей, или половодій. Многія орудія найдены при самыхъ костяхъ, какъ бы прильнувшими къ нимъ, и были открыты при очищеніи глины съ вынутыхъ костей. Гдѣ кончались кости, тамъ уже не находилось и орудій. Орудія, бывшія въ землѣ рядомъ съ коренными зубами мамонта, такъ слежались, что къ нимъ присохла эмаль зубовъ, въ видѣ желтоватаго тонкаго налета, не отстающаго даже подъ дѣйствіемъ воды (таб. А фиг. 14). Въ коллекціи можно насчитать до 23 такихъ орудій. Въ виду того, что еще восемь лѣтъ назадъ западные археологи держались мнѣнія, будто Россія не представляетъ совмѣстныхъ находокъ слѣдовъ человѣка и мамонта, указанные экземпляры составляютъ осязательное опроверженіе этого мнѣнія и пока еще имѣютъ значеніе рѣдкостей.

Не считая отбивокъ и осколковъ, всѣ найденныя кремневыя орудія приурочиваются къ двумъ главнымъ видамъ: ножей для рѣзанія и скребленія мяса и скребковъ для соскабливанія мяса со шкуры и костей. ¹⁾ Этотъ специальный ихъ характеръ, именно отсутствіе наконечниковъ стрѣлъ, или другихъ инструментовъ, необходимыхъ для поимки и одолѣнія мамонта, ясно показываетъ, что люди имѣли на пепелищѣ только облюбованную стоянку для дѣлежа и ѣды мяса животныхъ; съ этой цѣлью и приготавливали на мѣстѣ орудія, потребныя для одновременной трапезы, въ большомъ числѣ, вслѣдствіе ихъ хрупкости и соответственно числу участниковъ. Какъ приготовленные спѣшно и малоцѣнные, всѣ эти ножи и скребки, по насыщеніи тутъ же брошены, или оставлены увязнувшими въ недоѣденномъ мясѣ и сухожиліяхъ близъ костей.

Орудія имѣютъ несомнѣнные признаки палеолитической эпохи; они крупны, сдѣланы грубо, наскоро, получены отъ одного ловкаго удара по тупой грани большого кремневаго ядрища, такъ что задняя сторона отшиба у всѣхъ плоская. Видно вездѣ стремленіе имѣть плоскій, длинный и широкій кремень, съ рѣзущими краями по обѣимъ сторонамъ. Орудій, имѣющихъ грани или обдѣлку съ обѣихъ сторонъ, не найдено ни одного.

¹⁾ И. С. Поляковъ, въ числѣ найденныхъ имъ орудій, усматриваетъ наконечники стрѣлъ и копій. Я не могу съ нимъ въ томъ согласиться. Сомнительна вѣроятность, чтобы лукъ былъ изобрѣтенъ въ столь отдаленную эпоху. Стрѣла можетъ сохранять данное направленіе лишь при строгой симметричности наконечника. Въ моей коллекціи есть подобныя же орудія, но съ сильнымъ искривленіемъ въ ту или другую сторону (Таб. А, 2, 5 и Таб. В, 31). Орудія, тоже-стивенны тѣмъ кремневымъ, кои г. Поляковъ называетъ наконечниками копій, найдены и кварцитовыя (таб. В, 34, 35, 36), т. е. изъ матеріала наименѣе пригоднаго для цѣлей охоты. Притомъ любопытно знать, насколько кожа мамонта, покрытая еще волосами, доступна пораненію каменнымъ орудіемъ.

Ядрищъ, т. е. кусковъ кремня, отъ которыхъ отшиблены орудія, всего пять, величиною 30—55 мм., очень грубой формы. Лучшее изъ нихъ, въ родѣ усѣченной многогранной пирамиды, случайно пропало изъ коллекціи, еще во время производства раскопокъ. Судя по нѣкоторымъ болѣе крупнымъ орудіямъ, ядрища, отъ коихъ они отшиблены, имѣли въ длину больше трехъ вершковъ.

Осколки кремня, находимыя на мѣстахъ древняго производства каменныхъ орудій, имѣютъ обыкновенно столь типичную форму, что для опытнаго глаза сами по себѣ служатъ вѣрнымъ признакомъ присутствія древностей каменнаго вѣка. Въ обширной коллекціи даже нельзя бываетъ рѣзко разграничить осколковъ отъ орудій. Въ большинствѣ случаевъ специалисты ограничиваются мнѣніемъ, что осколокъ могъ служить орудіемъ. Дѣйствительно, по отношенію по крайней мѣрѣ къ палеолитическому періоду, когда ножъ получался однимъ ловкимъ ударомъ по тупой грани кремневаго ядрища, всѣ, въ томъ или другомъ отношеніи, неудавшіеся ножи бросались наравнѣ съ простыми осколками. Потому осколки, представляющіе нѣкоторое подобіе или несовершенную форму ножа, вполне заслуживаютъ, по своей поучительности, сохраненія и присоединенія къ коллекціи. Охарактеризовать ихъ можно такъ. Они продолговаты, задняя сторона ихъ всегда плоская или слегка изогнутая, часто съ выпуклостію подъ точкою нанесенія удара. Лицевая сторона представляетъ одинъ либо два параллельныхъ двугранныхъ угла (фиг. 33, 30—въ обоихъ этихъ случаяхъ осколокъ вѣрнѣе можетъ быть названъ неудавшимся ножомъ),—или же грани расходящіяся, т. е. тупой трехгранный уголъ, который слѣдовало сшибить для сглаживанія поверхности ядрища (фиг. 26, 24, 29). Отбивою могъ быть или очень малъ и потому непригоденъ для дѣла, или болѣе важное препятствіе являлось въ угловатости его рѣжущихъ краевъ, искривленныхъ и незаслуживающихъ подправки, или наконецъ, въ случаѣ потребности въ ножѣ съ остриемъ на подобіе ланцета, ножъ тупой или съ обломаннымъ концомъ тоже забраковывался. И такъ, собственно осколокъ есть отшибокъ небольшой, съ краями неправильнаго закругленнаго очертанія и имѣющій на одной сторонѣ трехгранную выпуклость. Прочіе отшибки, не обладающіе всѣми этими признаками, суть переходныя формы къ орудіямъ.

Обивки, иначе сказать, простой кремневый щебень, получавшійся отъ разбиванія желваковъ или отъ сбиванія поверхностныхъ неровностей желвака, покрытаго корою, составляютъ почти треть всѣхъ находокъ кремневыхъ издѣлій. Форма ихъ угловатая, самая неправильная, преимущественно съ частью корки желваковъ.

Орудія (ножи) имѣютъ представителями въ значительномъ количествѣ обломки, вслѣдствіе хрупкости матеріала, тонкости формы и потому, что лучшимъ экземплярамъ было больше всего работы. Цѣльныхъ орудій, пригодныхъ для работы, сохранилось до 185 штукъ. Изъ этого числа надо выдѣлить въ особую группу собственно ножи отъ 8 до 12 и 12, 3 сант. длиною, отличающіеся или лентовидной формой или ланцетовиднымъ заостреніемъ на концѣ, фиг. 1, 4 и 7. Остальные орудія имѣютъ въ большинствѣ длину около 1 вершка, и въ виду ихъ формы и грубости сырою мяса, для питанія коимъ они выдѣланы, ихъ слѣдуетъ разсматривать не какъ рѣзущія, а какъ скребушія орудія. Орудія отбивались очевидно отъ крупныхъ ядрищъ, вершковъ до 3 въ поперечникѣ. Ядрище послѣдовательными ударами обрабатывалось такъ, что представляло снаружи грани тупыя, длинныя, параллельныя между собою, и по формѣ вѣроятно было близко къ многогранной призмѣ или многогранной усѣченной пирамидѣ. Если грань на ядрищѣ имѣла видъ не совсѣмъ правильный, кривой, или была остра, крышеобразна и близка къ прямому углу, то она предварительно подправлялась продольными ударами, дававшими длинныя, занозовидныя осколки, а слѣды этихъ отшибовъ составляли граневую выпуклую поверхность, пригодную быть спинкой орудія (см. фиг. 2, 6, 7, 9, 11, 13, 28 и др.) Орудіе отшибалось отъ ядрища однимъ ударомъ, съ такой ловкостью, что въ точкѣ нанесенія удара не оставалось даже никакого знака, а вся сила уходила на отколъ лентовидной пластинки. Такія операціи возможны, конечно, лишь надъ желваками сырыми, свѣже-вынутыми изъ почвы. Въ отколѣ получалась продолговатая плоскость, ограниченная двумя гранями, кои служили спинкою слѣдующимъ орудіямъ и т. д. Орудія вообще всѣ симметричны; имѣющіяся уклоненія произошли случайно помимо воли мастера, отъ несовершенства или индивидуальной особенности его приемовъ. Оба края параллельны, но иногда (фиг. 3, 8, 14) къ одному или къ обоимъ концамъ сближаются, и тогда очертаніе орудія напоминаетъ геометрическую фигуру (фюзю), получающуюся отъ пересѣченія двухъ равныхъ круговъ. Лезвія орудій имѣютъ притупленность и зазубрины, доказывающія, что они были въ дѣлѣ; еще замѣчательно, что многіе даже ножевидные экземпляры со стороны спинки (при концахъ иногда и съ обратной стороны) выправлены и представляютъ лезвія притупленныя (фиг. 4, 8, 10, 13, 14, 15, 31) рядомъ мелкихъ частыхъ ударовъ *). Въ этомъ послѣднемъ обстоя-

* Тезисъ гр. А. С. Уварова (Кам. періодъ, I, 241), что въ палеолитическую эпоху орудія не подправлялись легкими ударами по ребрамъ, оказывается не вполне точнымъ.

тельствѣ нельзя не видѣть новый доводъ въ пользу того, что сырое мясо шло въ пищу въ видѣ (единственно возможномъ) поскребковъ; ибо еслибы мясо было жареное и клалось въ ротъ кусками, орудія съ рѣзущимъ лезвиемъ были бы полезнѣе. Самая форма орудій, съ одной стороны плоская, съ другой выпуклая, какъ нельзя лучше приоровлена къ скобленію и къ держанію ихъ въ щепоти между большимъ и остальными тремя, четырьмя пальцами. Для удобства такого держанія и смягчалась предварительно выпуклость ядрища, предназначенная быть спинкою орудія, ибо на крупной грани (фиг. 1, 5, 21, 31) пальцы, при крѣпкомъ нажатіи, соскальзывали бы къ тому или другому лезвію. Для питанія сырымъ наскобленнымъ мясомъ, какъ я убѣдился изъ произведенныхъ опытовъ, трудно придумать инструментъ проще и удобнѣе палеолитическаго кремневаго ножа. Самое общепринятое названіе ножа здѣсь неумѣстно; не много и не глубоко можно было рѣзать обломаннымъ кремневымъ (фиг. 1, 3, 21) лезвиемъ въ 3—4 сантиметра длиною, растворомъ въ 20—30°, часто еще тупѣе, притомъ безъ всякой оправы въ рукоятку, что несомнѣнно по отсутствію признаковъ прикрѣпленія.

Скребки, 20 штукъ, (фиг. 8—14) съ широкимъ овальнымъ очертаніемъ, длиною въ 4—7 сант. Задняя сторона ихъ тоже плоская, а передняя обдѣланная многими ударами приближается къ сферической выпуклости. Существенный признакъ скребковъ—ихъ тупые тщательно оббитые края, а вѣроятная цѣль—очистка кожъ отъ мяса и, можетъ быть, волосъ.

Острия,—длинные, тонкіе, прямые, иногда слегка искривленные осколки (фиг. 19, 20, 25, 26, 27, 32), имѣющіе въ разрѣзѣ фигуру трапеціи, или неправильнаго треугольника, длиною отъ 1, 5 до 7 сант., шириною въ 5—8 разъ меньше. Изъ 90 экземпляровъ коллекціи около 20 шт. сохраняютъ тонкое трехгранное, шиловидное, или ланцетовидное острие, придающее имъ особую характерность, иные же почти призматичны. Этотъ сортъ орудій представляетъ одну изъ темныхъ сторонъ доисторической археологіи. Наука не даетъ пока имъ вѣрнаго объясненія. Что они служили иглами при шиваніи шкуръ, инструментами для операций, татуировки, или вообще для орнаментации разныхъ предметовъ, суть остроумныя предположенія, имѣющія смыслъ лишь по отношенію къ находкамъ на мѣстахъ поселенія или стоянокъ. Въ нашемъ случаѣ значительное большинство ихъ суть не болѣе какъ упомянутые занозовидные осколки, получавшіеся при обработкѣ большихъ ядрищъ подъ спинки орудій. Непрерывныя узкія, плоскости замѣтныя на ножахъ и скребкахъ (ср. фиг. 2, 6, 7, 9, 19, 28 и др.), получились отъ удаленія этихъ длинныхъ осколковъ. Очень крупные экземпляры (напр. фиг. 25), вѣроятно, примѣнялись къ какому нибудь

дѣлу, потому что на вѣкоторыхъ можно прослѣдить обдѣлку краевъ мелкими ударами.

Кромѣ кремневыхъ желваковъ и орудій, при костяхъ попадаются также б у л ы ж н ы е голыши, цѣлые или расколотые клиновидно. Вѣроятно, при помощи ихъ разъединялись и разбивались кости, съ цѣлью добыванія изъ нихъ мозга. Четыре экземпляра съ небольшимъ по вершкѣ длиною, представляютъ грубое подобіе крупныхъ кремневыхъ скребковъ; два изъ нихъ кварцитовые и два діоритовые; на одномъ изъ послѣднихъ слѣды эмали мамонтова зуба, другой плоскій осколокъ пережженъ въ огнѣ. Найдено еще шесть кварцитовыхъ ножей (4—по 1 вершкѣ и 2—по $\frac{1}{2}$ в.), совершенно сходные по величинѣ и формѣ съ кремневыми (фиг. 34, 35, 36). Изъ числа крупныхъ клин-евъ есть песчаниковые. Эти орудія подтверждаютъ замѣченныя попытки примѣнять къ дѣлу другія породы камня, кромѣ кремня.

V.

Значеніе и важность находокъ. Какъ добывалось мясо мамонтовъ. О питаніи падалью. Картина палеолитической трапезы. Вѣроятность обитанія въ пещерахъ.

Описанныя находки принадлежатъ къ важнѣйшимъ въ доисторической археологіи. Наравнѣ съ открытіями 1873 г. у с. Гонцовъ въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, описанными г. Каминскимъ, и съ открытіями 1877 г. у с. Карачарова въ Муромскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, сдѣланными гр. Уваровымъ, находки въ с. Костенкахъ, сдѣланныя въ 1879 году г. Поляковымъ и дополненныя мною въ 1881 г., составляютъ не только первоначальные археологическіе предметы, но любопытныя для каждаго просвѣщеннаго читателя, самыя первоначальныя свидѣтельства бытности человѣка на прострѣнствѣ нынѣшней русской земли, и древнѣе ихъ наука не знаетъ. Всѣ эти находки съ неоспоримой убѣдительною опровергають мнѣніе, еще 8 лѣтъ тому назадъ высказанное авторитетами въ археологіи, гг. Ворсо и Гревинкомъ, — будто въ Россіи человѣкъ не существовалъ въ періодъ мамонта, что колонизація началась съ самой южной приморской части и даже будто вообще Россія заселена позднѣе западной Европы. Теперь гр. А. С. Уваровъ, на основаніи уже первыхъ двухъ находокъ, высказываетъ твердое убѣжденіе ¹⁾, что древнѣйшія времена палеолитической эпохи наступили непосредственно за окончаніемъ

¹⁾ Кам. періодъ I, 119, 159.

ледниковаго періода и составляют настоящее начало первобытной археологіи, что первые слѣды существованія человѣка принадлежатъ періоду мамонта и что выше перечисленныя находки много древнѣе всѣхъ прочихъ, сдѣланныхъ въ западной Европѣ. Открытіями въ с. Костенкахъ совершенно подтверждается мнѣніе нашего почтеннаго археолога, что Россія въ палеолитическую эпоху была обитаема между 50° (с. Гонцы) и $55\frac{1}{2}^{\circ}$ (с. Карачарово) сѣв. широты. С. Костенки лежить, дѣйствительно, между тѣми параллелями подъ широтою 51° .

Замѣчательно сходство въ общемъ типѣ сдѣланныхъ находокъ, свидѣтельствующее, съ одной стороны, объ одинаковости и распространенности обстоятельствъ быта того времени, а съ другой—объ убѣдительной очевидности открытій и точности ихъ описанія.

Въ Гонцахъ, въ Карачаровѣ и въ Костенкахъ изслѣдователи открыли кухонные остатки, и это было ясно для нихъ съ перваго дня раскопокъ. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ трапеза совершалась главнымъ образомъ мясомъ мамонтовъ, съ присоединеніемъ немногихъ другихъ современныхъ ему и частію уже вымершихъ животныхъ. До сихъ поръ неизвѣстно никакихъ данныхъ, разъясняющихъ древніе способы овладѣвать мамонтами. Въ кухонныхъ остаткахъ не найдено ни одного орудія, которое можно было бы признать за наконечникъ стрѣлы или копья, увязнувшій въ мясѣ умерщвленнаго животнаго ¹⁾. Рытье ямъ, куда мамонты будто бы падали во время бѣга и издыхали тамъ, есть только предположеніе, сдѣланное по аналогіи со способами ловли слоновъ у индусовъ. Въ виду чрезвычайной трудности овладѣванія мамонтами, ихъ умерщвленія и расчлененія, сколь бы огромны ни были поселки того времени, изумительнымъ является количество животныхъ, потребное для единовременной трапезы, тѣмъ болѣе, что не видно выбора для ѣды опредѣленныхъ частей организма. Одинъ взрослый мамонтъ,—полагая его въ 200 пудовъ и, слѣдовательно, чистаго въ немъ мяса 100 пуд., съѣденный весь могъ бы напитать слишкомъ шестьсотъ человѣкъ. Мнѣ кажется, затрудненіе весьма упростится, если допустить, что катастрофы ледниковаго періода могли и въ Европейской Россіи губить и замораживать стада мамонтовъ, какъ это происходило въ полярной Сибири; люди же палеолитической эпохи могли выбирать для поселковъ мѣста, изобилующія, кромѣ воды да кремневыхъ желваковъ, и такими естественными запасами провизіи обезпечивающей вѣрнѣе, нежели бродячія стада. Подобно звѣрямъ и собакамъ, питавшимся оттаявшимъ трупомъ Ижиганскаго мамонта, который

¹⁾ Кости пронзенныя кремневыми охотничьими орудіями были находимы во Франціи, но принадлежатъ не мамонту (Кам. періодъ, I, 240).

былъ открытъ въ началѣ нынѣшняго вѣка и описанъ Адамсомъ, и первобытные люди могли извлекать куски животныхъ, стаскивать ихъ въ одно мѣсто и упитываться мясомъ лежалымъ и потому не столь твердымъ, сообразно своему вкусу ¹⁾). Трапеза разнообразилась случайно попадавшимися подъ руку изъ многочисленныхъ тогда животныхъ. Если это предположеніе о питаніи трупами погибшихъ животныхъ еще не принято наукой, то оно во всякомъ случаѣ даетъ поводъ не къ большому числу возраженій противъ себя, чѣмъ и гипотеза успѣшной охоты сразу за нѣсколькими десятками мамонтовъ. Въ Костенкахъ изъ перваго открытаго пепелища обследованъ лишь край, но и на немъ засвидѣтельствовано присутствіе разрозненныхъ остатковъ почти двадцати колоссальныхъ животныхъ; въ с. Карачаровѣ еще на меньшемъ пространствѣ оказались остатки 14 мамонтовъ. А будь трапеза результатомъ поимки одного-двухъ мамонтовъ, картина пепелища была бы совсѣмъ иная ²⁾).

Обиліе найденныхъ костей во всякомъ случаѣ говоритъ въ пользу многочисленности и общности населенія. Нахожденіе же костей въ разныхъ пунктахъ селенія, мнѣ кажется, можетъ быть истолковано такъ, что обитатели, въ виду приволья мѣстности, исподволь мѣняли мѣсто ѣды, къ чему они были вынуждаемы разложеніемъ брошенныхъ остатковъ и удручающимъ запахомъ отъ нихъ. Свѣжіе куски отъ тѣхъ же оттаивающихъ труповъ привлекались на другой пунктъ, и питаніе слѣдовало въ принятомъ порядкѣ. Кости мамонта и въ другихъ пунктахъ Костенокъ суть такіе же кухонные отбросы, съ пепелищами или безъ оныхъ, и имѣютъ при себѣ кремневые орудія.

Провизія была собрана къ ручью, на глинистомъ берегу, и люди, располагаясь для ѣды, разводили большой огонь, чтобы грѣться въ воздухѣ, суровомъ отъ не вездѣ еще растаявшихъ льдовъ; огонь могъ быть полезенъ и для другихъ бытовыхъ цѣлей, пока неизвѣстныхъ наукѣ. По исчезновенію угля, еще нѣтъ данныхъ къ опредѣленію породы сжигавшихся деревьевъ. Набравъ желваки кремня и мелкіе ледниковые валуны, люди, грѣясь у огня, начинали дѣлать орудія питанія. Они сбивали съ желваковъ кору (обивки), стараясь придать ядрищу форму призмы, снимали затѣмъ мелкія неровности (осколки, острія); наконецъ, сильными и искусными ударами получали кремневые орудія съ двумя параллельными лезвіями (фиг. 1, 6, 9, 13, 21, 22);

¹⁾ Я не имѣю ничего противъ предположенія, что стадо мамонтовъ могло погибнуть вслѣдствіе умышленнаго загона на обрывы крутыхъ овраговъ, и при морозной погодѣ мясо сохранилось долго.

²⁾ Мы полагаемъ, что гипотеза г. Кельсева нуждается въ дальнѣйшихъ фактахъ для своего подтвержденія. Д. Ануч.

лезвія эти, для большей прочности, притуплялись рядомъ частыхъ мелкихъ ударовъ съ выпуклой стороны. Попадались подъ руку другіе крѣпкіе камни, діориты, кварциты,—и они шли въ дѣло для приготовления скребковъ. Орудіе человѣкъ бралъ въ щепоть и скребъ сырое, отчасти уже размягченное гнилостью, мясо въ ту сторону, куда была обращена плоская сторона, и поскребки, быстро скоплавшіеся на ней, клалъ въ ротъ или прямо съ кремня, или подхватывая ихъ пальцами другой руки. Мясо всякое употреблялось съ одинаковымъ аппетитомъ, и грубое и нѣжное, и свѣжее и падалъ. При измельченіи его скребками, дѣйствительно, и не могло быть большой разницы. Иныя кости, совершенно оглоданныя, бросались въ огонь, гдѣ и перегорали наравнѣ съ нѣкоторыми, случайно же попавшими въ огонь, осколками кремня и валунами; кости трубчатая, содержащія мозгъ, были разбиваемы большими, клинообразно расколотыми камнями, также и черепа, при чемъ приходилось выламывать бивни. По насыщеніи ¹⁾, орудія оставались или просто брошенными на землю, или увязнувшими въ недоѣденномъ мясѣ. Присутствіе овальныхъ скребковъ (фиг. 8, 10, 13) даетъ поводъ къ предположенію, что на мѣстѣ трапезы производилась и выдѣлка шкуръ, нужныхъ для жилья и одежды. Посуда не была изобрѣтена, и отъ эпохи мамонта не найдено еще ни одного посуднаго черепка. Затвердѣніе глины подѣ дѣйствіемъ огня могло наводить на мысль о пригодности глины къ разнымъ подѣлкамъ, что и подтверждается находками въ другихъ мѣстахъ ²⁾.

Кромѣ присутствія проточной воды, кремневыхъ желваковъ и тѣхъ или другихъ удобствъ въ добываніи пищи, человѣкъ палеолитической эпохи, какъ по преимуществу пещерный обитатель, селился у подножія мѣловыхъ скалъ, вѣроятно, еще и потому, что находилъ тамъ трещины, расщелины, пещеры, удобныя для убѣжища. Нынѣшній уровень долины Покровскаго ручья въ с. Костенкахъ много выше доисторическаго, вслѣдствіе наносовъ, настанія чернозема и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе постепеннаго разрушенія самихъ скалъ, ссыпающихъ книзу мѣловой щебенъ и гальку. Въ этомъ направленіи не сдѣлано еще никакихъ археологическихъ попытокъ, а вопросъ заслуживаетъ вниманія, ибо въ пещерахъ не рѣдко погребались ихъ обитатели; находка же скелета или черепа человѣка современнаго мамонту имѣла бы для науки интересъ чрезвычайный. Нигдѣ подобныхъ вещей до сихъ поръ еще не открыто и къ сужденію о строеніи пер-

¹⁾ По наблюденіямъ лондонскаго фізіолога Певі, для насыщенія человѣка нерабочаго, при питаніи однимъ мясомъ, нужно послѣднее ежедневно въ количествѣ 6 фунтовъ; въ смѣси съ хлѣбомъ—только $\frac{3}{4}$ фунта.

²⁾ Кам. періодъ I, 237.

вобытнаго человѣка мы не имѣемъ пока никакихъ данныхъ. Описанныя здѣсь находки освѣщаютъ намъ только картину питанія. Нынѣшніе Костенки служили древнему многочисленному населенію поприщемъ существованія продолжительное время; въ виду счастливой сохранности культурныхъ остатковъ, сюда и должны быть направлены усиленные средства современной науки для выясненія прочихъ моментовъ древняго быта.

VI.

Неолитическія орудія. Лѣвый берегъ Дона.

Человѣкъ каменнаго вѣка, какъ не скотоводъ, устроившись на одномъ мѣстѣ, не имѣлъ натуральныхъ поводовъ къ перекочевкамъ. Дѣйствительно, продолжительное обитаніе побережья Дона въ семь мѣстъ подтверждается случайными находками горшечныхъ черепковъ и орудій неолитической эпохи. Истощеніе ископаемой провизіи, трудности охоты и вѣроятная борьба съ новыми ордами переселенцевъ вызвали потребность въ кремневыхъ кинжалахъ, наконечникахъ стрѣлъ и копій, непремѣнной принадлежностью коихъ является строгая симметричность въ обѣихъ сѣченіяхъ (иначе стрѣла или дротикъ не могли бы сохранять даннаго направленія), тщательная обивка съ обѣихъ сторонъ, заостреніе и признаки прикрѣпленія ко древку. Можетъ быть, и пища стала употребляться въ пищу жареная, удобная къ сѣданію безъ инструментовъ; потому кухонныя орудія палеолитической эпохи, при всей ихъ практичности, выходятъ изъ употребленія и смѣняются орудіями охоты.

Выше было сказано, что находки древностей бывають и на противуположномъ берегу Дона. Г. Поляговъ, поминая о нихъ, не указалъ однако пунктовъ. Лѣвый берегъ, сравнительно, низкій, отлогій, песчанистый. Мы съ г. Гарденинымъ сдѣлали туда двѣ спеціальныя прогулки и обследовали его отъ моста въ ту и другую сторону версты на двѣ. Близъ моста, влѣво и далѣе къ сѣверу версты на полторы до Костенскаго хутора, въ размывахъ на 1 аршинъ, подъ черноземомъ обнажаются старыя лошадиныя кости и черепки горшковъ, узорчатые, очень разнообразныя и любопытныя. Вправо отъ моста, на песокъ, заросшемъ травою и покрываемомъ ежегодными разливами Дона, попадаются мелкія кремневыя неолитическія орудія разной формы, темно-роговаго цвѣта и сохранившія прозрачность и, цѣликомъ или мѣстами, потускнѣвшія. Въ 1 часъ тремя людьми собрано 12 штукъ. Согласно извѣстной теоріи передвиженія рѣкъ, подтверждаемой здѣсь высотой и крутостью скалъ со стороны села, русло Дона, какъ текущаго по направленію къ экватору, должно было въ древности про-

легать восточнѣе и нынѣшнія находки орудій на лѣвомъ берегу суть, можетъ быть, лишь перемытые остатки доисторическихъ поселеній праваго берега.

Коллекція, добытая мною въ с. Костенкахъ для Императорскаго Россійскаго Историческаго Музеума, состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ:

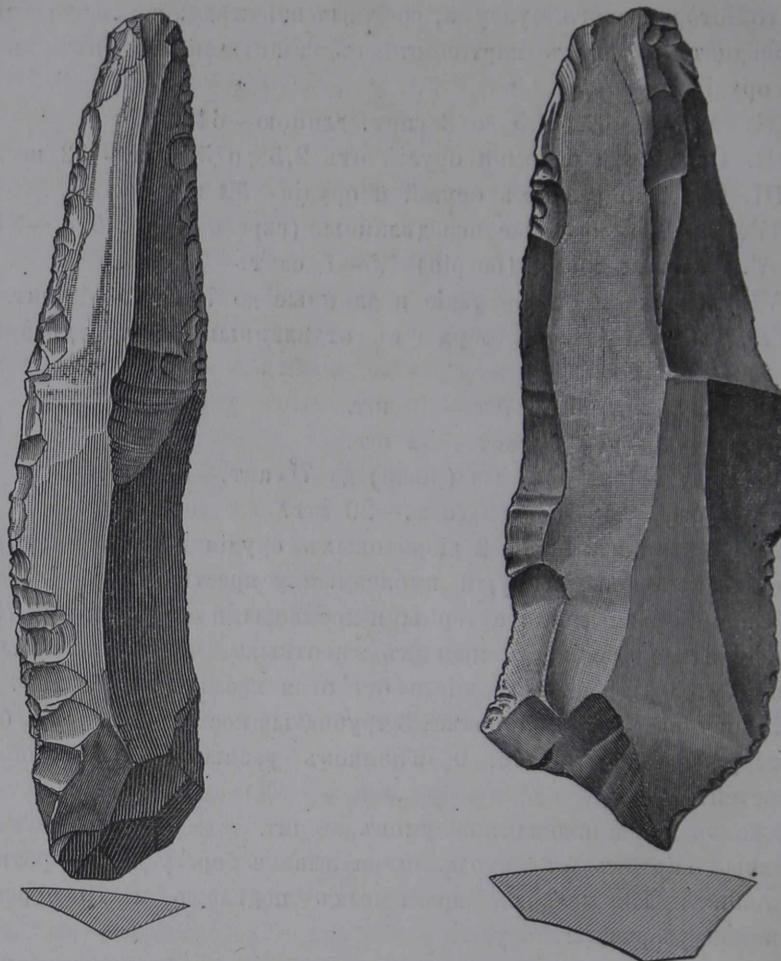
Двѣнадцать темныхъ картоновъ, съ нашитыми на нихъ кремневыми орудіями:

- I. Осколки отъ 1,5 до 3 сант. длиною—64 шт.
  - II. Осколки и обломки орудій отъ 2,5 до 5 сант.—52 шт.
  - III. Обломки разныхъ орудій и орудія—50 шт.
  - IV. Осколки крупные необдѣланные (скребки) до 8,5 с.—31 шт.
  - V. Осколки тонкіе (острія) 1,5—5 сант.—76 шт.
  - VI. Осколки и орудія узкіе и длинныя до 7 сант.—40 шт.
  - VII. Скребла разной формы съ отдѣланными и неотдѣланными краями—28 шт.
  - VIII. Орудія до 5,5 сант.—39 шт.
  - IX. Орудія до 6,5 сант.—32 шт.
  - X. Орудія листовидныя (ножи) до 7 сант.—36 шт.
  - XI. Ножи отъ 6 до 12 сант.—20 шт.
  - XII. 8 кварцитовыхъ, 2 діоритовыхъ орудія и 4 кремневыя ядрища, 7 кремневыхъ орудій купленныя у крестьянъ.
- Чашка съ разными характерными кремневыми обивками—до 75 шт.
 Неопредѣленныя кости мелкихъ животныхъ, челюсть лисицы, костяной уголь и растрескавшіеся отъ огня кремневыя осколки.
 Мамонтовыя кости: лопатка, 3 трубчатыя кости, позвонокъ, бабки, 9 разрушенныхъ зубовъ, 9 обломковъ разныхъ бивней, обломки челюстей.

Осколки песчаниковыхъ валуновъ—6 шт.

Бѣлый картонъ, съ находками на лѣвомъ берегу Дона, противъ с. Костенокъ: 13 мелкихъ кремневыхъ подѣлокъ и 19 черепковъ глиняной узорчатой посуды.

Прилагаемыя таблицы А и В изображаютъ нѣкоторыя наиболѣе типичныя изъ описанныхъ орудій.

Самыя большія орудія изъ раскопокъ въ с. Костенгахъ въ 1881 г.
См. стр. 172, также картонъ XI.